

ШЁПОТ В ТЕМНОТЕ

«Я обладаю всем миром. Обладаю каждым сердцем. Могу обладать каждой женщиной. Провести ночь с темным богом, с богом порока, который выполнит все их желания, разве не об этом мечтает каждая? Они прятали свою страсть в темных уголках души... И я знаю все их секреты и тайны... Их темные и сладкие мечты, которые они скрывали под масками добродетели и любви... Ты никогда не знаешь, бывшая богиня света, о чем мечтает женщина, которая идет под ручку с любимым... А она мечтает о том, чтобы он однажды был груб и жесток, чтобы терзал ее и мучил, наслаждался ею, как самой сладкой победой. Но он нежно гладит ее руку и сухо целует в щеку, а она улыбается ему фальшивой улыбкой, в тайне желая страстного и сочного поцелуя на раскаленных простынях... Я знаю, куда скользит ее рука в тот момент, когда она закрывает глаза и отдается мечтам... Я способен выполнить самое сладкое, самое страшное, самое сокровенное желание, в котором ты боишься себе признаться... Бог Тьмы».

Пролог

Полумраке виднелся черный силуэт, а через мгновение с шуршанием раскрылись огромные черные крылья, как у птицы. Сон про убийство встал перед глазами, сердце вздрогнуло от ужаса, и тут же оборвалось, когда послышался отнюдь не вкрадчивый голос: «Тебе конец, богиня!».

- Что?!! – удивилась я, не ожидав такого поворота событий!

- То, что слышала! – голос был величественным и насмешливым, а по моей щеке скользнул коготь.

Я дернулась, оставив в его руках часть платья, и бросилась бежать, видя, как из-за черной двери сочится тьма. Она заполняла все вокруг, растекаясь, словно живая.

Я бежала, старясь не оглядываться, слыша лишь свое сбивчивое дыхание и шелест белоснежной туники. К сожалению, времени, чтобы заняться угрызениями совести, у меня не было, но я всячески пыталась исправить это упущение, ускоряя темп.

- Вот угораздило меня! – тихо всхлипывала я, не узнавая свой уютный храм. Если раньше он был пронизан слепящим, ярким светом, то сейчас свет угасал, уступая место тьме. Белоснежные колонны чернели, словно от старости, а последний луч света, падающий на волшебное зеркало, померк, погружая все вокруг в холодный, пугающий и беспросветный мрак.

Свет, который исходил от меня, все еще освещал очертания зала и черный пол, а я лихорадочно металась между колоннами, пытаюсь найти место, где можно спрятаться от того, что идет за мной попятам. Тьма клубилась под сводами мрачного потолка, сочилась, поглощая все вокруг и растворяя в черноте. Мои зубы стучали, а я знала, кого скрывает этот непроглядный и чарующий мрак.

По спине шустро пробежали мурашки первобытного ужаса при мысли, что мой свет уже не может развеять тьму, которая сгущается, словно обволакивая меня.

Мне показалось, или я слышала шелест крыльев? Или это шелест длинного подола, который я придерживала, чтобы не наступить, мечась по собственному залу.

Сердце лихорадочно колотилось, а я видела перед собой все ту же стану мрака, чувствуя, как мой свет постепенно угасает. Я прижалась к черному мрамору колонны, которую нащупала в потемках, пытаюсь хоть на минуту перевести дух. Из тонких дрожащих пальцев вылетел маленький яркий светлячок, пытаюсь мужественно сражаться с подступающим и пожирающим все краски мраком.

- Отдайся мне, - шептала темнота, пока я мысленно пыталась представить, куда бежать дальше, направо или налево. Весь мир был окутан непроглядной пеленой, а мои глаза лихорадочно искали выход.

- Ф-ф-фигушки, - сглотнула я, чувствуя, как меня пробирает мурашками неприятностей до самой совести. Это я во всем виновата! В ушах до сих пор звучали крики: «Уничтожить богиню! Это она навлекла на нас тьму!».

Сердце оборвалось, как только послышался неожиданно нежный шорох крыльев и подозрительно мягкие шаги. Я оборачивалась по сторонам, пытаюсь понять, откуда они доносятся, но в непроглядном мраке было сложно сориентироваться. Глухие удары перепуганного сердца гулко вторили каждому шагу крадущейся тьмы, а призрачное эхо разносилось по всему залу.

- Где моя маленькая богиня света? – снова слышался вкрадчивый голос из темноты, а я осматривалась по сторонам, боясь шелохнуться. – Где мой маленький светлячок? Куда же он от меня спрятался?

Я зажмурилась, сжимая кулаки. На мгновение шаги стихли, а рядом раздался шорох крыльев. Меня обдало прохладным ветерком перемен, и, возможно даже, в личной жизни, если судить о том, что мне только что нашептывала тьма. Я бросилась в сторону, в надежде ускользнуть, но споткнулась о ступеньку и потеряла равновесие.

- Смотри, не упади, звездочка моя, а не то мне придется загадывать желание. Как представлю, каким оно будет, мне даже становится жаль тебя, - слышался вкрадчивый шепот, а меня схватили за талию, прижимая к себе.

Мои пальцы тянулись к моему светлячку, который пожирала плотоядная, молчаливая и холодная тьма. Огонек погас, а я осталась в крошечной темноте, чувствуя прикосновение к своим волосам.

- Знаешь, почему твой свет гаснет, мой маленький светлячок? Люди устали быть добродетельными, - слышался голос возле моего уха. Чья-то рука осторожно отвела прядь волос, вызывая во мне чувства противоречивые и тревожные. - Тьма обнажает все пороки. Тьма прикрывает любое преступление, скрывает тайны и хранит секреты... Во тьме вершатся черные дела. Под покровом тьмы сводят старые счета, приводят в исполнение страшные приговоры... Я воплощение той самой тьмы, тех самых пороков, которые прятались и ждали своего часа, чтобы выйти наружу...

- Поздравляю, - мрачно произнесла я, пытаюсь разжать чужие пальцы. - А ты не мог бы заползти обратно? А?

- А знаешь, что еще скрывает тьма? - страстно задышавшись, прошептал голос. В нем слышалось то, от чего чужие руки на моей талии стали смущать меня еще сильнее. - Алчность, гнев, гордыню, ненасытность, зависть, лень, уныние и похоть...

- Давай начнем с уныния? Ты уныло вернешься туда, откуда пришел, и тебе лень будет выходить? Можешь гневаться, сколько влезет, завидовать всем, но желательно молча, строить алчные и ненасытные п-п-планы по завоеванию мира. А п-п-похоть как-нибудь приложится... Правда - правда. От женщин одни проблемы! От меня особенно! Как говорить? Все в твоих р-р-руках, - нервно дернулась я, чувствуя, как каждое слово приближает меня к моральной травматологии.

Слышался приглушенный, злобный смех, а я тяжело задышала, дрожащими руками пытаюсь разжать чужие пальцы.

- Можешь мне просто позавидовать, разрешаю, - процедила я, тщетно пытаюсь освободиться. Мои губы дрожали, а я пыталась извернуться и пнуть его как следует.

- Я жажду всего, что есть в этом мире, моя маленькая звездочка. Слишком долго я был в твоём плену, - слышался страстный голос возле моего уха, а моей щеки коснулись перья чужих крыльев. - Мир отдаст все, что принадлежит мне по праву. А что не отдаст, я отниму...

Я чувствовала, как меня разворачивают к себе. Сердце испуганно забилося в тот момент, когда мою голову запрокинули, проводя по шее тревожно нежную черту. Что он делает? Мне это не нравится.

- И делиться я ни с кем не собираюсь, - выдохнула тьма, а я почувствовала, как меня держат за волосы, целуя так, что земля уходила из-под ног, не прощаясь.

- Читай по губам, - страстно шепнула тьма, раскрывая крылья. - Мир теперь принадлежит мне. И ты немедленно встанешь передо мной на колени! Встань на колени перед богом тьмы!

- На...к-к-колени? - удивилась я такой разительной перемене. А как же «светлячок», как же «звездочка»? Не понимаю.

- Я унижался перед тобой, просил открыть дверь, - властно произнес голос. Если тепло и любовь в голосе измеряется кучками, то тут явно ямка! - Тебе же не сложно было ее открыть, не так ли? Но ты не открыла. А если бы открыла сразу, не заставляя меня идти на уловки, то я бы, возможно, был с тобой помягче!

- Откуда я знала, что тебе можно верить? - шептала я, пытаюсь вырваться и прорваться к зеркалу.

- Подумай сама. Что было изначально? Свет или тьма? Сначала была тьма, - слышался тот самый голос, от которого у меня по коже пробежали мурашки ужаса. - И бог тьмы выбирает богиню света. Свет - всего лишь приложение к тьме. Поэтому тьма имеет

право выбора. Я менял богинь, как перчатки, пока одна из них не додумалась обмануть меня, заперев в комнате на почти сотню лет.

- Ты не имеешь надо мной власти, - стонала я, пытаюсь вырваться их цепких когтей двуличного мерзавца.

- Страх - это тоже порождение тьмы. Это - не порок. Это просто первобытный, первозданный страх, который я разбудил, - слышался холодный голос. - На колени! Преклонись перед тьмой! Теперь это - мой храм. И ты - моя пленница.

- Беги! - пронзительно кричало зеркало неподалеку, а я рванулась так, что едва не упала, чувствуя, как когти оставляют на моей коже страшные царапины. - Сюда, богиня!

Оно сверкнуло в темноте, давая мне надежду. Я почти добежала, видя, как волнуется зеркальная гладь, как вдруг черная вспышка ударила в зеркало, послышался оглушительный звон, эхом отдаваясь от гулких стен. Осколки разлетелись, чудом не задев меня, а волна швырнула меня на пол. Я чувствовала под пальцами треугольный осколок, размером с карманное зеркальце, который тут же спрятала в руке.

- Вставай. Некуда бежать! - слышался надменный смех, а в темноте стали проступать золотые вензеля, груды сокровищ сыпались прямо сверху, насыпаясь в звенящие горы. Магическое сияние осветило храм, а я увидела страшное лицо, заросшее бородой...

- Нет! - сглотнула я, чувствуя, как меня ставят на ноги.

- Я придумал, как отомщу тебе, - усмехнулся жестокий голос мне на ухо. - Лети сюда, моя птичка.

Когтистая рука сделала странное движение в воздухе, а посреди храма появилась огромная золотая клетка. В клетку вела роскошная, парящая в воздухе золотая лестница. Дверца клетки была открыта.

Я с ужасом смотрела на клетку, сжимая и пряча осколок, который надеялась всадить в это чудовище.

- Нравится? Она из чистого золота! - слышался голос, а меня взяли на руки. Мы дернулись вверх, а я все еще не могла поверить в то, что вижу своими глазами. - Я сделал для тебя качели! Чтобы тебе не скучно было, ПОКА ЧТО БОГИНЯ!

Он подчеркнул эти слова так, что у меня волосы зашевелились.

Меня втолкнули в клетку, а я увидела, что мое платье стало золотым. Дверь закрылась со скрипом петель, а я попыталась ее открыть, но тщетно. Черный силуэт отступил во тьму, а над куполом клетки засветился диск, похожий на луну. Лестница вела к качели вверх и вниз, на дно клетки, где вместо кровати было что-то похожее на мягкое ложе, усыпанное роскошными подушечками.

Ноги не слушались, а я спустилась вниз, пытаюсь поверить в реальность происходящего. Полупрозрачные шторы едва скрывали роскошное ложе, а под лестницей стоял горшок.

Не верю! Я не верю! Это сон!

- Тебе нравится? - слышался голос, а я нервно сглотнула, чувствуя, как по руке течет кровь. - Я старался для тебя. Ты никогда не выйдешь отсюда.

- Как ты собираешься править миром, если у тебя нет зеркала? - крикнула я, слыша, как дрожит мой голос.

- Зеркало создавалось для богини. А у меня есть крылья, - слышался голос в темноте, которая окружала меня. Блеклый свет магической луны отражался от золотых прутьев клетки. - Теперь ты моя узница. И, заметь, я был милосерден.

«Двадцать тысяч плюс коммуналка! Деньги до десятого числа на карточку», - промелькнуло в моей голове, пока я рассматривала новое жилье. Я зажмурилась, видя странные образы, видимо, из прошлого.

- Теперь ты – моя игрушка для утех, - произнес Бог Тьмы.

- А не дороговато за однушку на окраине? – капризно произнесла я, рассматривая переливающееся золото прутьев. Нужно взять себя в руки и успокоиться! Возможно, удастся похудеть настолько, чтобы протиснуться между прутьями! – Почему санузел сдельный? Хорошо, спрошу по – другому! Почему санузел сдельный со спальней, кухней и прихожей?

- Угомонись, - с затаенной угрозой произнесла Тьма, а я обернулась, слыша шуршание крыльев. – Многие девушки мечтают попасть в золотую клетку. Будешь себя хорошо вести, я, так и быть, оставлю тебя себе. Кто-то же должен меня развлекать, пока я не выбрал себе новую богиню? Пой! Это приказ!

- Я здесь!- слышался шепот из осколка. – Ты можешь убить его только мной! И тогда ты останешься богиней света навсегда... И больше не будет тьмы!

Что значит «убить»? За такое убить – слишком мало! Я еще буду танцевать на его могиле танец боевых индейцев, притаптывая клумбочку!

- Пой, птичка, пой, - насмешливо повторил Бог Тьмы. Я видела лишь его силуэт. – И тогда, возможно, ты мне понравишься. Может, я передумаю искать новую богиню. Подумай над этим.

- Я не умею петь! – со вздохом ответила я, зябко поежившись.

- Придется научиться, - холодно произнес Бог Тьмы. Я поежилась от этого холода. – И петь, и танцевать... Я хочу посмотреть на то, как ты качаешься на качелях и поешь... Считай это прихотью победителя.

Мои пальцы нервно сжали осколок, а по юбке потекла кровь. Хорошо, будем учиться петь. Я усмехнулась, присаживаясь на кровать и пряча осколок под красивую подушечку, и стала подниматься по ступеням. Мои пальцы касались золотых прутьев, а на них играли блики от моего прикосновения. Я все еще богиня света.

Качели скрипнули, а я оттолкнулась ногами. Длинная золотая юбка скользнула по площадке, паря в воздухе.

- Красавица, - усмехнулся Бог Тьмы, а я видела его, вальяжно рассевшегося на черном троне. Он жадно смотрел на меня. Но меня пугал не взгляд, а улыбка. – Я проведу тебя в золотой клетке, как мой трофей, через все города... Ты будешь одета в самое роскошное платье и петь, маленькая птичка...

Такого позора мы не переживем! Нужно срочно принимать меры! Не хватало еще отправиться в гастрольный тур. Сегодня мы собираем стадионы в столице, а завтра покоряем провинцию. И вот мы уже выступаем в доме культуры по будням. И дом бескультурья по выходным.

- Луч солнца золотого, - лихо завела я так, что улыбка тут же стерлась с лица Бога Тьмы. Видимо, он понял, что стадион придется собирать два раза. Первый раз до концерта, а второй раз после первого куплета.– Тьмы скрыла пелена...

Темный Бог подавился. Я не утверждала, что пою лучше соловья! Есть много красивых птичек, обделенных и слухом, и голосом. Так что, я немножко павлин.

- И между нами снова... - старательно выводила я, удивляясь, откуда взялась эта песня в моей голове. – Вдруг выросла стена... Ночь пройдет, наступит утро ясное... Знаю счастье нас с тобой ждет... Ночь пройдет, пройдет пора ненастная... Солнце взойдет...

Пока я пела все, что в голову взбредет, а память подбрасывала мне такие слова, что едва успевала удивляться...

- Я буду петь тебе всю ночь до утра! – радостно анонсировала я, понимая, что это у меня невнятный мотив, а у Темного Бога есть вполне понятный мотив для моего убийства.

- У-у-у-у-у солнце взойдет... - выла я, слыша, как мой голос многократно отражается от стен. Слов уже было не разобрать.

- Хватит!!! – послышался яростный голос, а Темный Бог встал. – Прекратила! Немедленно!

Я осеклась, а эхо все еще выло за меня...

Нужно заманить его в клетку! Сделать так, чтобы он потерял бдительность и расслабился. Я видела себя со стороны, сжимающую острый, сверкающий осколок над его грудью... Картинка мне понравилась, а я посмотрела на темного бога, который подлетел к прутьям клетки.

- Знаешь, - кротко ответила я, слезая с качели и подходя к нему. – Мы ведь можем с тобой договориться...

- И как же ты собралась со мной договариваться? – послышался голос бога тьмы, который смотрел на меня пристальным взглядом светящихся глаз.

- Как взрослые люди, - улыбнулась я, чувствуя, что нужно что-то предпринять. Он должен войти к клетку... Я протянула руку, глядя роскошное черное одеяние на его груди. Бррр! Перед глазами снова сверкнул занесенный над ним осколок над незащищенной грудью. – Ты мне безумно нравишься... Но я тебя немножко боюсь... Помнишь, что ты мне обещал...

Я старалась не смотреть ему в лицо, разглядывая подсвеченный моей рукой узор его платья. Главное успеть!

- То есть, ты хочешь меня соблазнить? – улыбнулся Темный Бог, а я старалась не смотреть ему в светящиеся глаза. Его черные крылья развернулись, заслоняя свет от магического золота. – Чтобы я оставил тебя богиней?

- Да, - прошептала я, чувствуя, как меня колотит нервный озноб. Мою руку больно схватили, прижав к себе. А вторая рука с длинными когтями взяла меня за подбородок, понимая мою голову. От нее сочилась удушающая тьма. – И показать тебе, что такое фрикасе...

Нет, ну а что? Я от истины не далеко ушла!

- Тебе не удастся меня соблазнить, богиня света, - послышался насмешливый голос, а кисть моей руки больно сжали. – Я прекрасно знаю, на что ты способна. Я наблюдал за тобой. Изучал тебя.

Он прошел тьмой сквозь прутья клетки, глядя на мое изумление.

- Для тьмы не существует преград и заслонов... Это от света можно спрятаться, но не от меня, - холодно произнес Бог Тьмы. Мы стояли на площадке в самом верху клетки. Если он меня отпустить, и я упаду вниз. Мои ноги балансировали на самом краю.

- Я ведь не хочу быть тварью. Или хочу? – увидела я холодную улыбку. – Почему, глядя на тебя мне очень хочется быть чудовищем? Не скажешь мне?

Я почувствовала, как теряю равновесие, с ужасом цепляясь свободной рукой за его грудь. Послышался смех, от которого у меня по коже побежали мурашки.

- Ты не в моем вкусе, - слышался голос, пока я понимала, что зависла над пропастью. Нет, падать с высоты двухэтажного дома прямоком на кровать – это что-то новенькое, но позвоночник подсказывал, что лучше консервативно обниматься. Темный Бог держал меня за руку, слегка ослабляя хватку.

- Страшно, - усмехнулся он, когда я покачнулась на краю. Но рука снова сжала меня стальной хваткой. – Богини тоже умирают...

Я знаю одно – единственное место, в котором есть отличное справочное бюро для назойливых почемучек, зал ожидания для тех, кто успели меня достать, свободные койки для приставучих мужиков и номера люкс для всяких негодяев и мерзавцев. И что-то мне подсказывает, что еще немного, и я шепну ему на ушко заветный адресочек.

- Но в тебе что-то есть, - заметил темный бог, прикрывая глаза и улыбаясь. – Иначе бы я

уже отпустил бы твою руку... Хотя нет, я ошибся. В тебе нет ничего такого, что могло бы мне понравиться...

Внезапно он отпустил мою руку. Я дрогнула, теряя равновесие. В какой-то момент мне удалось судорожно схватиться за его одежду, а похолодевшая спина почувствовала ледяное дыхание пропасти.

Руки дрожали, пытаюсь впиться в его одежду и панически прижаться к нему покрепче. Темный бог сделал шаг вперед, а я поняла, что стою лишь на носочках.

- Прощай, богиня, - послышался спокойный голос, а меня поцеловали в похолодевший после этих слов лоб и толкнули вниз.

Перед глазами промелькнули его лицо с улыбкой, черные крылья, золотой купол клетки.

Мои руки судорожно пытались удержаться за воздух, глаза застилала золотая ткань длинного шлейфа. Я падала вниз, страх сжал горло спазмом, глаза закрылись, пока в голове вертелось: «Это – сон... Просто сон...».

Сердце осталось где-то вверху, замерев от ужаса. Даже жизнь не успела пролететь перед глазами!

И тут я почувствовала, как в последний момент, когда я сжалась перед неизбежным падением, меня схватили на руки.

-И почему же сердечко так бьется? – послышался его насмешливый голос. Сердце заходило в истерику, а тело оцепенело. – Неужели оно испугалось высоты? Падать, светлячок очень больно... Особенно, когда до этого стоял на вершине мира...

Я цеплялась за него, как в последний раз, боясь открыть глаза. Резкие взмахи крыльев рывком поднимали меня вверх. Мне удалось открыть один, самый храбрый глаз, чтобы убедиться в том, что я действительно еще жива.

- Я хотел загадать желание. Но для этого нужно было просто уронить звездочку, - слышала я голос, все еще не веря, что все обошлось. – Так что ты там говорила на счет соблазнения?

Мое платье слетело вниз и упало поверх кровати. На губах моих горел дьявольским огнем предательский поцелуй.

- Я ненавижу тебя так страстно, что твое предложение принято, - шептали ненавистные мне губы, обжигая шею поцелуями. Огромные крылья держали нас в воздухе, а сердце умоляло отпустить меня на землю.

- Ненависть окрыляет не хуже любви, - шептали мне, прижимая к себе так, что я уже прокляла то мгновение, когда случайно открыла дверь. Меня резко отпустили, а я попыталась схватиться за крыло, вырывая пучок перьев. Знала бы, где упаду, перышек подстелила... Черненьких...

Меня снова подхватили в воздухе, а я тихо стонала в чужих руках, понимая, что рожденный ползать – летает метко и больно.

- Неужели ты мне совсем не доверяешь? – слышался голос в тот момент, когда по моей щеке скользили поцелуи. – Доверяешь мне или нет?

Я готова была доверить ему право идти вместо себя на три веселых и увлекательных буквы, но в свете предыдущих событий, понимала, что пришла и в ситуацию, и на неприятности.

- Странно, а твое сердце не доверяет, - издевался надо мной темный бог. – Иначе бы оно так не вздрагивало каждый раз...

Он рассмеялся в мои волосы, пока я мысленно умоляла его пойти на посадку.

- Не бойся меня, - шептали мне, прижимая к себе и осторожно садясь на землю. – Весь мир, которому я уже отомстил, мечтал бы с тобой поменяться местами...

- На чем ты собрался мир вертеть? – выдавила я, чувствуя, как мы приземляемся. Меня обернули крыльями, а я вспомнила про осколок, спрятанный под подушкой. Сердце предательски дрогнуло, сладко вынашивая план мести за клетку.

Обжигающие поцелуи спускались все ниже, а я упорно тянулась к кровати. Меня бросили на разноцветные подушки, закрывая черными крыльями.

- Ты хотела провести со мной ночь? Побывать со мной до рассвета? – слышался издевающийся голос возле уха. Перья щекотали обнаженное тело. – В мире теперь царит бесконечно долгая ночь... И рассвет будет не скоро...

Губы скользили по моим щекам, руки сжимали меня с такой силой, что ребра едва не сложились. Задыхаясь от страсти, скользая волосами по моей груди, он сползал все ниже и ниже, пока моя рука панически искала осколок под подушкой. Нет.. Еще не время... Рано... Осколок царапнул пальцы, а я положила руку ему на спину, понимая, что еще немного и убивать его мне перехочется... Нет, возможно, я передумаю, но ...

Я перевернула его, видя, как огромные черные крылья раскрылись, развернувшись на кровати... Я сидела сверху, нежно ведя руками по его груди. Сердце билось так, словно отмеряло время. Склонившись для поцелуя, я сделала вид, что глажу его длинные черные волосы, укрывающие заветную подушку.

Мои губы прикоснулись к его губам, а сердце дрогнуло, когда вместо жестокости, я почувствовала такую нежность, от которой рука, нырнувшая под подушку, застыла, глядя пальцами холодное стекло.

- Мой маленький светлячок, - прошептал Темный Бог, нежно прижав меня к себе. Сердце задрожало, пока пальцы тайком прикасались к острому осколку. – Моя сверкающая звездочка...

Мои губы едва прикоснулись к его губам, я до боли сжала осколок зеркала, спрятанный под подушкой. Медленно и осторожно я вытаскивала его. «Это подло!», - шептал внутренний голос, когда я оторвалась от нежного поцелуя, глядя на его красивое лицо с закрытыми глазами и широкую обнаженную грудь. «Это подло...», - снова шептал внутренний голос, а я понимала, что второго шанса у меня не будет.

Губы темного бога приоткрылись, словно для поцелуя, пока я одной рукой нежно гладила его по щеке, а второй заносила над его грудью сверкающий осколок. Чувство жалости охватило меня, а я чувствовала, что не могу опустить руку со смертельным оружием. Мгновенья стали вечностью. Я проклинала себя за малодушие и растерянность. В мечтах это казалось намного проще, чем наяву...

Я чувствовала его нежную руку, скользящую по моей ноге, ощущала, как к горлу подкатывается предательский ком. «Давай!», - мысленно умоляла я себя, чувствуя, как решимость медленно испаряется. «Он убьет меня. Так или иначе...», - проносились в голове хаотичные мысли.

Закрыв глаза и простонав, я резко опустила руку с осколком, нанося смертельный удар.

Глава первая. Светлое будущее

Из вечной мерзлоты морозилки на меня смотрел кусок, предположительно, мамонтины, бережно завернутый в пакет, который я помнила еще с мая месяца. Где-то внизу начинался звонкий и радостный капель, а пласт многовекового льда, с треском отвалился в подставленный тазик. Судя по размерам льдины, на ней не хватало только пингвинов, караулящих проплывающие мимо пароходы с пафосными названиями.

- Привет, Андрей, - вздохнула я, шурша мерзлым пакетиком из которого торчала каменная рыба голова. Это – Андрей. Он переехал ко мне еще в марте и поселился в морозильнике на ПМЖ. Раньше он был просто карпом, а после месяца созерцания, я начала с ним вежливо здороваться, открывая морозилку в поисках пельменей или фарша. Еще спустя два месяца я стала спрашивать у него разрешение, чтобы забрать остатки пакетиков, а потом решила дать ему имя.

Каждые выходные я клятвенно божилась приготовить его, даже смотрела рецепты, но выходные пролетали, а Андрей все так же грустно смотрел на меня, пока моя рука шарилась в поисках чего-то съедобного.

То, что Андрей – старожил морозилки, становилось понятно даже по тому, с каким презрением он смотрел на мир. Я была уверена, что если мне понадобится отбиваться от полчища врагов, то я предпочту взять в руку Андрюшу, чтобы с наслаждением смотреть, как вражеские мечи разбиваются об него на осколки, как, собственно, мой старый ножик.

- Берешь слабо-соленого тюленя, - бурчала я, извлекая из таких мерзлых слоев, куда не совалась рука человека еще с предыдущей зимы, пакетик с сомнительным содержимым. Других предположений, что спряталось в целлофане, у меня не было.

- Прощайте, - вздохнула я, глядя на тазик, в котором лежали стратегические запасы на случай крайнего голода.

Холодильник честно попытался заурчать, но выдал такой звук, от которого, если бы земля стояла на слонах, один слон по-любому бы скончался от разрыва сердца. Еще одна тщетная попытка добить выживших соседей, и холодильник умолк навсегда. На всякий случай я все еще по инерции прислушивалась к звукам в подъезде, в надежде, что мне не собирают на похороны из-за «дрррррр!» посреди ночи.

- Реле, - повторила я, вспоминая разводящего руками мастера. Никогда я еще так не нервничала, расхаживая вокруг специалиста, как родственники пациента возле операционной, чтобы услышать неутешительный приговор. Ре-ле.

На меня с укором смотрела свинья-копилка, а до зарплаты оставалось сто рублей и две недели. Буквально три дня назад пала смертью храбрых в боях за мой скромный ужин старенькая микроволновка. Она была настолько древней, что я честно прятала ее от людских глаз, понимая, что как только ее увидят, то тут же побегут перечитывать Женевскую Конвенцию и стучать в соответствующие инстанции, убеждая всех, что по степени излучения по сравнению с ней где-то отдыхает атомная бомба.

До этого тихо скончался фен, дунув на меня в последний раз адским дыханием и запахом паленой пластмассы.

- Протянем! – думалось мне при взгляде на коробочку с новым феном. «Ноги!», - подсказывал мне плавающий график с тонущей зарплатой.

- И ты, друг, - проскрипела зубами я, чувствуя себя археологом. Так! И где журналисты? Где конференции по археологии? Где сенсационные заголовки? Женя нашла Троя! Я не знаю, на обрывке пакета написано «...троя», так что тут сложно возразить.

Троя упала в тазик к Андрюше и мамонтыне. Жадность требовала сделать все возможное, чтобы спасти продукты, а совесть настаивала на том, чтобы я похоронила Андрюшу, а не выбрасывала его вместе с остальными. Он не заслужил такой участи, будучи верным спутником всех моих ночных перекусов.

Кухонная лампочка мигнула, а мне показалось, что я просто устало моргнула, вытирая

огромную лужу всемирного потопа, растекающуюся из-под холодильника. Свет снова мигнул, а я бросила тряпку на пол, видя, как он резко гаснет, а темноте все еще остывает спираль накаливания.

Я бросилась к столу, где лежали спички, и стала шарить рукой по полке, помня об огромной, вонючей, как ядреная смесь духов в общественном транспорте, свече «Магнолия. Для создания романтической обстановки. Если вам однажды нужно будет создать романтическую обстановку, то берите только эту свечку. В сравнении с ней меркнут даже ароматические палочки, мухи, гибнут на подлете, так и не закончив жужжащий маневр, а тонкий аромат мужских носков покажется вам ароматной сказкой.

Свечка скатилась вниз, но я успела ее поймать, нервно чиркая спичками и оглядываясь по сторонам. Первая горелая спичка полетела в раковину, а я дрожащими руками снова и снова подносила огонек к толстому почерневшему фитилю. Свеча разгоралась, а я выдыхала, видя, как мягкий свет наполняет квартиру.

- Фу-у-ух, - выдохнула я, зябко ежась и убеждая себя в том, что в темноте нет ничего страшного.

В комнате воцарилась интимная обстановка, душевная и очень уютная. Огонек свечи подрагивал, а тени качались и плясали. Осталось сделать чай и... Так! Что это «цыкнуло» в темноте? А! Признавайтесь!

Я прислушалась, слыша, как дом наполняется шорохами и какими-то странными звуками. Вот почему, когда свет включен, этих звуков нет, а стоит его выключить, как начинается!

Что-то прошуршало, а я вздрогнула, заглядывая под стол. Бррр! А можно не шуршать пока, а? У меня между прочим спортивный разряд по пронзительному ору, так что со мной лучше не связываться монстрам со слабой нервной системой!

Вот опять! Да они что? Все сговорились? В коридоре что-то прошелестело, а я мужественно собрала нервы в кулак.

- А могли бы шуршать, цыкать, шелестеть при включенном свете? Или при включенном свете не интересно? – поинтересовалась я. Это был тот самый случай, когда ответ страшнее тишины.

Свет в доме выключался с периодичностью раз в неделю, а жильцы честно выслеживали электриков, чтобы на всякий случай отловить одного из них и приковать к щитку. Но, видимо, хитрые электрики чувствовали это, поэтому появлялись очень редко, или не появлялись вообще!

Я была уверена, что в туалете у меня живет русалочка. Кто еще может плескаться при выключенном свете, навевая на меня ужас и нервное «бррр»? В коридоре, видимо, поселился финансовый кризис, шурша моими вещами в поисках денег по карманам! Иначе как объяснить это «шур-шур»!

В комнате жил «цокальщик – ковыряльщик». И каждый раз, когда отключался свет, мне казалось, что кто-то цокает и что-то постоянно ковыряет!

Зато в спальне уютно расположился «шебуршунчик», который очень любил чем-то шелестеть и скрестись. Видимо, иногда они ходили друг к другу в гости, поэтому цоканье раздавалось в коридоре и в спальне, а шуршание в туалете.

Моя бы воля, я бы выселила их всех, даже если бы они собрались и дружно предложили мне оплачивать квартиру пополам!

Слышите? Кто-то чем-то шуршит? Прекратилось! Я перебралась в комнату, глядя на старенький сервант – мечту всех жадных бабушек, относительно новый диван и стопку книг на полке.

- Я все слышу! – строго произнесла я, чувствуя, как сердце тревожно сжалось и задергалось маленьким заячьим хвостиком. – Еще раз цыкните – пеняйте на себя!

Это я так себя успокаиваю, потому что с детства боюсь темноты. Рядом с моей кроватью

Плед остался в светящейся руке, а я спряталась за холодильник нервно оглядываясь по сторонам, готовясь держать оборону. Я посмотрела на ножик, понимая, что в степени тупости он соперничает с теми, кто делал проводку в нашем доме! Под руку попал окаменевший Андрияша.

Мне дико хотелось в туалет, но я терпела до победного, глядя на свечу и присматриваясь к двери на кухню. Придется проходить мимо зеркала... Беда!

На всякий случай я высунулась вместе со свечой, понимая, что коридоре, на первый взгляд, никого не было. Зеркало отражало огонек и вешалку с грудой одежды, разобрать которую, все никак не доходят руки.

Едва слышно, готовясь в любой момент отразить нападение, я скользнула по коридору. Пока что вроде все...

- Ты хочешь быть богиней? - спросил вибрирующий голос, заставив меня шарахнуться. Рука потянулась ко мне, но я была готова, отбиваясь изо всех сил. Андрияша меня ни разу не подводил! Даже, когда нужно было забить декоративных гвоздик! Получив по светящимся рукам, чудовище исчезло. Свечка выпала из рук и погасла.

Добежав до туалета, проклиная узкий коридор, я закрыла дверь, щелкнув задвижкой. Сердце замирало, руки тряслись, а мысли лихорадочно требовали срочно заняться здоровьем, регулярно высыпаться и пройти обследование. На всякий случай. Чтобы потом предъявить таинственному чудовищу справку от районного терапевта о том, что оно собирается сожрать здоровую, а не какую-нибудь больную или морально ущербную особь.

Вода схлынула, а я нервно перебирала форумы, надеясь, что меня просветят в том, что может вылезать из зеркала! Но кроме жутких историй от очевидцев, которых три раза уже должны были схомячить, ничего не было.

Позвонить в скорую? В полицию, которая услышав мой крик о помощи, вызовет скорую?

«Это все недосыпание!», - авторитетно произнесла я, разглядывая свои носки. «У кого-то недосыпание, а у кого-то недоедание!», - согласился страх, пока я собиралась с духом. Мысли рисовали мне пожар от упавшей свечки, которую я оставила в узком коридоре.

Я скользнула мимо зеркала, прищурившись на свое отражение и воинственно выставив вперед оружие. Свеча погасла, а я бросилась в спальню, баррикадируя дверь. Только спустя минуту, когда тащила дребезжащую тумбочку, я вспомнила, что дверь открывается наружу.

Окопавшись под одеялом и наблюдая за закрытой дверью, я улеглась, нервно вздрагивая от каждого шороха. Сон сморил меня, заставив лениво сомкнуть напряженные глаза.

Открыв глаза, а отчетливо услышала стук. Выйдя из комнаты, я прошла сквозь зал, слыша приглушенное дверью: «Откройте! Электрики!».

- Сейчас, - сонно шевелилась я, пеняя на галлюцинации и синдром хронической усталости. На лестничной площадке была отчетливая возня.. «Где-то выбивает! Нужно проверить напряжение!», - послышался авторитетный голос соседа сверху, который знал много умных слов и прослыл главным экспертом во всех областях от выгула собак до парковки машин под домом. При условии, что ни собаки, ни машины у него отродясь не было!

- Иди сюда! - послышалось рядом, а напряжение в моей квартире резко возросло. Меня, потерявшую бдительность, тащили изо всех сил, не смотря на мое яростное сопротивление.

Я чувствовала, как рука, которая упиралась в зеркало прошла сквозь него, а ее обдало холодком, словно я окунула ее в прохладную воду. Моя голова погрузилась в зеркало, а ноги все еще упирались со страшной силой, не давая втащить меня полностью. Один резкий рывок, я потеряла равновесие и упала на каменные плиты пола.

- Не открывай дверь! Ни в коем случае не открывай черную дверь! - послышался женский голос, а я видела, как мелькнуло сверкающее белоснежное платье, за подол

которого вцепилась изо всех сил, поднимаясь и возмущаясь произволу.

Передо мной была сверкающая красавица в белом, а я отчаянно оттаскивала ее от зеркала, дергая за подол. Она шагнула в мою прихожую, а я бросилась за ней, натываясь на преграду.

- Выпусти меня отсюда! – орала я, колотя рукой по стеклу, которое тут же стало обычным. – Я кому сказала!

- Теперь ты – богиня света! – произнесла красавица, стоя по ту сторону зеркала.

- Я не хочу быть никакой богиней! – кричала я, отчаянно пытаюсь достучаться до нее. – Верни меня обратно! Мне завтра на работу!

- Теперь ты – богиня! – снова произнесла красавица, положив руку на зеркало, пока я пыталась плечом выбить стекло, как видела в фильмах.

- Почему я? – заорала я, скребясь по стеклу и понимая, что бессильная что-то сделать.

- Потому, что этому миру ты не нужна. Ты не оставила бы после себя ничего важного и нужного, - вздохнула красавица, а я видела ее светлые волосы и грустные глаза. От ее пальцев исходило сияние, но с каждым разом оно угасало. – Если бы не я, завтра твоя жизнь оборвалась бы по какой-нибудь трагической случайности. Твой мир уже вычеркнул тебя из списков живых. Не благодари! Я отдаю тебе свой дар, свой храм и свое зеркало. Только не вздумай открывать черную дверь! Никогда!

Яркая вспышка отбросила меня в сторону, ослепив и оглушив, а я потерялась во времени и пространстве, видя перед собой бесконечный калейдоскоп сверкающих огней. В моих руках был обрывок чужой юбки, а в удаляющейся раме прямоугольника исчезала моя прихожая, мое пальто, моя сумка, небрежно заваленная на бок.

- Нет! – заорала я, видя, как красавица осматривается по сторонам, а потом бросает взгляд в мою сторону. Невидимая сила тащила меня, я видела, как красавица делает шаг и тут же падает. Спасибо, Андрюша... Оттаял!

Глава вторая. Светит, но не греет...

Я лежала пластом на полу, чувствуя себя настоящей звездой. Яркий свет бил в глаза, ослепляя меня и заставляя жмуриться. Мне казалось, что от такого света у меня медленно вытекают глаза. Расплывчатые очертания белоснежных колон, идеально чистый белый пол, от которого свет казался еще ярче и огромный купол, в котором стоял световой столп, создавали у меня стойкое и неизгладимое впечатление, что я умерла.

Пока я медленно приходила в себя, пытаюсь вспомнить не только где я, но и кто я, послышался странный звук, словно кто-то стучится в дверь. Осмотревшись по сторонам, я услышала странный звук, словно кто-то ломится в дверь.

- Уничтожить богиню! – слышались отдаленные возмущенные голоса, а я потрясла головой, прислушиваясь и пытаюсь понять, что происходит. Я смотрела на свои руки, видя, как они светятся странным светом, словно я положила их на лампу. От пальцев исходило свечение, а я удивленно разглядывала его, собирая пальцы в кулак и снова распрямляя.

Я подняла глаза на столп света, видя парящее над полом зеркало в белоснежной раме. Рама искрилась, словно первый снег, а я подошла поближе, видя, как зеркальная гладь светится, показывая странные картинки. Белоснежная статуя женщины, держащей над головой что-то напоминающее подсолнечник, покачнулась. На шее у статуи и на руках были веревки, а под ней виднелось лоскутное одеяло, которое бушевало и перекатывалось складками. Присмотревшись, я поняла, что это – не одеяло, а целая толпа людей, собравшихся на площади под палящим солнцем. Статую снова накренилась, а люди стали разбегаться. С грохотом мраморная женщина упала на землю, разлетаясь на осколки и поднимая облако пыли, сквозь которое виднелось каменное солнце в разбитой руке. Несколько лепестков откололись, а на треснувшей голове стояли люди, размахивая черными тряпками и что-то крича. Этот крик подхватывала толпа, поднимая руки вверх.

- Мы больше не поклоняемся богине света! – слышался крик, а толпа с радостью воспринимала смену пантеона. Мне искренне было жаль богиню, которая умерла с тем же божественно-невозмутимым лицом. – Да здравствует тьма! Наши глаза устали от света! Она сотню лет ослепляла нас, а теперь мы видим истину!

Прямо вижу, как богиня ходила и выковыривала каждому глаза. Люди доставали черные тряпки размахивая ими так, словно собирались устроить генеральную уборку.

- Мы умрем! Мы все умрем! – послышался истерический незнакомый голос, а зеркало помутнело. – Все пропало! В нас мало того, что никто не верит, так теперь еще и ... О! Амальгамочка моя!

- Кто это? – настороженно спросила я, снова прислушиваясь. – Кто это сказал?

- Это я! – нервным фальцетом вещало зеркало, пока я пыталась понять, как оно разговаривает. – Они сломали еще одну нашу статую! Еще одну! Прямо на площади! Я говорил тебе, что добром этом не кончится! Говорил! А ты что? В нас никто не верит!

Зеркало истерило, а я сделала шаг назад на всякий случай.

- Конечно, не верит, – послышался бархатный голос, пока зеркало икало и что-то лепетало, показывая, как крушат маленькие статуи возле какого-то монументального сооружения, выражая первобытный восторг радостными междометиями. – Ты пыталась сделать людей праведными и добродетельными, проливая свет на их поступки, карая за преступления и темные помыслы, но люди обманули тебя ... Они научились прятать пороки в глубинах своих душ, а теперь они сняли маски... Рано или поздно это должно было произойти...

Я осмотрелась по сторонам, понимая, что это было не зеркало. Напротив зеркала стояло кресло, похожее на стул, и я подозрительно прищурилась в его сторону.

- Они уничтожат тебя, – послышался тот же тихий, вкрадчивый голос, а у меня уже закрались подозрения. Я внимательно смотрела на стул и прислушивалась к истеричным

воплям зеркала: «Я чувствую себя разбитым! Нужно что-то делать!».

- В каждом человеке есть свет и есть тьма. Чтобы ты ни делала, тьма из душ никогда не исчезнет, - шептал зловещий голос, пока я внимательно наблюдала за стулом, подозревая, что судьба к нему регулярно поворачивается не тем местом. - Твои усилия пошли прахом...

- Нет, я понимаю, что ты и так обижен судьбой, - начала я, глядя на белый стул, который стоял неподвижно. - И вся жизнь твоя - сплошная попа, которая тебя греет! Но давай хоть ты не будешь бухтеть? Мне уже зеркала с головой хватает! Так что стой на своих трех ногах и молчи в сидушку! Не хватало, чтобы еще какой-то стул тут депрессировал!

Стул внезапно умолк, а я осмотрелась на предмет говорящей мебели, радуясь, что здесь нет бухтящего шкафа, стонущей кровати и злобной тумбочки, караулящей мизинцы.

- Я - стул? - послышался удивленный голос, пока зеркало верещало: «Все пропало, богиня! Все пропало!».

- Все, прекратите! Прикиньтесь мебелью! - раздраженно отмахнулась я. - Ладно бы холодильник орал: «все пропало!», тогда можно было бы панику колотить!

- Богиня! Число верующих падает с каждой секундой! - ныло зеркало, показывая мне многочисленные акты вандализма. Люди размахивали черными тряпками. - Это еще не все новости к этому часу! Шесть храмов по всему миру разрушены!

- Что это за восстание уборщиц? - скептически поинтересовалась я, глядя на черные тряпки, которыми народ размахивал, как флагами.

- Еще одна новость. На седьмой храм совершено нападение! Главный храм в столице только что подвергся нападению вандалов. Группа лиц попыталась выломать двери! Власти пока удерживают их на подступах, но...

- А есть хорошие новости? - сглотнула я, пытаюсь рукой найти пульт. Нет, что такое пульт я помню, а вот кто я, что я здесь делаю и где я нахожусь - почему-то нет! - Давай что-нибудь про то, как панда родила в зоопарке пандят... Маленький пандец чувствует себя неплохо!

- Нам всем пандец! - взвыло зеркало, раздражая меня все больше и больше.

- Давай хоть прогноз погоды! - не выдержала я, осматриваясь по сторонам и искренне не понимая, что это за место.

- Везде солнечно, осадки умеренные, - произнесло зеркало, но тут же заорало. - Свежие новости! Представители власти пытаются подавить восстание!

Мне показали, как какие-то рыцари в сверкающей броне бегут за толпой.

- Свежие новости! - тут же выдало зеркало, показывая, как рыцари бегут от толпы!

«Выдайте нам богиню!», - кричали в зеркале, яростно размахивая черными тряпками.

- Дракону удалось подавить восстание! - тут же заорало зеркало. - Часть точно! Неудачное приземление подавило часть повстанцев!

«Да здравствует тьма! Тьма - это свобода!», - кричали люди, закрываясь черной тканью от света, пока я искренне недоумевала, где успела так наследить!

- Я - стул? - снова задумчиво повторил второй голос, а я мрачно посмотрела на весь этот дурдом.

- Опять скрипит потертое седло? - вспылила я, шурясь от непривычного света и неразборчивого шума. - Стул пока молчит, говорит зеркало! Что произошло? Хотя нет, давай по порядку! Где я?

- В своем храме! - всхлипнуло зеркало, останавливая картинку на том, как разъяренная толпа стучится в огромные двери, на которых было изображено солнце. - Бедная, бедная богиня! Тебя предали те, кого ты спасла!

- От кого? – недоумеваю, спросила я, не помня, чтобы десять минут назад тащила за хвост убитого дракона, виляя стрингами и отбрасывая за спину простыню в цветочек. Вместо воспоминаний была какая-то липкая вата тумана, застилающая все, даже то, как меня зовут. Я даже не помнила, что было со мной полчаса назад!

- От него! – икнуло зеркало, уверяя меня, что планы на два понедельника вперед – это слишком жирно для моего текущего положения. – Ты дала им все, а они...
Неблагодарные!

- Что я там дала? – поинтересовалась я, закусывая губу.

- Ты дала им закон, справедливость, - перечисляло зеркало, но тут же послышался второй голос.

- ... тиранию, диктатуру, - скромно уточнил стул, тут же загадочно замолкая. – И вообще-то я – не стул!

- Хорошо, будешь креслом! До дивана ты еще не дорос в моих глазах! – отмахнулась я, собирая все, что мне удалось выяснить. – Итак, я в своем храме! Я – богиня! Меня все люто ненавидят! Если я – богиня, то я же могу разозлиться? Бросить в них какую-нибудь молнию!

Мне показывали белоснежный храм, двери с огромным засовом, в которые снаружи ломились так, что засов подсакивал. Девушки в белоснежных одеждах, прикрывающих лишь самое интересное мужскому глазу падали на колени перед статуей, умоляя спасти их. Я присела на стульчик, понимая, что такие новости нужно воспринимать сидя.

- Страшно, не когда тебя зовут, богиня, - послышался все тот же бархатистый голос, который был рядом и далеко, здесь и нигде. В какой-то момент мне показалось, что он шепчет мне на ухо так, как шепчут любимой, драгоценной, обожаемой женщине пылкие признания и слова любви. – Страшно, когда тебя призывают.

- А если у меня возраст не призывной? – поинтересовалась я, трясая головой и ощупывая ручки кресла. – И плоскостопия от каблучков!

- Есть молитвы, которые ты сама дала им, - прошептал голос, а я поерзала на стуле, понимая, что он в первую очередь не должен быть заинтересован в моем внезапном испуге. – И тебя перенесет в тот мир, стоит кому-то из жрецов их прочесть... Кстати, у тебя сладкая улыбка...

- Попа слипнется! – усмехнулась я, ерзая на стуле. – И чем я тебе так улыбаюсь?

- Перспективами! – шепнул на ухо голос, а у меня по телу пробежала волна растревоженных этим бархатистым тембром мурашек. – Заманчивыми перспективами...

Голос усмехнулся, а я поерзала «заманчивыми перспективами», понимая, что этот стул меня смущает. Я подозрительно прислушалась, но сладкий мужской голос умолк.

Истеричное зеркало пыталось рассказать мне об ужасах, которые творятся в каком-то храме и демонстрировало мне, как какой-то хмырь заглядывает статуе под каменную юбку. Девушки в белом бегали туда-сюда, считая, что женская паника и крики – лучший способ защититься.

- Пошли они в ..., - дернулась я, привыкая к плохим новостям, но догадливые люди меня уже опередили, карабкаясь по статуе вверх и плотно облепив то самое место, куда я мысленно их посылала.

Мне бы в уборную... Я немного нервничала, поглядывая на стройный ряд монументальных колон. Обернувшись, я увидела в дальнем конце храма злобещего вида двери.

Отмахиваясь от воплей зеркала, я брела вдоль белых колон, разглядывая прозрачный потолок, который пронзал искрящийся свет, и прислушивалась к гулкому эху своих шагов. С каждым шагом дверь приближалась, покрываясь злобещими буквами, от которых становилось как-то не по себе. Мне казалось, или прямо из щелей вырывалось что-то похожее на черный дым, тут же растворяясь в ярком свете? Рядом уходили под

самый потолок огромные белоснежные створки врат, куда спокойно могла проехать конная процессия, небольшое войско, карета и даже слон с богиней на спине. Сомневаюсь, что это тот пункт назначения, который должен превратиться в пункт наслаждения!

- Я здесь, - прошептал голос из-за черной двери, причем так сладко-сладко, что я даже дернулась, глядя на ручку с подозрением.

- Мужчина, - мрачно произнесла я, осматриваясь по сторонам и понимая, что зря пеняла на невинный стул. Вопросов было больше, чем ответов. - Не могли бы вы там побыстрее?

Я терпеливо стояла под дверью, понимая, что роскошные врата справа и слева явно не предназначены для столь скромных божественных потребностей.

- Мужчина, - постучала я в дверь рукой, закатывая глаза после пяти минут ожидания. - Вы долго там собираетесь сидеть? Имейте же совесть! Давайте, делайте свои дела побыстрее!

Мне кажется, или он потерял дар речи? Странно, только что со мной разговаривал.

- Вы что там? - нервно дернулась я, снова стуча в дверь. - Уснули?

- Эм... - послышалось за дверью, пока я глубоко дышала, пытаюсь сохранить спокойствие и душевное равновесие. Я терпеливо ждала, расхаживая перед дверью, заложив руки за спину.

- Ну сколько можно заседать? - попыталась пристыдить я чужую совесть. - Вы там что? Уснули?

За дверью послышалось что-то странное, не очень членораздельное.

- Вы там уже достаточно долго сидите, - тонко намекала я, не понимая, как мужчина оказался в моем храме.

Мои пальцы прикоснулись к ручке, а прямо по двери пробежали светящиеся буквы: «НЕ ОТКРЫВАЙ!». Я отпрянула, чувствуя, как вязь букв слепит мои глаза.

- Мужчина, может вам плохо? - поинтересовалась я, вздыхая. И тут же обратилась к зеркалу. - Вы там уже сто лет сидите!

- Сто три, если быть точнее, - послышался странный голос за дверью. Он явно был чем-то удивлен и озадачен.

- И что? - язвительно поинтересовалась я, понимая, что если молиться, то только себе. - За сто лет никак? Вы что? Туда библиотеку с собой брали? Давайте, шустрее, а?

- Я вот тут думаю, - послышался очень странный голос, а интонация мне намекала на то, что там явно сидит мыслитель с большой буквы.

- Ты не думай, ты действуй! - оборвала его я, с укором глядя на дверь. - Вот скажи мне, что можно делать там столько времени?

- Вынашивать план мести, - усмехнулся голос, а я простонала.

- Ты еще план по захвату мира выноси! - согласилась я. - Давай, темный властелин. Уступай свой трон!

- А ты открой дверь, - сладко прошептал голос. Голос вибрировал, а черная дверь с тяжелой ручкой вздрагивала, словно живая. - Не бойся...

- Не вздумай открывать дверь! - послышался встревоженный голос зеркала, которое забыло про плохие новости, тут же переключившись на «очень плохие». - Богиня! Не смей выпускать его!

- Он что? Наказан? - удивилась я, чувствуя, что наказаны скорее те, кто снаружи.

Сердце почему-то дрогнуло, а я отдернула руку, видя, как появляются сверкающие,

массивные цепи, крест-накрест опоясывающие вздрагивающие двери. Дверь дышала тьмой, цепи звенели, пока я пыталась отогнать наваждение, изучая странные буквы, зловещей вязью идущей по периметру. Я точно угадала с дверью? Может, все-таки соседняя? Может, у меня привычка на слоне въезжать в уборную в сопровождении целого шествия слуг, рассыпающих лепестки по пути моего следования?

- Я говорил, что у тебя сладкая улыбка, - прошептал кто-то за дверью, словно припадая к ней. Голос показался таким нежным, что я задумчиво посмотрела на соседние двери. - Твои глаза похожи на звезды, сверкающие на черном покрывале тьмы... Я вижу, как твое тело умирает в моих руках, когда я обжигаю его поцелуями... Я мечтаю видеть, как тают мои поцелуи на твоих полуоткрытых губах, а ты вздрагиваешь, прижимаясь ко мне всем телом... Я целую тебя до трепетных мурашек. ...

- Ты с женскими романам подвязывай, - нервно вздохнула я, решив проверить соседние двери. За роскошными дверьми оказалась целая купальня, наполненная водой до краев, и он, вожденный, сверкающий чистотой и красотой трон, спрятанный среди белоснежных цветов. Такое чувство, что кто-то привык сидеть в засаде, изредка выглядывая из цветущего великолепия. Эдакий рояль в кустах, который готов сыграть на нервах у любого, кто внезапно откроет двери.

Я потрогала воду, удивляясь тому, что она теплая, а потом осмотрелась, разделась и вошла в нее по белоснежным ступеням. Мои руки казались полупрозрачными, а вода пахла какими-то духами. Я набирала ее, видя, как она лазурными каплями стекает между пальцев. Стоило мне выйти, стряхивая воду с волос, как тут же передо мной появилось что-то белоснежное.

Я протянула руку, меня окутало белыми лентами, которые сплелись воедино, прикрывая шелковым подолом мои ноги. На мне было платье, похожее на тунику, украшенное поясом с золотым шитьем. Справа и слева на юбке были высокие разрезы.

- Неужели, я, и правда, богиня? - прошептала я, глядя на то, как красиво развевается юбка при ходьбе. Внезапно в лучах света появилась бумажка, а я посмотрела наверх, не видя ничего, кроме ослепляющего сияния. Опасливо осматриваясь по сторонам, я взяла лист, исписанный красивым почерком. Я не могла разобрать слов, но постепенно странные буквы складывались в знакомые слова.

«Не открывай черную дверь. Что бы он тебе ни обещал, что бы ни сулил, чем бы ни соблазнял! Достаточно просто повернуть ручку, и ты выпустишь в мир тьму, чистое зло, которое уже не сможешь остановить! Он убьет тебя! Я стерла твою память о твоей жизни. Теперь ты - богиня света. И от тебя зависит судьба этого мира!», - прочитала я, выходя из величественной ванной и задумчиво глядя на черную дверь.

- Я голоден, - слышался слабый голос за дверью. - Я прошу тебя, дай еды несчастному узнику... Я просто умираю с голоду... Сжался надо мной...

- Прости, но блинов, лаваша и пиццы у меня нет, - отозвалась я, перечитывая послание. Мое сердце слегка сжалось от жалости, но я на всякий отогнала наваждение, не зная, кому верить. - А больше ничего под дверь не пролезет. Но я поищу! Ты не переживай! Никуда не уходи! Одну минутку!

- Мой маленький светлячок, - слышался теплый, ласковый голос за таинственной дверью. Он казался таким чарующим и таким сладким, что я не сразу отогнала наваждение. - Я действительно очень голоден... А у тебя доброе сердце... Я знаю... Я чувствую это...

- Хорошо, - пообещала я, приседая и заглядывая в дверную щель снизу, откуда шел черный дым тьмы. - Я поищу для тебя еду. Потерпи немного...

Если честно, то я была немного растеряна, не зная, кому верить! Просто так меня бы не стали бы предупреждать. Да и для того, чтобы накормить его, дверь открывать совсем не обязательно!

Я направилась в соседнюю комнату, толкая роскошные ворота и замирая при виде роскошной спальни. Полупрозрачный балдахин, словно сверкающий туман, прикрывал кровать с белоснежным покрывалом и маленькими красивыми подушками с золотым

шитьем. На маленьком белом столике стоял поднос с фруктами, которые я опасливо потрогала.

Через две минуты я сидела и стругала маленьким серебристым ножичком яблоко. На бумажке уже лежали тоненькие дольки, сквозь которые можно увидеть голодный обморок, а я слизывала сладкий сок с пальцев, выковыривая семечки. Если что попробуем сделать пюре!

- На! – с улыбкой вздохнула я, осторожно подсовывая бумажку под дверь и тут же отдергивая руку от темных клубов дыма. – Ешь, голодающий. Надо будет, еще покрошу...

За дверью воцарилась странная тишина, а я чувствовала себя не очень уютно.

- Ты там живой? – робко поинтересовалась я, прислушиваясь, в надежде услышать если не хруст, то хоть какие-то чавкающие звуки. – Салфетка нужна?

- Спасибо, мой маленький светлячок, - послышался ласковый голос, а я вздохнула, снова осматривая черную дверь. Не знаю, за что его сюда посадили, но, видимо, не просто так. – Я так понимаю, что ты – новая богиня света? Старая богиня сбежала, бросив этот мир? Она наверняка предупредила тебя, чтобы ты не открывала эту дверь... Не так ли?

- Меня жизнь предупреждала, чтобы я не открывала дверь незнакомым мужчинам, - ответила я, глядя на зловещий узор и манящую ручку. Поймав себя на мысли, что вот-вот дотронусь до нее, я отдернула руку и спрятала ее за спину.

- Но мы же уже почти познакомились, - снова вкрадчиво произнес голос, завораживая и пленяя. – Мы знаем, что ты – маленький светлячок с большим и очень добрым сердцем... Я не причиню тебе зла, моя маленькая звездочка...

Я чувствовала улыбку в его голосе. Мне казалось, что мир растворился. В нем больше ничего не существовало, кроме этого пьянящего, убаюкивающего голоса.

- Я не знаю, кем ты была раньше, но знаю, кем станешь, если откроешь дверь, - сладко шептал голос, а я смотрела на светящиеся цепи. – Я не чудовище, мой маленький светлячок... Просто поверь мне...

Послышался визгливый голос, который вывел меня из этого убаюкивающего ступора.

- Остановись! – истошно вопило зеркало, пока я пыталась понять, что только произошло. – Остановись, богиня! Он убьет тебя! Не слушай его! Он умеет очаровывать! Зачем ты сорвала цепи?

- Какие цепи? – удивилась я, глядя на дверь и понимая, что белоснежных цепей больше нет. – Я ничего не срыва...

Я с ужасом посмотрела на свои руки, видя в них те самые сверкающие цепи. Когда я это сделала? Почему я этого не помню? Сердце бешено колотилось, а я отшатнулась, бросая цепи на пол. Они упали под босые ноги, разбивая в сверкающую пыль.

Глава третья. Богиня в наручниках

К двери больше не подходить! Никогда! Просто сунула ему еду и ушла! Я убеждала себя, что не я посадила, ни мне и пожинать плоды. Я побрела в комнату, разглядывая красивую белоснежную мебель. «Свет – есть закон и порядок! Все преступления вершатся в темноте!», - прочитала я красивую надпись, понимая, что быть богиней как-то скучно. Зеркало орало то-то истошное, а я понимала, что дела у богини идут не важно.

Я прилегла на кровать, видя белоснежные цепи, прикованные к столбам справа и слева. Свесившись, я обнаружил, что каждая цепь заканчивалась наручником, который сейчас лежал на полу. Нервно сглотнув, я попыталась представить мужика, уползающего поэтому самому полу от богини, которая божественным голосом заявляет, что это было отнюдь не божественно, и к тому же постыдно мало.

- Она сама себя приковывала, - послышался бархатистый шепот, от которого я вздрогнула. – И скоро ты поймешь почему...

Я сползла с кровати и подошла к столику. Пока мой взгляд изучал белые лилии, украсившие столик с расческами и заколками, откуда-то издали послышались призрачные голоса, заставившие меня встать и осмотреться: «Молимся тебе, о богиня света! Ты – свет справедливости и благодати, пролившийся на этот мир!». Гул голосов нарастал, а я чувствовала, как комната расплывается в ярком белоснежном свете.

«Свет – это истина, свет – это сила. Призываем тебя, богиня света! Приди! И пусть воцарится свет! Да воссияешь ты ярче солнца!», – рыдали голоса, а я не могла понять, что происходит.

Невидимая сила тащила меня в сторону зеркала, опутывая сверкающими лентами. Меня вынесло в открытую дверь, а я пыталась дернуться в сторону, сопротивляясь изо всех сил.

- Прощай, мой маленький светлячок... Это верующие от чистого сердца призывают тебя тайными молитвами, которые дала им твоя предшественница! – послышался голос, а я едва не ухватилась за манящую ручку черной двери, вовремя отдернув руку, словно от ожога.

Ноги скользили по полу, зеркало было все ближе и ближе, а я ухватилась за колонну. Зеркальная гладь превращается в нечто, похожее на прозрачную воду, расплываясь рябью, словно лужа во время дождя.

Моя рука соскальзывала, а чуть выше виднелись отчетливые следы от чьей-то пятерни и четкие полосы от ногтей. Меня тащило в сторону зеркала, вопреки моему желанию. Рука соскользнула, а я попыталась схватиться за стул, который оказался намертво прибит к полу. Упав на колени, я обнимала стул, как родной, слыша призрачные голоса и крики.

- О! Богиня! Явись и защити нас! – умоляли меня, пока я решила, что стул был прибит не просто так. В зеркале отражались девушки в белоснежных простынях, лежащие на ступенях у подножья огромной статуи.

- О, пролей свет истины в души наши! – звучали их голоса. Огромные двери в храме, построенному по образцу моего, вздрагивали от ударов, а мне становилось действительно жаль девушек, которые с каждым ужасающим грохотом оборачивались, молясь мне все интенсивней. Одна из них плакала, а по ее щеке текли ручейки слез. «Пролой свет истины в души наши!», – икала девушка, с надеждой глядя на статую.

Меня дернуло так, что пальцы на одной руке разжались, а я держалась на кончиках побелевших пальцев, пока ноги отрывались от земли.

- Не-не-не! – протестовала я, понимая, для чего нужны наручники. – Только не... Прекратите!

- Я ничего не могу поделать! Прощайте, богиня! У вас не осталось сил! Слишком мало людей верит в вас! – причитало зеркало. – Я бессильно! Это та молитва, которую вы дали жрицам! Простите!

Указательный и средний палец крючками намертво держались за спинку, а потом стали разжиматься. Меня вихрем втащило в зеркало. Создавалось чувство, словно я нырнула в ледяную воду, которая на мгновение ослепила меня и оглушила. Я лежала на ступенях, потирая ушибленный локоть.

- Богиня! – удивленно закричали девушки, вскакивая со своих мест и глядя на то, как я пытаюсь подняться. «Бах!» – послышалось неподалеку, а мне показалось, что покачнулись даже колонны, удерживающие балконы. Прямо на пол посыпалась штукатурка.

- Наша богиня явилась к нам! Я – ваша верная жрица! – упала мне в ноги девушка, обнимая мои колени, пока по дверям пробежала отчетливая трещина, а за ними слышался воодушевленный шум.

- Защитите нас! – взмолились другие жрицы, пока я собиралась с мыслями, оценивая перспективы обороноспособности храма.

Я посмотрела на свою грудь, потом на перепуганных девушек, жавшихся друг к другу, как котята, и, наконец, взгляд упал на монументальную треснувшую амбразуру закрытых на засов дверей. Ну да! Одной правой!

- Умоляем, - ныли девицы, пока я экстренно соображала, уже видя в зеркале толпу уборщиков с черными тряпками, которые явно не желали убирать за собой. - Прошу вас, богиня... Богинечка...

- Еще двери есть? Тайные ходы? - спросила я, в надежде, что богиню вынесут первой.

- Нет, - покачала головой светловолосая девица, растирая слезы по лицу. - Только там! Вы же сами учили, что тайны и секреты очерняют души! Нельзя хранить тайны, нельзя хранить секреты!

- Понятно, - отозвалась я, лихорадочно соображая, как бы напугать разъяренную толпу. Уронить на них статую? Ее попробуй урони! Я ей до щиколотки достаю!

Память услужливо подсовывала идиллическую картинку, в которой огромная масса людей с радостными криками: «Помогите! Спасите!», убегает оживших мертвецов, которые даже не торопятся догонять, а лишь медленно ковыляют и сопят, пожирая тех, кого случайно уронили в процессе: «Мамочки! Спасайтесь, кто может!».

Мой взгляд упал на скромные дары, которые лежали у подножья. Цветы, ткани, брошка и какая-то мисочка с чем-то похожим на варенье.

- Что это? - ткнула я пальцем, стараясь не обращать внимания на грохот двери, которую пытаются выломать.

- Ой, простите, - тут же упали на колени жрицы, заставив меня шархнуться от них.

- Я просто спросила, что это? - закричала я, пытаюсь перебить нытье. - И есть ли еще?

- Это ваше любимое подношение! Сок диких ягод с сахаром! - скулили жрицы, а я уже окунала палец в миску, и посматривала на толпу девиц.

- Есть еще? Если есть, то тащите все! Как можно больше! - крикнула я, поднимая с колен первую попавшуюся. - Живо! Приказ богини!

Жрицы забегали по залу, а самые сообразительные несли белый чан, расплескивая его по пути на себя.

- Отлично! - засопела я, потирая руки. - Иди сюда! Сейчас мазаться будем! Это приказ! Слушайте меня сюда внимательно! Мы рвете на себе одежду, мажете все вокруг этим соком, мажете себя и ложитесь на ступени. Вам понятно? Вы должны выглядеть так, словно вас только что убили!

Жрицы смотрели на меня с непониманием, а я схватила миску, щедро намазывая лицо, грудь и волосы перепуганной жрице, которая смотрела на меня такими глазами, словно я предложила ей самый дешевый шампунь «Для выпадения волос».

- Вот так! И все вокруг! Чтобы все было красным! Как будто брызги крови! - командовала я, мысленно понимая, что гипотетически богини бессмертны. Но проверять это мы не будем! Я задумчиво молилась, чтобы все получилось. «Знаешь, мы, наверное, лишние!», - заметили стучащие зубы, когда щель на двери стала расползаться вверх, а прочный засов подпрыгнул от удара.

- Так? - вывел меня из задумчивости голосок, а я обернулась, видя отвратительное зрелище. Лохматая, окровавленная жрица требовала, чтобы я оценила ее макияж. Все вокруг напоминало уютный филиал ада, в котором уже побывало неведанное чудовище. И не просто побывало, но и сытно отужинало.

Кто-то разлил варенье по полу, пытаюсь размазать его тряпками и умоляя пощадить за нерасторопность.

- Сколько вас? - спросила я, содрогаясь от ударов и понимая, что времени очень мало.

- Двадцать пять! – проскулили мои «зомбушки», вызывая даже у меня внутреннее содрогание при виде варенья, стекающего по волосам.

- А теперь генеральная репетиция балета «Спящие красавицы», - усмехнулась я, нервно перебирая одежду. – Ложитесь на пол! Прямо в лужу! Все друженько! А потом, по команде: «Встаем» поднимаемся так, словно вас разбудили ни свет, ни заря! Медленно, да... да! Вот ты – молодец! Все делаем, как она!

- Богиня похвалила меня! Это – милость! – обрадовалась крайняя слева «покойница». – О, благодарю!

- Еще раз! – произнесла я, выливая на руки варенье. Теперь у меня руки по локоть в сладкой и липкой «крови». – Все! Достаточно! Сойдет! А теперь ложимся и ждем!

Несколько ударов, которые показались вечностью, щепки летящие в стороны, радостный крик толпы, которая еще не знает, что их тут ждет. Первая партия «уборщиков» с черными тряпками влетела в храм, мечтая разграбить его и уничтожить, но что-то их смутило. Наверное, кровавые отпечатки рук на колоннах.

- Кто посмел явиться в мой храм? – спросила я, стоя возле статуи. Нервы дрожали, а кто-то из «покойниц» слизнул ягодку. Первая партия оторопела, рассматривая результаты операции «День Варенья». Следом влетела вторая волна, тоже ознакомившись с натюрмортом и слегка притормозив.

- Я богиня света и так далее, проклиная вас, - страшным голосом произнесла я, протягивая вперед, чтобы все ее разглядели. – Неблагодарные! Я убила жриц, чтобы вы убедились в том, что...

- Она убила жриц! Своих жриц! Богиня сошла с ума! – закричали люди, пока я смотрела на них, понимая, что богиня со справкой намного опасней, чем богиня без справки.

- Встаньте! – закричала я, а мои жрицы стали с ужасающими звуками подниматься. Нет, правая крайняя халтурит. – Защищайте свой храм! Убивайте всех, кто посмеет на него напасть!

Девочки сделали пару шагов, выставив вперед руки, послышался визг, писк и паника. Толпа выметалась из храма с такой скоростью, что вынесли остатки дверей. Паника нарастала! «Помогите! Живые мертвецы! Богиня сошла с ума!», - верещали на разные голоса любители острых ощущений, а перепачканные жрицы посмотрели на меня.

- Никому не рассказывайте, что произошло. Никто не должен знать, - предупредила я, удивляясь тому, что все получилось. Ну правильно, ожидали увидеть одно – получили совсем другое. – Повторяйте каждый раз, когда кто-то ломится в храм!

- Но ведь вы же сами говорили, что секреты и тайны – это плохо! Что никто не должен иметь тайны..., - на меня смотрела та самая старательная белокурая жрица.

- Вы – жрицы богини. Вам можно. Я разрешила. Могу расписаться, если нужно, - выдохнула я, а в храме воцарилась тишина. Яркий свет ударил мне в лицо, я покачнулась и ... очутилась в собственном храме.

- Богиня! Вы нарушили свои же законы! – истерило зеркало. – Что о вас подумают! Вы только что заставили жриц хранить ...

- Что? Девственность? Обет молчания? Оружие, наркотики, документы? – отмахнулась я, разглядывая липкое платье.

- Тайну! – охнуло зеркало, а я посмотрела на него, делая скидку на то, что мозги у него не предусмотрены инструкцией. – Никому нельзя хранить тайны! Это преступление! Вы сами об этом говорили!

- И что? Пусть хранят свои тайны! - отозвалась я, разглядывая свои руки и удивляясь тому, как мне в голову пришла такая гениальная идея. – Мне-то что!

- Тайна, мой маленький светлячок, - послышался тот самый голос, который был слаще варенья. – Порождает тьму в душах людей... Тьму, которую всячески пыталась

искоренить твою предшественница... Никаких тайн, загадок и секретов, моя маленькая звездочка. За все тайны богиня сурово наказывала людей. Люди толпами приходили в храм, рассказывать свои тайны, чтобы они переставали быть тайнами...

- И что с того? У всех есть тайны и секреты, - огрызнулась я, слизнув с пальцев варенье. - Кстати, варенье будешь?

- Только с твоих тонких пальчиков, - кротко заметил голос. - Я готов целовать их до тех пор...

- Так все, химчистка, прекрати! У меня тут пятно на юбке! Могу подсунуть подол, чтобы ты облизал, - дернулась я, чувствуя, как сладко вибрирует внутри меня этот бархатистый голос.

Пока я мылась, смывая с себя липкую и сладкую «кровь», мой взгляд упал на наручник, спрятанный в цветах возле туалета. Ой, чувствую, что я им воспользуюсь!

Усталость одолевала меня, а пережитое до сих пор вертелось перед глазами. Я поползла до кровати, подняла наручник и приковала себя на случай, если меня опять попытаются выдернуть спасти мир.

Стоило мне закрыть глаза, накрывшись одеялом, и спрятать под подушкой руку со сверкающим браслетом, как я погрузилась в сон. Спать при свете, бьющем в глаза, было как-то непривычно, поэтому я засунула голову под подушку.

Мне казалось, что вокруг меня сгущается тьма, клубясь и разрастаясь уродливыми пятнами. Свет меркнул, уступая место жадной тьме. В этой тьме я видела человеческий силуэт со светящимися желтыми глазами. Я видела руку, которая тянется ко мне, а за спиной силуэта распахнулись два огромных черных крыла, заслоняя собой остатки света. Внезапно в протянутой руке сверкнул кинжал, чье острое лезвие устремилось ко мне. Я кричала так, что очнулась от собственного крика, ошалелыми глазами осматриваясь по сторонам.

Стуча зубами и кутаясь в одеяло, я ощупывала предполагаемое место удара, пытаюсь себя успокоить.

- Тебе приснился кошмар, мой маленький светлячок? - слышался сладкий голос в тот момент, когда я немного успокоилась, нервно сглатывая и тряся головой. - Не бойся, моя маленькая звездочка... Я рядом... Я с тобой...

Глава четвертая. Грудью на амбразуру

Стоило мне снова улечься спать, накрыться одеялом, имитируя привычный, выключенный свет, как в темноте сна вспыхнули два глаза, глядя на меня в упор. Они светились, а я орала, пытаюсь отползти подальше, а заодно наkostenylать невидимому противнику, вздумавшему строить мне глазки из темноты. А потом сон стал таким красивым. Яркое солнце осветило тьму, розовые деревья осыпались лепестками, вокруг порхали пестрые бабочки, и почему-то пахло озоном, как после грозы. Росинки на траве сверкали бриллиантами, где-то слышались птичьи переливы и трели, а посреди этой красоты стояло огромное зеркало в белоснежной раме.

Я подошла к нему, наслаждаясь красотой мира, положила руку на переплетение белоснежных роз, сверкающих каплями росы, как вдруг в зеркальной глади, в которой отражалась я в роскошном платье с красивой прической, сверкающей дорогими заколками.

- Мой маленький светлячок, - прошептал голос на ухо, а я слышала дуновение его дыхания. - Моя сверкающая звездочка, которую я готов обождать каждое мгновение... Маленький лучик света в непроглядной тьме моего сердца...

Я чувствовала, как нежный ветерок дыхания тревожит мою щеку, словно кто-то вот-вот прикоснется к ней губами. Белоснежные бутоны расцветали душистыми и пьянящими розами, а я чувствовала черную руку на своей талии и то, как целуют каждую прядь моих волос. В зеркале была только я, растерянная и взволнованная.

- Не оглядывайся, мой светлячок, - страстно и нежно шептали мне, пока я смотрела на свое отражение. - Я подарю тебе весь мир, я заставлю его встать перед тобой на колени и молить о прощении... Ты же этого хочешь?

- Нет, - отозвалась я, чувствуя, как дыхание - поцелуи прикасаются к моему обнаженному плечу. - Зачем мне мир? Что мне с ним делать? Поставить в рамочке на столе? Повесить перед кроватью?

- Ты хочешь повесить весь мир перед своей кроватью? - послышался нежный смех, а я затаив дыхание чувствовала, как мою шею гладит черная рука с длинными ногтями. - Мой кровожадный светлячок, я могу повесить весь мир перед твоей кроватью...

- Спасибо, не надо, - выдохнула я, чувствуя едва ощутимое прикосновение губ к своему затылку. В зеркале отражалась лишь я, стоящая белоснежной статуей в красивой картинке мира. - Они вонять будут...

- Да, согласен, - снова в шепоте угадывалась улыбка. - Они будут вонять. Никто не хочет умирать, моя звездочка... Так что ты хочешь... Неужели в твоём сердце нет сокровенной тайны, хранимой ото всех...

- Нет. Может, когда-то я о чем-то мечтала, но уже не помню, - нервно вздохнула я, когда по моей щеке скользнула огромная черная рука с ногтями. Я не могла пошевелиться. От головокружительного запаха белых роз, мне становилось как-то не по себе.

- Значит, она стерла тебе память, - прошептал голос, а мне на лоб легла прохладная черная рука. - Все, что ты любила, все, что ты помнила о себе, даже имя...

- Значит, это было не так важно, если я об этом забыла, - сглотнула я, слыша соблазнительный голос возле своего уха. От дуновения ветерка его дыхания у меня замирало сердце.

- Какая предусмотрительная богиня, - выдохнул голос, а я увидела, как в зеркале отражалась целая, сверкающая драгоценностями сокровищница. Рукоять меча, воткнутого в грудь золота, сверкнула алым камнем, роскошная чаша, усыпанная самоцветами, переливалась в лучах, падающих откуда-то с потолка. Золота было столько, что оно сливалось в глазах, напоминая песочные барханы.

- Представь на мгновение, что это все твое, - прошептал голос, а черная лапа легла мне на грудь. - Я слышу, как бьется твое сердце... Ритм сердца ускоряется... Твое сердце мечтает обладать всеми сокровищами мира...

- Нет, - отмахнулась я, осторожно опустив глаза вниз. На бриллиантах платья черная рука, подернутая дымкой тьмы, казалась еще страшней. - Меня просто когти смущают...

- Ах, дело в этом, значит, - усмехнулся голос, а меня поцеловали в висок так, что мои внутренности устроили соревнование, кто быстрее подкатится к горлу. - Ты не хочешь все золото мира? Людям будет плевать, кто ты, если у тебя есть золото... Нет другого бога для их алчных сердец, чем деньги...

- И храмы, где поклоняются деньгам, называют банки, - внезапно вспомнилось мне, а я уцепилась за воспоминание, подернутое туманом.

- Иногда подушками, матрасами, погребками, сундуками, - послышался нежный смех. - Везде, где есть деньги, им поклоняются, мой маленький наивный светлячок... За деньги можно купить все, моя звездочка... И все деньги мира принадлежат мне...

- Но ты сидишь в маленькой кладовочке, - отозвалась я, глядя, как сокровища сверкают и рассыпаются золотыми водопадами. - Я не видела, чтобы хоть одна монетка закатилась в дверную щель с попыткой тебя освободить...

- Ты могла бы купить веру в себя, - торговался сладкий голос. - ты сыпала бы золотом направо и налево, а они бы тебя боготворили... Представляешь, а потом они снова несут его тебе... И так до бесконечности!

- Круговорот золота в природе, - вздохнула я, а золото померкло. Отражение плыло, розы дурманяще благоухали, не давая мне вздохнуть. Сверкающее платье стало еще прекрасней, мое лицо стало идеальным. Фарфоровая кожа, ни единой морщинки, а волосы, которые не сильно блистали пушистостью и лохматостью упали светлым водопадом. Алые, словно бархатистые лепестки роз губы приоткрыли от изумления, а пушистые норковые ресницы сделали обольстительный взмах, обнажая глаза, сверкающие мириадами звезд.

- Я могу дать тебе красоту, которая затмит мир, - прошептал голос, а я дернулась, чувствуя, как от негодования рука пошевелилась и дала под дых «обольстителю».

- То есть, ты хочешь сказать, что я - страшная? - прищурилась я.

- Нет, я предложил стать тебе еще красивей, - миролюбиво усмехнулся шепот, а мои плечи растирали черные руки с когтями. - Настолько красивой, что перед тобой склонятся короли, принцы, правители, вожди... Люди будут терять дар речи, видя свою богиню...

- Спасибо, по-твоему, я - нищая? И красотой обделенная? - обиделась я, а все тут же померкло. Я стояла напротив зеркала, положив на него руки.

- Прости меня, моя звездочка, - прошептал голос, а меня обняли так, что сердце чуть не задохнулось. - Прости меня, если обидел... Ты - прекрасна и чиста...

- Но ты меня ни разу не видел, - уклончиво произнесла я, чувствуя, что могу шевелиться. Моя рука легла поверх черной руки и попыталась убрать ее с моей талии. Мои пальцы нежно гладили, а я слышала его смех, злясь от своего бессилия.

- Вдруг я настолько страшная, что стоит тебе открыть дверь, как тут же закроешь ее и забьешься в уголок, поскуливая и придерживая дверь изнутри, - усмехнулась я, не сводя глаз со своей пойманной руки. - Я буду постоянно напоминать тебе, что если будешь плохо себя вести, выломаю дверь, и ты снова увидишь меня.

- Не верю... Мой светлячок - самый прекрасный... Но даже в ее светлой душе есть что-то, что притягивает меня... Что ты хочешь, моя звездочка? Только скажи! - упрашивал меня голос, пока я пыталась нащупать границу сна и яви. - Просто скажи... Не стесняйся меня, мой светлячок... Я знаю все тайны мира...

- Да, ты прав, - прошептала я, вспоминая и удивляясь, как могла забыть такое. Перед глазами была самая сокровенная мечта, а мне казалось, что кроме нее в мире не существовало больше ничего. - У меня есть сокровенное желание... Только мне как-то неловко о нем говорить...

- Говори, мой сладкий светлячок, - задохнулся от счастья голос, а руки скользнули вверх и вниз по моим обнаженным плечам. - Что это? Самый красивый мужчина мира? Дворец из чистого золота? Уничтожить всех врагов? Поставить мир на колени? Осуществить твои тайные фантазии...

Дыхание опаляло мою шею, пока я вспоминала, как называется то, что я хочу.

- Я могу осуществить любую темную мечту, - шептал голос, словно уже начиная их осуществлять. - Любое сладкое желание... Так, как захочешь ты... Доставить такое удовольствие, от которого ты будешь умирать на моих руках раз за разом, умоляя не прекращать...

- Я хочу... фрикасе, - выдохнула я, вспомнив через силу название. - Безумно хочу фрикасе...

- Эм... фрикасе? - поинтересовался голос, пока я вспоминала фрикасе из кролика.

- Да! Фрикасе! - гордо ответила я, чувствуя замешательство со стороны соблазнителя. - Хочу фри-ка-се! Или ты не знаешь что это такое? Ты тут мне про тайные и сокровенные желания рассказываешь, а сам не знаешь, что такое «фрикасе»? Да какой ты после этого соблазнитель?

- Хорошо, а чем делается фрикасе? - осторожно спросили у меня. - Может быть, я что-то пропустил за сто лет плена... Немудрено, там уже «фрикасе» придумали... Новое - это хорошо забытое старое, так что напости мне, чем его делают?

- С тобой неинтересно, - усмехнулась я, понимая, что не зря вспоминала слово. - Плохой из тебя обольститель. Даже про элементарное «фрикасе» не знаешь! Фу таким быть...

Я очнулась, глядя на то, как мои руки лежат на черной двери. Вместо зеркала из сна была дверь, заставившая меня вздрогнуть и зябко поежиться. На одной моей руке был браслет наручника с цепочкой, одеяло валялось на стерильном в своей белоснежности полу, а зеркало истерично орало, пытаясь меня разбудить.

- Ты хоть понимаешь, что если в твоей душе появится темное желание, то он подчинит тебя себе! - верещало зеркало, а я мысленно искала кирпич, чтобы успокоить его дешево и сердито. - Он только этого и ждет! Он будет соблазнять тебя, а ты не должна даже думать об этом! Как только в твоей душе появится тайна или порочное желание, ты пропала!

Зеркальная гладь всколыхнулась, а мне показали белоснежный храм. Жрица в белоснежных одеждах стояла перед статуей, простирая к ней руки. Другие жрицы пали ниц на ступенях. Их тонкие одежды разметались по полу, а они внимательно слушали старую жрицу.

- Тайна - это порождение тьмы. Секрет - это порождение тьмы, - поучала монотонным голосом жрица, прикладывая палец к губам, а на нее падал искрящийся белый свет. - Когда мы что-то скрываем - это тьма. Только тьма может скрыть. Свет никогда ничего не скрывает. Он все делает видимым. Если мы начинаем что-то скрывать, значит, это что-то нехорошее, недостойное. Тайные помыслы порождают пороки, пороки порождают преступления, а преступления порождают тьму.

- Да осветит свет наши души, - монотонно бубнили жрицы. - Да не будет в наших душах места для тайн!

- Великая богиня света однажды узрела наш мир и ужаснулась! - голос жрицы стал пугающе громким. Она потрясала простертыми вверх руками.

Согласна, до сих пор отхожу!

- Она увидела, как тайные людские желания порождают преступления, и решила искоренить их раз и навсегда! - выкрикнула жрица, пока остальные бубнили свою мантру. - Она сделала мир безопасным! В мире нет больше места тайнам! Все тайное освещается светом и становится явным!

Мое воображение разыгралось не на шутку, вдохновляясь проповедью. Перед глазами

стоял мужик, который радостно с порога заявил, что сегодня подумал изменить жене, прельстившись проходящей мимо красавицей! А жена тем временем так же радостно заявила, что только что разлюбила его!

- ... поэтому во всех домах крыши сделаны из стекла, чтобы богиня могла видеть то, что происходит! – гордо произнесла жрица, словно это была ее заслуга. – Никакого порока, никаких потаенных мыслей! Муж должен познавать жену только в одной позе, и так, чтобы его видела богиня!

Я подавилась комментариями, чувствуя, как нехорошие слова застряли в горле и не хотят выплевываться.

- Дорогой мой соблазнитель, - сдавленным голосом обратилась я к двери. – Тебе точно есть восемнадцать?

- А ты как думаешь? - усмехнулся озадаченный голос. – Фри-кас-се... Хм...

- Жаль, - вздохнула я, качая головой. – А то проповедь длинная. Мало ли, что тут вырваться может из меня в процессе...

Немудрено, что народ слегка ее возненавидел. Я бы тоже как-то не спешила бы поднимать рождаемость, зная, что где-то на меня смотрит любопытный божественный глаз.

- Так, все, достаточно! – отмахнулась я, требуя у зеркала показать, что происходит в мире.

Сначала я не поняла, что это, а через мгновение тихонько опустилась на стульчик, глядя на супружескую спальню, в которой столпилось целое стадо родственников.

- Это что за порно-канал? – возмутилась я, видя, что из приличного была только картинка на стене. – Ладно, они там занимаются изготовлением новых верующих, но бабушка там явно лишняя!

Вокруг обнаженной пары стояли родственники. Старенькая бабушка с подозрением смотрела на жениха, прищурившись и сопя.

- Во времена моей молодости, - прошамкала бабка, что-то разглядывая. – Побольше были! Вы бы видели, какие были во времена моей молодости! Обмельчал народ, ой, обмельчал!

- Если бы у отца был такой же, тебя бы доченька на свете не было, - вздохнула мать, глядя на такой набожной непосредственностью, что я занервничала. – Говорила я тебе, чтобы ты за Йавена выходила замуж. Теперь всю жизнь с кинжальчиком проживешь, а могла бы с мечом!

- Зато по столу ему нечем стучать будет, - согласилась бабка, пока отец молчал.

- Жаль тебя, сынок. Тебя и так богиня обделила, - сокрушался отец, пока жених стоял ко мне спиной.

- Я молился богине света! – произнес он, а я подавилась очень нехорошим словом, пытаюсь с каких пор лучик света помогает в таком щепетильном вопросе. «Ты почаще поливай, и молиться не забывай!», - обрадовал внутренний голос, пока я вдыхала, понимая, что чем-то придется выдыхать.

- Плохо молился, значит! – поучала бабка, пока я тихо сползала по креслу, прикрывая глаза руками. – Мало! Он хоть попал? А то она стонет как-то ненатурально!

- А вы можете хоть на минутку отвернуться? – взмолился новобрачный, глядя на новоявленную родню.

- Что?!! – тут же заорала семья, размахивая руками. – Ты что? В тайне хотел этим заняться? Ты что? Порочный? Фу!!!

- И что же там такое интересное происходит? – осведомился приятный голос за дверью,

но тут же сладко и насмешливо добавил. – Помни, милая, тайна – прямой путь в мои нежные объятия. А что случится с тобой в моих объятиях – это маленькая тайна...

- Тебе восемнадцать есть? – спросила я, скептически поднимая брови при виде разочарованных процессом родственников.

- Мне семнадцать тысячелетий, - усмехнулся голос за дверью.

- Маленький еще, - вздохнула я, поглядывая на черную дверь.

- Семнадцать тысячелетий по-твоему мало? – снова терпко поинтересовался голос за дверью.

- Не знаю, но про фрикасе ты ни разу не слышал. Я уже не говорю про жульен! – съехидничала я, пытаюсь понять, как вообще до такого можно было докатиться!

Я смотрела на весь ужас, который мне показывало зеркало. Мелькали лица, сцены из жизни людей, слышались голоса: «Богиня умеет воскрешать из мертвых! Я же говорил, что она великая!».

- Неужели предыдущая богиня была извращенкой? – скривилась я, глядя на то, как еще один семейный консилиум контролирует процесс изготовления внуков.

- А ты сама попробуй, - сладко и вкрадчиво предложила тьма. – Ты же богиня, так почему бы тебе не приказать смертным думать иначе? Расскажи жрицам, поясни, и они донесут это до смертных... Так делают все боги...

- То есть, я – бессмертная? – заинтересовалась я, а зеркало паниковала, показывая мне какие-то картинки, которые мелькали со скоростью звука.

- Так, надоело! – не выдержала я этой психоделики. Мои руки легли на раму. – Свет мой зеркальце, скажи! Да всю правду доложи! Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

- Что?! – икнуло зеркало, останавливая неконтролируемый поток информации. – Эм... Я попробую...

- Так, пока зеркало проверяет эту очень важную информацию, я хочу уточнить, - усмехнулась я, глядя, как стекло задумчиво туманиться. – Я действительно бессмертная?

- В какой-то мере да, - рассмеялась тьма, а я мысленно отметила, что иногда от нее куда больше пользы, чем от стекляшки-истерички. – Ты бессмертна, пока в тебя верят. Чем больше людей верит в тебя, тем больше твоя сила, богиня...

- Я нашло! Тут глаза красивее! – обрадовала зеркало, показывая огромные глазища. – Больше и красивее!

- И какого цвета у тебя глаза, - сладко прошептала тьма. – В чем я буду тонуть, когда ты меня выпустишь из моего заточения?

- Да как бы тебе сказать, - заметила я, понимая, что кто-то по уши в коричневых глазах с зелеными прожилками. – Ну не в море, это точно! А если в меня перестанут верить? Что тогда?

- Тогда ты потеряешь всю силу. В тот момент, когда в тебя перестанут верить абсолютно все, ты погибнешь, мой маленький светлячок, - кротко прошептала тьма, а я уже топила его, как котенка в своих глазах.

- Я нашел грудь в несколько раз больше! – радостно возвестило зеркало, показывая мне почетную грудь, от которой у меня перехватило дыхание. Да, повезло какой-то девушке. Зеркало поползло вверх, показывая бородатого толстяка – счастливого обладателя такой роскоши. Он заливался чем-то разглагольствуя о том, что нет порока в своем отечестве, а что естественно не должно быть без оргазма.

- А какая у тебя грудь? – сладко прошептала тьма. Послышался мечтательный вздох.

- А что? Ты уже присмотрел для нее амбразуру? – осведомилась я, скосив глаза на

обычный размер. – Даже не думай!

- Не переживай, мой светлячок, - сладко успокоили меня, пытаюсь убаюкать мою совесть. Совесть сладко зевнула, отправляясь на бочок. – Однажды я сам ее увижу... Мне же нужно о чем-то мечтать!

- Понимаю, что я первая женщина, которую ты увидишь после стольких лет заточения, - вздохнула я, украдкой бросив взгляд на черную дверь. – Поэтому не обольщаюсь!

- А как же искусство любви? Я могу сделать так, что ты никогда меня не забудешь, - убеждали меня, а я улыбалась двери, кивала и поджимала губы.

- Я тоже могу сделать так, что ты меня не забудешь никогда! Ты еще раздеться не успеешь, а уже не забудешь! – рассмеялась я, стирая пыль с вензелей белой рамы.

- Ты про позы? – осведомилась тьма, пока я смотрела на дверь, за которой сидит самый наивный на свете человек.

- Милый, жизнь последнее время ставит меня в такие позы, - усмехнулась я, мысленно отмечая, что от двери нужно держаться по возможности подальше. – Что тебе и не снились. А еще я чувствую, что еще немного, и я смогу выспаться в любых позах! Стоя, лежа, сидя, сверху, снизу... Так что не обольщай и не обольщайся. Я тебя все равно не выпущу.

Итак, я решилась! Богиня я, или тварь дрожащая? Сейчас, когда мятежи улеглись, можно попытаться все исправить.

- Нашло! – обрадовалось зеркало, тыкая в меня еще одним тучным мужиком. – Вот! Я все проверило!

Где-то во мне зашевелились комплексы. Кислым взглядом я смотрела на мужика, который спокойно храпел в роскошной белой кровати.

- Точно-точно? – вяло уточнила я, втайне надеясь, что зеркало просто путает пол.

- Да! – обрадовалось зеркало. – Яль найден! Все пересмотрело!

- Какой «яль»? – не поняла я, слыша, как мужик выводит такие рулады, от которых соседи уже должны собирать деньги на его похороны.

- Ты сама сказала! Яль на свете всех милее? Вот я и нашло тебе Яля! – радовалось зеркало, а я взяла на заметку способ его призаткнуть.

- Итак, я, богиня, хочу поговорить со смертными! – горделиво произнесла я, ощущая себя настоящей богиней, вершительницей судеб.

Зеркало помутнело, показывая десяток храмов. В некоторых из них сохранились следы погрома и пожара, но люди кротко плелись в них, неся скромные дары. «Она воскресила жриц! Слышали?», - шептались люди, выкладывая на ступени дары и глядя на уцелевшие статуи.

- Уже можно? – спросила я, осматриваясь по сторонам. Люди притихли, опасливо глядя на статую. – Скажи, когда нужно говорить! Все? Можно? Кхе-кхе! Товарищи верующие! Это я, ваша богиня!

- Она говорит с нами! – по толпе пробежал рокот, а люди не верили своим ушам. Жрицы с триумфом стояли рядом со статуями, всем видом показывая, что кого угодно на такие должности не принимают!

- Я тут подумала, и решила, - произнесла я, а верующие ловили каждое мое слово. Я вспомнила консилиумы, понимая, что в каждой уважающей себя семье – Вы можете заниматься любовью в одиночестве...

Из-за черной двери послышалось покашливание и смех: «Берите все в свои руки, друзья мои!».

- Я имею в виду без свидетелей! – исправилась я, поясняя затаившим дыхание верующим

принципы уединения. – Вы с любимым человеком можете смело уединяться! Не нужно приглашать родственников! Даже любимых!

По залу послышался расстроенный рокот. Некоторые верующие только что лишились последнего развлечения.

- Богиня! А как же вы говорили про тайны! – закричал женский голос, а все уставились на меня с надеждой. – Тайная любовь порождает преступления! Убийства! Ревность! Обман!

- Эм... Ну вы там не одни. Я имею в виду отношения между любящими мужем и женой, парнем и девушкой, - терпеливо ответила я, глядя с надеждой в глаза, которые меня, кажется, начали понимать. – Если что, я тут как бы наблюдаю за всеми, так что никакой тайны не будет!

Ага, размечтались, чтобы я еще сидела и мониторила столь интимные моменты жизни верующих. Делать мне больше нечего!

- Это – никакая не тайна, если я слежу за вами! Наслаждайтесь в свое удовольствие, - благословила я, решив не разворачивать масштабную пропаганду роз, слез и поз.

Верующие закивали, а я присела на стул, как на трон, понимая, что немного послаблений людям не повредит. Я посмотрела, как жрицы толкуют мои слова особо непонятливым. А потом повторяют толкование тем непонятливым, которые с первого раза не поняли. Вроде бы все правильно! Ничего! Скоро мы решим все вопросы с верой!

Я посмотрела на себя в зеркало, глядя на то, как струиться белое платье, как ниспадает на пол красивыми волнами, а сквозь разрезы видны аккуратные ножки и коленочки. Пора привыкнуть к тому, что я действительно богиня, а самое страшное позади!

Преспокойненько я направилась в ванную, входя в теплую воду с драгоценными маслами. Богиня имеет право на отдых! Брезгливо посмотрев на наручник, я отбросила его в сторону, отмокая и строя божественные планы.

И тут я почувствовала, как невидимая сила вытаскивает меня из воды, а я попыталась ухватиться за простыню, но ноги скользили по полу. Зеркало орало, что оно здесь не при чем, а мне тут усердно молятся! Кончиками пальцев мне удалось дотянуться до простыни, а меня уже волокло по полу к зеркалу.

- Дорогая богиня, милостивая мать! Богиня света, добра и справедливости! – слышался мужской голос. – Да не угаснет свет твой ни в мире, ни в душах людей...

- Эй! – возмутилась я, хватаясь за стул. Обхватив его руками и ногами, мне удалось выдохнуть.

- Молю, - продолжал мужчина, смиренно опустив голову. Он стоял обнаженный, а рядом стояла обнаженная девушка, склонив голову. – Снизойди к нам!

- А сами вы никак? – удивленно спросила я, глядя на влюбленных. Я едва не разжала руки, чувствуя, как меня тянет в зеркало. Первое правило богини света. Слушая верующих, руки разжимать вовсе необязательно!

- Никак, - горестно воскликнул мужчина, а девушка рядом кротко кивнула, не поднимая глаз. – Вы сами сегодня сказали, что только с вами!

- Молодой человек, - фыркнула я. – Две девушки для вас – слишком жирно! У вас половая подъемность максимум одна!

- Вы можете не участвовать, - горячо заверили меня, продолжая усиленно молиться. – Просто стойте рядом! Чтобы не было тайны!

- Свечку поддержать? – мои брови полезли вверх, пока я вспоминала свое недавнее выступление против прежних правил. Одна моя рука отцепилась, а мне удалось оседлать стул и зацепиться за него ногами. Гул других молитв нарастал. В моей руке вспыхнул маленький огонек, а я удивленно рассматривала его, боясь вздохнуть.

- Матерь всего сущего, свет наших душ, - бубнили голоса, а тысячи пар просили меня присоединиться, пока я твердо решила не отпускать спинку и держать ее двумя руками. Мой храм наполнял зловещий смех, от которого я искренне пожелала, чтобы на момент возможной, но не гарантированной амнистии, у кого-то заклинило замок!

- Приди к нам! - взывали голоса, а дьявольский смех сотрясал стены. Я чувствовала, как стул начинает ползти по полу в сторону зеркала...

- Побудь рядом с нами! - твердили голоса. Моя простыня улетела в зеркало, всосавшись в него, а я отчаянно упиралась ногами, не желая принимать участие ни активное, ни пассивное в столь важном ритуале!

- Могу проинструктировать! - орала я, упираясь. - Входит и выходит! Замечательно выходит! Там ничего сложного! Вы болт когда-нибудь забывали!

Внезапно в зеркале появился мой храм, покрытый нервной рябью.

- Богиня решила испытать нас! - нервно говорила молодая жрица, а другие стояли перед ней, внимая каждому ее слову. - Это было испытание! Она испытывала нашу веру!

- А лучше бы оргазм, - послышался сладкий бархатный голос из темноты. - Ты, оказывается, веру испытываешь... Ну-ну...

- Да тише ты! - отмахнулась я. У меня что-то сжалось. И это было не сердце!

- Она сама давала нам завет - не хранить секреты и тайны! - восклицала молодая жрица, пока все внимательно ее слушали. - А тут сама поделилась секретом! Она просто испытывала нашу веру на прочность! Я прошла испытание! Я рассказала людям про ее секрет, как она и хотела!

Жаль, что я богиня не умеющая раздавать мозги!!! Зеркало задергалось, а я услышала монотонную молитву. Двое обнаженных сидели на кровати, требуя меня со свечкой!

- Да отстаньте вы! У вас там секс, а у меня тут... - огрызнулась я, сжимая стул четырьмя конечностями и холодеющим органом. Так, стоп! Там что? Два мужика сидели? Ну-ка, верни!

Но зеркало тут же пошло знакомой рябью, переключая канал вещания из очень горячей точки, где страсти накалялись с каждой секундой!

- Я все рассказала людям, о, богиня! - экзальтированно произнесла жрица. - Я прошла испытание верности и веры! Зло никогда не коснется меня!

Зло, может быть, и не коснется, а вот стулом вполне схлопотать можешь за такое!

- Уничтожить богиню - обманщицу! - орала толпа, собираясь на площади. - Богиня - обманщица!

Теперь точно можно за стул не держаться руками и ногами! За него прекрасно держится попа, сжавшись от таких новостей!

Глава пятая. Осторожно! Двери открываются! Следующая станция - спасайся, кто может!

Восстановленные двери храма сотрясались от ударов, пока я мысленно молилась сама себе, чтобы обошлось.

- Богиня их всех покарает! – шептали жрицы, усердно молясь и стоя возле статуи.

Ага, сейчас, простыню подберу, на плечи повяжу, возьму плетку и как начну карательную операцию под кодовым названием «Жизнь Опять Подсунула Ахкакойповодрасстроиться»! Главное, чтобы не втянулись, а то еще и понравится.

- Да, покарай их всех! – насмехался узник чужой совести. – Вот просто возьми и накажи! Подожди, чтобы собрались кучнее! Так удобней будет наказывать, мой жестокий светлячок!

- Богиня покажет им свет истины! – шептали жрицы, усиленно молясь, а меня вместе со стулом тянуло к встрече с неизбежным.

Сверкающие пятки считаются светом истины? Я что-то не очень готова им что-то показывать, особенно сейчас, когда разъяренная толпа штурмом берет храм!

Меня дернуло внутрь зеркала и шлепнуло оладушком на пол аккурат в тот момент, когда ворвалась толпа.

- Богиня обманула нас! – оралли они на все голоса, пока я искала чем прикрыться. Я схватила какую-то тряпку, натягивая ее на себя.

- Разрушить храм! Мы больше ей не верим! – оралли люди, пока жрицы испуганно метались. Красивые вазы с белыми цветами летели на пол, разбиваясь на осколки, хрустальные сосуды, похожие на застывший лед разлетались вдребезги.

- Помогите нам! Богиня! – оралли жрицы, а мне в лицо кто-то что-то бросил. Судя по вкусу – варенье. Я отшатнулась, пытаюсь вытереть ослепленные глаза, рядом что-то упало с таким звоном, с которым разбиваются хрустальные мечты о чугунную попу реальности.

- Крушите здесь все! – вопил кто-то так истошно, что я не удивилась, как его еще не выбрали предводителем этого безобразия.

Я пыталась разлепить глаза, понимая, что означает слово «слиплось». В этой суматохе меня качнуло и дернуло. Я стояла в тишине, не веря своим ушам. Шум раздавался неподалеку, а я протянула руку, чувствуя прохладу волшебного стекла и вензеля рамы. Фух! Повезло! Теперь срочно нужно промыть глаза и лицо!

Я наощупь ковыляла, хватаясь руками за колонны и все еще переживая по поводу того, что на моей статуе теперь катаются все, кому не лень.

Мои руки нащупали дверь в туалет, я дернула ручку и...

- Пришла по маленькой нужде, а заодно решила справить и большую? – рассмеялся голос совсем близко. Я вздрогнула, чувствуя, как меня обнимают.

- Моя сладкая девочка, - смеялся голос мне на ухо. – Как же все чудесно получилось! Они все сделали так, как я им приказал, и теперь ты здесь... Жаль, что варенья я так и не попробовал тогда... Но сейчас у меня есть такая возможность...

Я почувствовала, как по моей щеке скользнуло что-то горячее, а в ухо послышался сладострастный стон.

- Какое вкусное варенье, - послышался шепот на ухо, а у меня по коже побежали мурашки! Я открыла не ту дверь! - Интересно, а с губ оно еще вкусней?

Я почувствовала, как мои губы раздвигают поцелуем. Мои руки уперлись в чужую грудь, а я пнула его изо всех сил, в надежде, убежать вслепую.

- Прости, моя маленькая звездочка, - рассмеялся голос, а меня снова поймали, слизывая

варенье с моей шеи. - Вот такой я мерзавец... Ты больше не великая богиня света, единолично правящая миром... Теперь миром правлю я...

В какой-то момент, я почувствовала, как мои глаза снова видят. Полумраке виднелся черный силуэт, а через мгновение с шуршанием раскрылись огромные черные крылья, как у птицы. Сон про убийство встал перед глазами, сердце вздрогнуло от ужаса, и тут же оборвалось, когда послышался отнюдь не вкрадчивый голос: «Тебе конец, богиня!».

- Что?!! - удивилась я, не ожидая такого поворота событий!

- То, что слышала! - голос был величественным и насмешливым, а по моей щеке скользнул коготь. Он щелкнул пальцами, а вместо тряпки на мне появилось роскошное белое платье. - Мой светлячок, неприличным здесь могу быть только я.

Я дернулась, оставив в его руках часть нового платья, и бросилась бежать, видя, как из-за черной двери сочится тьма. Она заполняла все вокруг, растекаясь, словно живая.

Я бежала, стараясь не оглядываться, слыша лишь свое сбивчивое дыхание и шелест белоснежной туники. К сожалению, времени, чтобы заняться угрызениями совести, у меня не было, но я всячески пыталась исправить это упущение, ускоряя темп.

- Вот угораздило меня! - тихо всхлипывала я, не узнавая свой уютный храм. Если раньше он был пронизан слепящим, ярким светом, то сейчас свет угасал, уступая место тьме. Белоснежные колонны чернели, словно от старости, а последний луч света, падающий на волшебное зеркало, померк, погружая все вокруг в холодный, пугающий и беспросветный мрак.

Свет, который исходил от меня, все еще освещал очертания зала и черный пол, а я лихорадочно металась между колонами, пытаюсь найти место, где можно спрятаться от того, что идет за мной попятам. Тьма клубилась под сводами мрачного потолка, сочилась, поглощая все вокруг и растворяя в черноте. Мои зубы стучали, а я знала, кого скрывает этот непроглядный и чарующий мрак.

По спине шустро пробежали мурашки первобытного ужаса при мысли, что мой свет уже не может развеять тьму, которая сгущается, словно обволакивая меня.

Мне показалось, или я слышала шелест крыльев? Или это шелест длинного подола, который я придерживала, чтобы не наступить, мечась по собственному залу.

Сердце лихорадочно колотилось, а я видела перед собой все ту же стану мрака, чувствуя, как мой свет постепенно угасает. Я прижалась к черному мрамору колонны, которую нащупала в потемках, пытаюсь хоть на минуту перевести дух. Из тонких дрожащих пальцев вылетел маленький яркий светлячок, пытаюсь мужественно сражаться с подступающим и пожирающим все краски мраком.

- Отдайся мне, - шептала темнота, пока я мысленно пыталась представить, куда бежать дальше, направо или налево. Весь мир был окутан непроглядной пеленой, а мои глаза лихорадочно искали выход.

- Ф-ф-фигушки, - сглотнула я, чувствуя, как меня пробирает мурашками неприятностей до самой совести. Это я во всем виновата! В ушах до сих пор звучали крики: «Уничтожить богиню! Это она навлекла на нас тьму!».

Сердце оборвалось, как только послышался неожиданно нежный шорох крыльев и подозрительно мягкие шаги. Я оборачивалась по сторонам, пытаюсь понять, откуда они доносятся, но в непроглядном мраке было сложно сориентироваться. Глухие удары перепуганного сердца гулко вторили каждому шагу крадущейся тьмы, а призрачное эхо разносилось по всему залу.

- Где моя маленькая богиня света? - снова слышался вкрадчивый голос из темноты, а я осматривалась по сторонам, боясь шелохнуться. - Где мой маленький светлячок? Куда же он от меня спрятался?

Я зажмурилась, сжимая кулаки. На мгновение шаги стихли, а рядом раздался шорох крыльев. Меня обдало прохладным ветерком перемен, и, возможно даже, в личной жизни, если судить о том, что мне только что нашептывала тьма. Я бросилась в сторону,

в надежде ускользнуть, но споткнулась о ступеньку и потеряла равновесие.

- Смотри, не упади, звездочка моя, а не то мне придется загадывать желание. Как представлю, каким оно будет, мне даже становится жаль тебя, - слышался вкрадчивый шепот, а меня схватили за талию, прижимая к себе.

Мои пальцы тянулись к моему светлячку, который пожирала плотоядная, молчаливая и холодная тьма. Огонек погас, а я осталась в крошечной темноте, чувствуя прикосновение к своим волосам.

- Знаешь, почему твой свет гаснет, мой маленький светлячок? Люди устали быть добродетельными, - слышался голос возле моего уха. Чья-то рука осторожно отвела прядь волос, вызывая во мне чувства противоречивые и тревожные. - Тьма обнажает все пороки. Тьма прикрывает любое преступление, скрывает тайны и хранит секреты... Во тьме вершатся черные дела. Под покровом тьмы сводят старые счета, приводят в исполнение страшные приговоры... Я воплощение той самой тьмы, тех самых пороков, которые прятались и ждали своего часа, чтобы выйти наружу...

- Поздравляю, - мрачно произнесла я, пытаюсь разжать чужие пальцы. - А ты не мог бы заползти обратно? А?

- А знаешь, что еще скрывает тьма? - страстно задышавшись, прошептал голос. В нем слышалось то, от чего чужие руки на моей талии стали смущать меня еще сильнее. - Алчность, гнев, гордыню, ненасытность, зависть, лень, уныние и похоть...

- Давай начнем с уныния? Ты уныло вернешься туда, откуда пришел, и тебе лень будет выходить? Можешь гневаться, сколько влезет, завидовать всем, но желательно молча, строить алчные и ненасытные п-п-планы по завоеванию мира. А п-п-похоть как-нибудь приложится... Правда - правда. От женщин одни проблемы! От меня особенно! Как говорить? Все в твоих р-р-руках, - нервно дернулась я, чувствуя, как каждое слово приближает меня к моральной травматологии.

Слышался приглушенный, зловещий смех, а я тяжело задышала, дрожащими руками пытаюсь разжать чужие пальцы.

- Можешь мне просто позавидовать, разрешаю, - процедила я, тщетно пытаюсь освободиться. Мои губы дрожали, а я пыталась извернуться и пнуть его как следует.

- Я жажду всего, что есть в этом мире, моя маленькая звездочка. Слишком долго я был в твоём плену, - слышался страстный голос возле моего уха, а моей щеки коснулись перья чужих крыльев. - Мир отдаст все, что принадлежит мне по праву. А что не отдаст, я отниму...

Я чувствовала, как меня разворачивают к себе. Сердце испуганно забилося в тот момент, когда мою голову запрокинули, проводя по шее тревожно нежную черту. Что он делает? Мне это не нравится.

- И делиться я ни с кем не собираюсь, - выдохнула тьма, а я почувствовала, как меня держат за волосы, целуя так, что земля уходила из-под ног, не прощаясь.

- Читай по губам, - страстно шепнула тьма, раскрывая крылья. - Мир теперь принадлежит мне. И ты немедленно встанешь передо мной на колени! Встань на колени перед богом тьмы!

- На...к-к-колени? - удивилась я такой разительной перемене. А как же «светлячок», как же «звездочка»? Не понимаю.

- Я унижался перед тобой, просил открыть дверь, - властно произнес голос. Если тепло и любовь в голосе измеряется кучками, то тут явно ямка! - Тебе же не сложно было ее открыть, не так ли? Но ты не открыла. А если бы открыла сразу, не заставляя меня идти на уловки, то я бы, возможно, был с тобой помягче!

- Откуда я знала, что тебе можно верить? - шептала я, пытаюсь вырваться и прорваться к зеркалу.

- Подумай сама. Что было изначально? Свет или тьма? Сначала была тьма, - слышался

тот самый голос, от которого у меня по коже пробежали мурашки ужаса. – И бог тьмы выбирает богиню света. Свет – всего лишь приложение к тьме. Поэтому тьма имеет право выбора. Я менял богинь, как перчатки, пока одна из них не додумалась обмануть меня, заперев в комнате на почти сотню лет.

- Ты не имеешь надо мной власти, - стонала я, пытаюсь вырваться их цепких когтей двуличного мерзавца.

- Страх – это тоже порождение тьмы. Это – не порок. Это просто первобытный, первозданный страх, который я разбудил, - слышался холодный голос. – На колени! Преклонись перед тьмой! Теперь это – мой храм. И ты – моя пленница.

- Беги! – пронзительно кричало зеркало неподалеку, а я рванулась так, что едва не упала, чувствуя, как когти оставляют на моей коже страшные царапины. – Сюда, богиня!

Оно сверкнуло в темноте, давая мне надежду. Я почти добежала, видя, как волнуется зеркальная гладь, как вдруг черная вспышка ударила в зеркало, послышался оглушительный звон, эхом отдаваясь от гулких стен. Осколки разлетелись, чудом не задев меня, а волна швырнула меня на пол. Я чувствовала под пальцами треугольный осколок, размером с карманное зеркальце, который тут же спрятала в руке.

- Вставай. Некуда бежать! – послышался надменный смех, а в темноте стали проступать золотые вензеля, груды сокровищ сыпались прямо сверху, насыпаясь в звенящие горы. Магическое сияние осветило храм, а я увидела страшное лицо, заросшее бородой...

- Нет! – сглотнула я, чувствуя, как меня ставят на ноги.

- Я придумал, как отомщу тебе, - усмехнулся жестокий голос мне на ухо. – Лети сюда, моя птичка.

Когтистая рука сделала странное движение в воздухе, а посреди храма появилась огромная золотая клетка. В клетку вела роскошная, парящая в воздухе золотая лестница. Дверца клетки была открыта.

Я с ужасом смотрела на клетку, сжимая и пряча осколок, который надеялась всадить в это чудовище.

- Нравится? Она из чистого золота! – послышался голос, а меня взяли на руки. Мы дернулись вверх, а я все еще не могла поверить в то, что вижу своими глазами. – Я сделал для тебя качели! Чтобы тебе не скучно было, ПОКА ЧТО БОГИНЯ!

Он подчеркнул эти слова так, что у меня волосы зашевелились.

Меня толкнули в клетку, а я увидела, что мое платье стало золотым. Дверь закрылась со скрипом петель, а я попыталась ее открыть, но тщетно. Черный силуэт отступил во тьму, а над куполом клетки засветился диск, похожий на луну. Лестница вела к качели вверх и вниз, на дно клетки, где вместо кровати было что-то похожее на мягкое ложе, усыпанное роскошными подушечками.

Ноги не слушались, а я спустилась вниз, пытаюсь поверить в реальность происходящего. Полупрозрачные шторы едва скрывали роскошное ложе, а под лестницей стоял горшок.

Не верю! Я не верю! Это сон!

- Тебе нравится? – послышался голос, а я нервно сглотнула, чувствуя, как по руке течет кровь. – Я старался для тебя. Ты никогда не выйдешь отсюда.

- Как ты собираешься править миром, если у тебя нет зеркала? – крикнула я, слыша, как дрожит мой голос.

- Зеркало создавалось для богини. А у меня есть крылья, - послышался голос в темноте, которая окружала меня. Блеклый свет магической луны отражался от золотых прутьев клетки. - Теперь ты моя узница. И, заметь, я был милосерден.

«Двадцать тысяч плюс коммуналка! Деньги до десятого числа на карточку», - промелькнуло в моей голове, пока я рассматривала новое жилье. Я зажмурилась, видя

странные образы, видимо, из прошлого.

- Теперь ты – моя игрушка для утех, – произнес Бог Тьмы.

- А не дороговато за однушку на окраине? – капризно произнесла я, рассматривая переливающееся золото прутьев. Нужно взять себя в руки и успокоиться! Возможно, удастся похудеть настолько, чтобы протиснуться между прутьями! – Почему санузел сдельный? Хорошо, спрошу по – другому! Почему санузел сдельный со спальней, кухней и прихожей?

- Угомонись, – с затаенной угрозой произнесла Тьма, а я обернулась, слыша шуршание крыльев. – Многие девушки мечтают попасть в золотую клетку. Будешь себя хорошо вести, я, так и быть, оставлю тебя себе. Кто-то же должен меня развлекать, пока я не выбрал себе новую богиню? Пой! Это приказ!

- Я здесь!- слышался шепот из осколка. – Ты можешь убить его только мной! И тогда ты останешься богиней света навсегда... И больше не будет тьмы!

Что значит «убить»? За такое убить – слишком мало! Я еще буду танцевать на его могиле танец боевых индейцев, притаптывая клумбочку!

- Пой, птичка, пой, – насмешливо повторил Бог Тьмы. Я видела лишь его силуэт. – И тогда, возможно, ты мне понравишься. Может, я передумаю искать новую богиню. Подумай над этим.

- Я не умею петь! – со вздохом ответила я, зябко поежившись.

- Придется научиться, – холодно произнес Бог Тьмы. Я поежилась от этого холода. – И петь, и танцевать... Я хочу посмотреть на то, как ты качаешься на качелях и поешь... Считай это прихотью победителя.

Мои пальцы нервно сжали осколок, а по юбке потекла кровь. Хорошо, будем учиться петь. Я усмехнулась, присаживаясь на кровать и пряча осколок под красивую подушечку, и стала подниматься по ступеням. Мои пальцы касались золотых прутьев, а на них играли блики от моего прикосновения. Я все еще богиня света.

Качели скрипнули, а я оттолкнулась ногами. Длинная золотая юбка скользнула по площадке, паря в воздухе.

- Красавица, – усмехнулся Бог Тьмы, а я видела его, вальяжно рассевшегося на черном троне. Он жадно смотрел на меня. Но меня пугал не взгляд, а улыбка. – Я проведу тебя в золотой клетке, как мой трофей, через все города... Ты будешь одета в самое роскошное платье и петь, маленькая птичка...

Такого позора мы не переживем! Нужно срочно принимать меры! Не хватало еще отправиться в гастрольный тур. Сегодня мы собираем стадионы в столице, а завтра покоряем провинцию. И вот мы уже выступаем в доме культуры по будням. И дом бескультурья по выходным.

- Луч солнца золотого, – лихо завела я так, что улыбка тут же стерлась с лица Бога Тьмы. Видимо, он понял, что стадион придется собирать два раза. Первый раз до концерта, а второй раз после первого куплета.– Тьмы скрыла пелена...

Темный Бог подавился. Я не утверждала, что пою лучше соловья! Есть много красивых птичек, обделенных и слухом, и голосом. Так что, я немножко павлин.

- И между нами снова... – старательно выводила я, удивляясь, откуда взялась эта песня в моей голове. – Вдруг выросла стена... Ночь пройдет, наступит утро ясное... Знаю счастье нас с тобой ждет... Ночь пройдет, пройдет пора ненастная... Солнце взойдет...

Пока я пела все, что в голову взбредет, а память подбрасывала мне такие слова, что едва успевала удивляться...

- Я буду петь тебе всю ночь до утра! – радостно анонсировала я, понимая, что это у меня невятный мотив, а у Темного Бога есть вполне понятный мотив для моего убийства.

- У-у-у-у-у солнце взойдет... - выла я, слыша, как мой голос многократно отражается от стен. Слов уже было не разобрать.

- Хватит!!! – послышался яростный голос, а Темный Бог встал. – Прекратила! Немедленно!

Я осеклась, а эхо все еще выло за меня...

Нужно заманить его в клетку! Сделать так, чтобы он потерял бдительность и расслабился. Я видела себя со стороны, сжимающую острый, сверкающий осколок над его грудью... Картинка мне понравилась, а я посмотрела на темного бога, который подлетел к прутьям клетки.

- Знаешь, - кротко ответила я, слезая с качели и подходя к нему. – Мы ведь можем с тобой договориться...

- И как же ты собралась со мной договариваться? – послышался голос бога тьмы, который смотрел на меня пристальным взглядом светящихся глаз.

- Как взрослые люди, - улыбнулась я, чувствуя, что нужно что-то предпринять. Он должен войти к клетку... Я протянула руку, глядя роскошное черное одеяние на его груди. Бррр! Перед глазами снова сверкнул занесенный над ним осколок над незащищенной грудью. – Ты мне безумно нравишься... Но я тебя немножко боюсь... Помнишь, что ты мне обещал...

Я старалась не смотреть ему в лицо, разглядывая подсвеченный моей рукой узор его платья. Главное успеть!

- То есть, ты хочешь меня соблазнить? – улыбнулся Темный Бог, а я старалась не смотреть ему в светящиеся глаза. Его черные крылья развернулись, заслоняя свет от магического золота. – Чтобы я оставил тебя богиней?

- Да, - прошептала я, чувствуя, как меня колотит нервный озноб. Мою руку больно схватили, прижав к себе. А вторая рука с длинными когтями взяла меня за подбородок, понимая мою голову. От нее сочилась удушающая тьма. – И показать тебе, что такое фрикасе...

Нет, ну а что? Я от истины не далеко ушла!

- Тебе не удастся меня соблазнить, богиня света, - послышался насмешливый голос, а кисть моей руки больно сжали. – Я прекрасно знаю, на что ты способна. Я наблюдал за тобой. Изучал тебя.

Он прошел тьмой сквозь прутья клетки, глядя на мое изумление.

- Для тьмы не существует преград и заслонов... Это от света можно спрятаться, но не от меня, - холодно произнес Бог Тьмы. Мы стояли на площадке в самом верху клетки. Если он меня отпустить, и я упаду вниз. Мои ноги балансировали на самом краю.

- Я ведь не хочу быть тварью. Или хочу? – увидела я холодную улыбку. – Почему, глядя на тебя мне очень хочется быть чудовищем? Не скажешь мне?

Я почувствовала, как теряю равновесие, с ужасом цепляясь свободной рукой за его грудь. Послышался смех, от которого у меня по коже побежали мурашки.

- Ты не в моем вкусе, - слышался голос, пока я понимала, что зависла над пропастью. Нет, падать с высоты двухэтажного дома прямиком на кровать – это что-то новенькое, но позвоночник подсказывал, что лучше консервативно обниматься. Темный Бог держал меня за руку, слегка ослабляя хватку.

- Страшно, - усмехнулся он, когда я покачнулась на краю. Но рука снова сжала меня стальной хваткой. – Богини тоже умирают...

Я знаю одно – единственное место, в котором есть отличное справочное бюро для назойливых почемучек, зал ожидания для тех, кто успели меня достать, свободные койки для приставучих мужиков и номера люкс для всяких негодяев и мерзавцев. И что-

то мне подсказывает, что еще немного, и я шепну ему на ушко заветный адресочек.

- Но в тебе что-то есть, - заметил темный бог, прикрывая глаза и улыбаясь. - Иначе бы я уже отпустил бы твою руку... Хотя нет, я ошибся. В тебе нет ничего такого, что могло бы мне понравиться...

Внезапно он отпустил мою руку. Я дрогнула, теряя равновесие. В какой-то момент мне удалось судорожно схватиться за его одежду, а похолодевшая спина почувствовала ледяное дыхание пропасти.

Руки дрожали, пытаюсь впиться в его одежду и панически прижаться к нему покрепче. Темный бог сделал шаг вперед, а я поняла, что стою лишь на носочках.

- Прощай, богиня, - послышался спокойный голос, а меня поцеловали в похолодевший после этих слов лоб и толкнули вниз.

Перед глазами промелькнули его лицо с улыбкой, черные крылья, золотой купол клетки.

Мои руки судорожно пытались удержаться за воздух, глаза застилала золотая ткань длинного шлейфа. Я падала вниз, страх сжал горло спазмом, глаза закрылись, пока в голове вертелось: «Это – сон... Просто сон...».

Сердце осталось где-то вверху, замерев от ужаса. Даже жизнь не успела пролететь перед глазами!

И тут я почувствовала, как в последний момент, когда я сжалась перед неизбежным падением, меня схватили на руки.

-И почему же сердечко так бьется? – послышался его насмешливый голос. Сердце заходило в истерику, а тело оцепенело. – Неужели оно испугалось высоты? Падать, светлячок очень больно... Особенно, когда до этого стоял на вершине мира...

Я цеплялась за него, как в последний раз, боясь открыть глаза. Резкие взмахи крыльев рывком поднимали меня вверх. Мне удалось открыть один, самый храбрый глаз, чтобы убедиться в том, что я действительно еще жива.

- Я хотел загадать желание. Но для этого нужно было просто уронить звездочку, - слышала я голос, все еще не веря, что все обошлось. – Так что ты там говорила на счет соблазнения?

Мое платье слетело вниз и упало поверх кровати. На губах моих горел дьявольским огнем предательский поцелуй.

- Я ненавижу тебя так страстно, что твое предложение принято, - шептали ненавистные мне губы, обжигая шею поцелуями. Огромные крылья держали нас в воздухе, а сердце умоляло отпустить меня на землю.

- Ненависть окрыляет не хуже любви, - шептали мне, прижимая к себе так, что я уже прокляла то мгновение, когда случайно открыла дверь. Меня резко отпустили, а я попыталась схватиться за крыло, вырывая пучок перьев. Знала бы, где упаду, перышек подстелила... Черненьких...

Меня снова подхватили в воздухе, а я тихо стонала в чужих руках, понимая, что рожденный ползать – летает метко и больно.

- Неужели ты мне совсем не доверяешь? – слышался голос в тот момент, когда по моей щеке скользили поцелуи. – Доверяешь мне или нет?

Я готова была доверить ему право идти вместо себя на три веселых и увлекательных буквы, но в свете предыдущих событий, понимала, что пришла и в ситуацию, и на неприятности.

- Странно, а твое сердце не доверяет, - издевался надо мной темный бог. – Иначе бы оно так не вздрагивало каждый раз...

Он рассмеялся в мои волосы, пока я мысленно умоляла его пойти на посадку.

- Не бойся меня, - шептали мне, прижимая к себе и осторожно садясь на землю. - Весь мир, которому я уже отомстил, мечтал бы с тобой поменяться местами...

- На чем ты собрался мир вертеть? - выдавила я, чувствуя, как мы приземляемся. Меня обернули крыльями, а я вспомнила про осколок, спрятанный под подушкой. Сердце предательски дрогнуло, сладко вынашивая план мести за клетку.

Обжигающие поцелуи спускались все ниже, а я упорно тянулась к кровати. Меня бросили на разноцветные подушки, закрывая черными крыльями.

- Ты хотела провести со мной ночь? Побывать со мной до рассвета? - слышался издевающийся голос возле уха. Перья щекотали обнаженное тело. - В мире теперь царит бесконечно долгая ночь... И рассвет будет не скоро...

Губы скользили по моим щекам, руки сжимали меня с такой силой, что ребра едва не сложились. Задыхаясь от страсти, скользя волосами по моей груди, он сползал все ниже и ниже, пока моя рука панически искала осколок под подушкой. Нет.. Еще не время... Рано... Осколок царапнул пальцы, а я положила руку ему на спину, понимая, что еще немного и убивать его мне перехочется... Нет, возможно, я передумаю, но ...

Я перевернула его, видя, как огромные черные крылья раскрылись, развернувшись на кровати... Я сидела сверху, нежно ведя руками по его груди. Сердце билось так, словно отмеряло время. Склонившись для поцелуя, я сделала вид, что глажу его длинные черные волосы, укрывающие заветную подушку.

Мои губы прикоснулись к его губам, а сердце дрогнуло, когда вместо жестокости, я почувствовала такую нежность, от которой рука, нырнувшая под подушку, застыла, гладя пальцами холодное стекло.

- Мой маленький светлячок, - прошептал Темный Бог, нежно прижав меня к себе. Сердце задрожало, пока пальцы тайком прикасались к острому осколку. - Моя сверкающая звездочка...

Мои губы едва прикоснулись к его губам, я до боли сжала осколок зеркала, спрятанный под подушкой. Медленно и осторожно я вытаскивала его. «Это подло!», - шептал внутренний голос, когда я оторвалась от нежного поцелуя, глядя на его красивое лицо с закрытыми глазами и широкую обнаженную грудь. «Это подло...», - снова шептал внутренний голос, а я понимала, что второго шанса у меня не будет.

Губы темного бога приоткрылись, словно для поцелуя, пока я одной рукой нежно гладила его по щеке, а второй заносила над его грудью сверкающий осколок. Чувство жалости охватило меня, а я чувствовала, что не могу опустить руку со смертельным оружием. Мгновенья стали вечностью. Я проклинала себя за малодушие и растерянность. В мечтах это казалось намного проще, чем наяву...

Я чувствовала его нежную руку, скользкую по моей ноге, ощущала, как к горлу подкатывается предательский ком. «Давай!», - мысленно умоляла я себя, чувствуя, как решимость медленно испаряется. «Он убьет меня. Так или иначе...», - проносились в голове хаотичные мысли.

Закрыв глаза и простонав, я резко опустила руку с осколком, нанося смертельный удар.

В последний момент я дрогнула. Остановила неумолимую, острую смерть, чувствуя, как дрожат руки, а сердце в груди намеревается выскочить. Рука с осколком дрожала, в голове звенела только одна мысль: «Неужели он заслуживает смерти?».

Я не могла ни бросить осколок, ни убить, так и замерев в нервном ожидании собственного решения. Решение так и не приходило. Страх и ненависть куда-то испарились, а я застыла в растерянности, призывая их снова.

Капля моей крови упала ему на грудь, а Бог Тьмы медленно открыл глаза.

Еще одна крупная капля крови шлепнулась на бледную грудь, а мою руку взяла огромная рука с черными острыми когтями.

- Левее, светлячок, левее, - прошептал он, ведя по своей груди острием. Я смотрела в его

желтые глаза, пытаюсь прочитать в них хоть что-то... - Сердце, моя звездочка, здесь... Прямо здесь...

Я сглотнула, чувствуя, второй рукой он гладит меня по груди.

- Не бойся, - слышался знакомый вкрадчивый шепот, наполняющий душу смятением. - Это не так сложно. Я убивал тысячами... Это только в первый раз страшно... Гнев и гордыня порождает убийства... Похоть порождает насилие... Алчность и зависть порождает воровство и разбой... Уныние порождает равнодушное созерцание преступлений...

Ну да, а обжорство - лишний вес! Все проблемы от него!

- Давай, мой светлячок, - страстно прошептал голос, а острое в наших руках оставило кровавую точку на его груди. Он еще слегка надавил, заставив меня вздрогнуть, словно очнувшись от сна. Тонкая капля крови потекла по его груди, стекая на подушку.

- Решайся, - пылко шептали мне, пока его рука гладила меня по спине. - Другого шанса у тебя не будет... Я не пощажу тебя за это... Давай, представляй, что я с тобой сделаю за такое, и решайся...

Он наклонил меня к себе, нежно поглаживая по волосам. То, что шептали его губы, хотелось забыть сразу же, вычеркнуть из памяти посредством многократного удара головой об стену.

- Ну, - шептали губы, а мои пересохшие губы обжигало его дыхание. Осколок все еще был в наших руках, а я с ужасом смотрела в желтые глаза тьмы. - Давай, мой светлячок... Подари этому миру надежду... Ты ведь ненавидишь меня? Боишься? Это я смотрю на мир из темноты. Это от моего взгляда вы тут же бежите зажигать свет...

- Только не говори, что это ты шуршишь в темноте, - сглотнула я, пытаюсь вернуть себе ощущение реальности. Мои пересохшие губы жадно глотали воздух. Рука задрожала, а вместе с ней сердце. Я попыталась дернуться, но меня уже держали за кисть руки, больно сжимая мое запястье.

- Дай мне сюда осколок, - вкрадчиво прошептал Бог Тьмы, осторожно пытаюсь разжать мои сведенные нервной судорогой пальцы. - Чтобы я смог залечить твои раны... Тебе же больно, мой светлячок? С такими вещами нужно быть аккуратней...

Я чувствовала, как он разжимает мою руку и осторожно целует кровь на запястье, поднимая на меня глаза. Улыбка мне совсем-совсем не нравилась!

Рука сжала осколок, он засветился, а меня дернуло куда-то вверх.

- Ах ты, маленькая тварь... - послышался яростный голос. - Я тебе этого никогда не прощу! Ты даже представить себе не можешь, что я с тобой сделаю, когда найду тебя!

Глава шестая. Осколки пошлого

Я не поняла, что происходит, но меня в ослепительной вспышке света швырнуло на что-то шуршащее. Я катилась, прижимая к груди осколок. Вертелся не только внешний мир, но и внутренний. Внезапно все остановилось. Я лежала на траве, чувствуя, что тело остановилось, а голова нет...

Вокруг меня была холодная, темная и такая непривычная ночь. Я села на траву, чувствуя, что после пережитого мне срочно нужно успокоительное в слоновьих дозах.

Трясущимися руками я подняла осколок, который засветился, на мгновение ослепив меня.

- Пока у тебя осколок ты остаешься богиней света, - слабым голосом произнесло зеркальце. - Мне удалось перенести тебя... Но я потратило слишком много сил... Он ищет тебя... Бог Тьмы... Мне нужно время, чтобы восстановить силы... Не зажигай магический свет.... Никому не говори, кто ты... Бойся шелеста крыльев в темноте...

Зеркало погасло, а я смотрела на свое отражение, которое меркло в угасающем магическом свете. «Спасибо!», - запоздало прошептала я, вдыхая свежий воздух и слыша шелест листьев.

Осторожно ступая и оборачиваясь на каждый шорох, я брела по незнакомой местности. Листва шелестела, черные стволы деревьев вырастали из мрака, а я зябко ежилась, не зная чем прикрыть наготу.

Внезапно прошуршали крылья, а я дернулась, панически вжимаясь в ствол.

- У-у-у! - протяжно заорала огромная птица, перелетая с ветки на ветку. Где-то вдалеке ей вторили такие же птицы - убийцы моей нервной системы. Первобытный страх темноты заставлял ускорить шаг, а я вышла на каменистую дорожку, ведущую к черному зеву какого-то строения.

Монументальные колонны из белого мрамора выделялись даже в крошечной темноте слабым свечением.

- Храм! - обрадовалась я, ускоряя шаг. Мне казалось, что темнота ползет за мной по пятам, глядя хищными глазами мне в спину.

Я вошла в гулкое помещение, слыша, как отдаются мои одинокие шаги от мраморных стен, а сердце замирает, прислушиваясь. Слабое свечение внутри придавало уверенности.

- Здесь есть кто-нибудь? - негромко спросила я, в надежде, что откликнется кто-то, а не что-то. Все было брошено в явной спешке! Драгоценные камни со статуй были выковыряны, а зияющие пустоты казались следами от пуль.

Я потрясла головой, отгоняя туман бессвязный воспоминаний. Поностальгировать всегда успею. Переступив через перевернутый сосуд, хрустя осколками какой-то вазы, я дошла до огромной статуи, величественно возвышавшейся во мраке. Она светилась едва заметным светом, а ее величественное лицо казалось невозмутимым. У подножья статуи лежали черепки, разорванные бусы рассыпались алыми ягодами по полу, кусок дорогой ткани валялся простыней.

Я схватила его, заворачиваясь в него на манер римской тоги и связывая на плече концы. Если слева я была девушкой строгих правил, то правая часть моего платья намекала на то, что правила распространяются не на всех.

Присев на ступеньку, положив рядом осколок, я обняла себя, успокаивая, что все не так плохо, как могло бы быть. Я все еще богиня! Пусть даже в бегах, но богиня!

Осколок вспыхнул, показывая мне огромный черный дворец, освещенный огнями, к которому стекаются люди.

- Воздадим почести Богу Тьмы! Богу первозданного порока! - вещал жрец в черном.

Груды золота сверкали у подножья крылатой черной статуи.

- О, великий бог тьмы! – шептали люди, склоняясь перед величественным монументом.

Внезапно в темном ореоле появился знакомый силуэт, раскрывая огромные черные крылья. Люди упали на колени, словно подкошенные, воздевая руки вверх.

-Богиня света мертва! – послышался знакомый голос. –Завтра, ровно в полночь я жду в своем дворце тех девушек, которые готовы стать новой богиней света.

Несколько голов поднялось, глядя во все глаза на тьму. Зеркало показало девушку в нищенской одежде, которая смотрела на темного бога с затаенной надеждой.

- Подумайте перед тем, как предлагать себя тьме, - в голосе прозвучала высокомерная насмешка.

Осколок внезапно погас, а я нащупала ткань, прикрывающую статую, потянула ее на себя и завернулась, как в одеяло. Мои зябкие ноги юркнули под покров. Я сидела, прислонившись к своей колонне и думая о том, что в чем-то Темный Бог был прав. Второго шанса у меня не будет... Что делать дальше, я пока не решила...

Страх сменился усталостью, а я прикорнула, привалившись головой к колонне. Мне снилась тьма, которая неумолимо наползала, снились глаза в темноте, снилось, как она вот-вот коснется меня, а я пыталась отползти от нее подальше, судорожно поджимая под себя ноги. Я чувствовала во сне, как меня обнимают, а тихий шепот на ухо, заставляет сердце дрожать.

- Ты подарила жизнь мне. Я подарил жизнь тебе.

От звука его голоса я вздрогнула, дернулась, запаниковала, отбиваясь от невидимого противника.

- Это сон, - прошептала я, успокаивая себя в холодном и мрачном храме. – Просто сон...

Я встала, а у подножья моей статуи лежала одинокая черная роза...

Роза приковывала мой взгляд, а я даже побоялась брать ее в руки, брезгливо представляя яд шипов, какую-нибудь незнакомую магию или на худой конец проклятие! Мне казалось, что в храме нет ничего, кроме этой треклятой розы, которая лежала черным зловещим пятном на белых ступенях.

- Если хочешь остаться богиней, то тебе нужно попасть на отбор! – послышался тихий голос зеркала, навевая на меня тоску и уныние. – Он будет искать тебя, чтобы забрать осколок... Как только осколок окажется в руках Темного Бога, он убьет тебя!

Это были все оптимистичные новости к этому часу. А теперь переходим к новостям спорта. Придется поставить мировой рекорд по бегу на длинные и опасные дистанции. Мысль о том, что теперь всю оставшуюся жизнь придется провести в бегах, заставила зябко закутаться в одеяло, ценя каждое мгновение хоть какого-то уюта.

- Тебе нельзя здесь оставаться, - паниковал осколок. – Ты никогда не знаешь, что ему взбредет в голову. Помни, он везде!

- Пусть сидит в своем гнезде! – недовольно буркнула я, накидывая одеяло на голову. – И яйца высиживает! Тоже мне дятел!

- Думай, богиня! Думай! – послышался голос зеркала, пока я отгоняла ногой мысль о том, что придется обосноваться в дремучем лесу. – От этого зависит твоя жизнь! Ты должна попасть на этот отбор!

Отбор? Какой отбор? Я тут уже мысленно дошиваю себе трусы из шкуры неубитого медведя! И лифчик из волчьей шкуры! Спустя лет десять меня найдут либо одичавшую, умеющей попадать топором белке в глаз, метая его с одной части леса в другую, или обглоданную при попытке обзавестись модным гардеробом из шустрой и хищной пушнины. «Соблазнят любого молодца зимние стринги из песка!», - согласилась гордость.

Чтобы с милым не было рая в шалаше, я буду спать с топором в обнимку, а мою личную жизнь можно будет отследить по горячим и липким следам.

- Ты меня слушаешь! – возмущалось зеркало голосом «Все пропало!». – Тебе нужно попасть на этот отбор! Только так ты сможешь спасти мир и свою жизнь! На отборе тебя точно не будут искать! Он даже не подумает, что у тебя хватило наглости заявиться на отбор!

«Мы овощи отборные, веселые, задорные!», - слышался детский голосок сквозь туман воспоминаний. «Я игривая морковка! Мужиков сражаю ловко! Я - красotka – помидорка! Я люблю жесткач и порку! Я – унылая картошка! Соблазнительна. Немножко. Я – развратный патиссон! Эротический твой сон! Я прекрасная редиска! У меня намочла киска!», - воображаемые девицы стояли в ряд, выпячивая самооценки, а одна из них потрясала мокрым котом перед носом главного «агронома». «Я противный огурец. Покажу тебе конец!», - шмыгнула я носом, опасливо поглядывая на розу и на сверкнувший магией осколок.

- Нет, а ты думаешь, меня не узнают? – расстроено фыркнула я, понимая, что дело – дрянь. – Или ты уверено, что меня в лицо-то как раз не запомнили! Все запомнили, кроме лица! А на конкурсе в купальниках, мужик приглядывается и так глубокомысленно заявляет: «Хм... Кажется, мы с тобой знакомы! Где-то я их видел раньше!». Ты так себе это представляешь?

Зеркало спорило, что-то мне доказывало, а я в уме прикидывала, сколько медведей мне понадобится на трусы – недельку. И где взять топор, который будет исполнять обязанности мужика. А что? Топор построит дом, срубит баблом куда лучше, чем среднестатистический мужик. Про воспитательные меры я вообще промолчу.

- Свет мой зеркальце, скажи! Да всю правду доложи! Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее! – подняла брови я, пытаюсь уговорить зеркальную истерику. Успокоилось, кажется. Сейчас узнаю свежие подробности жизни незнакомого мне Яля, но перед этим удастся подумать в тишине. Нужно взвесить все «за» и «против». Я посмотрела на «за», которое сдувало ветром. А потом бросила взгляд на «против», вспоминая, что я же девочки и мне нельзя поднимать такие тяжести!

Таинственный Яль куда-то спешил, раза три споткнувшись в темноте о тумбочку. И вот «Яль» громко и с подвываниями высказывал вслух то, что хотела высказать я, но постеснялась.

- Можно изменить внешность! – слышался голос зеркала, а я наострила уши. – Сделать так, что он тебя не узнает! И тогда ты под видом обычной девушки попадешь на отбор! Если ты победишь, то получишь сразу и Темного Бога и свое зеркало, вставишь в него осколок...

- Вставлю осколок сначала в одного, а потом в другое? – прищурилась я. Идея со сменой внешности мне понравилась. Посмотрим, что еще предложит мне зеркало. – Допустим!

- Тебе нужно будет вернуться в храм, взять медальон, который меняет внешность... Он спрятан в храме, - обрадовалось зеркало, пока я смотрела на него очень нехорошим взглядом. - Богиня, ты так странно смотришь на меня... И губами шевелишь... Куда мне идти? Куда ты меня послала? Хм... Сейчас посмотрю, есть ли такая местность!

- Есть, - мрачно отозвалась я, пока надежда во мне писала завещание мелким убористым почерком. – Точно есть.

- Другого выхода нет, богиня! Нужно дождаться, пока его не будет в храме, проникнуть туда и открыть потайную дверь... - вещало зеркало. – Нужно просто выждать удобный момент!

- Чтобы не попасть в очень неудобное положение, - со вздохом отозвалась я, вспоминая мастера по «неудобным и неловким положениям» тела в пространстве.

- Бог Тьмы часто бывает в мире людей, - произнесло зеркало, а я понимала, что планы на вечер мне обеспечены. Меня пытались обнадежить, а я уныло прикинула вероятность встречи. Урок математики угрожал перерасти в урок биологии, где мне доступным

языком по телу объяснять в чем, где и как я была не права. Того и глядишь после начнется урок труда, на котором будет наглядно продемонстрировано, как правильно заколачивать гвозди на моем гробике. Бррр!

- Я скажу, когда его не будет дома! – обнадеживало зеркало, толкая меня в случае успеха на обычные, а в случае неудачи на эротические подвиги.

Пока я думала о том, что медальон с возможностью изменения внешности вещь крайне полезная. Как вы думаете, ему хозяйство в хозяйстве пригодиться?

Я выдохнула, пытаюсь собраться с духом, чтобы согласиться на авантюру. Время шло, я сидела, зябко кутаясь в одеяло и понимая, что неплохо было бы заранее узнать, где здесь выдают группы инвалидности. Перед глазами мелькали бессвязные картинки, видимо, из прошлой жизни. Передо мной стояла чернявая женщина в кожаной куртке и в цветной юбке, трясая золотым запасом на груди. «Замуж выйдешь ... Мужа Павлом будут звать! Ой, бедная девка, бедная!», - водила она острым когтем по моей руке, пока девушки рядом хихикали.

- Он улетел! – послышался голос зеркала, когда я клюнула носом.

- Но обещал вернуться! – сонно сглотнула я, а зеркало показывало мне сверкающие груды золота. Мысли о том, что можно было бы взыскать моральный ущерб, обеспечив себе безбедное будущее, заставила проснуться.

- Давай! Он может вернуться в любой момент! – нервничало зеркало, а я решительно выдохнула, видя золотые горы. Осколок засветился, ослепляя привыкшие к полумраку глаза. Меня дернуло, но через мгновение я стояла в пустой сокровищнице. Манящий блеск золота очаровывал до такой степени, что я нервно облизала губы.

- Раз пошли на дело, - выдохнула, а зеркало показывало мне мою бывшую кровать, скользя под матрас. Я бросилась по узкому ущелью между золотом, добежала до двери, чувствуя, как сердце лихорадочно бьется.

- Гнездо разврата! – усмехнулась я, видя, во что превратили мою скромную кровать с белым балдахинном. – Главное, чтобы дятел не вернулся!

Моя рука шарилась под тяжелым матрасом, а я залезла уже по самое плечо, пытаюсь нащупать хоть что-то. Высунув язык от усердия, я пыталась найти медальон. Так! Что это? Пальцы прикоснулись к чему-то металлическому, а я схватила цепочку и потянула ее, вытаскивая тонюсенькую с волосок цепочку с маленьким камушком. Я-то думала там бляха с мухой! А тут... На всякий случай я проверила под матрасом еще раз, видя алые подушки, ком одеяла и черные перья, разбросанные вокруг кровати.

- Однажды я набью из него подушечку. Мягонькую, - вздохнула я, представляя, как нежусь на подушке из перьев врага.

Я спешно вышла в коридор, поражаясь количеству золота. Сблaзн набить карманы был велик, а я пыталась пересилить себя. Моя дрожащая рука уже тянулась к драгоценному камню, размером с куриное яйцо, как вдруг зеркало прошептало: «Прячься! Он уже здесь!».

- Могло бы и перенести меня, - прошептала я, сжимая в руке осколок.

- Я не думало, что он так быстро вернется, - всхлипнуло зеркало, а внутри все похолодело.

Бегая глазами я не нашла ничего лучше, как зарыться в груды золота и драгоценностей, присыпая себя с королевской щедростью. В мою попу упиралась острая корона. Что-то мне подсказывало, что ее я унесу с собой даже если не захочу.

- Мой маленький светлячок, - послышался голос и шорох крыльев. – Я чувствую твое присутствие... У нас с тобой есть маленькое незаконченное дело... А после этого я прикончу тебя...

Если там совсем маленькое дело, то лучше его даже не начинать! Я слышала, его гулкие шаги, тихо всхлипывая и проклиная острое бремя царской власти, которую нашла на

свою попу!

- И где же ты спряталась? – нагло произнес он, совсем рядом. – Выходи. Я знаю игру намного интересней, чем прятки. Я привык стоять на своем...

Теперь я знаю, почему он такой злой. Стоять на своем не так уж и приятно.

- Я ведь все равно найду тебя, - голос был настолько дружелюбным, что моя коронованная попа нервно сжалась, намереваясь в случае чего унести корону с собой в могилу! – А когда найду, то ты познакомишься с большими неприятностями.

У него их что? Несколько? Я лежала, боясь вздохнуть, чтобы золото не осыпалось.

- Как ты думаешь, светлячок, сколько тебе жить осталось? – прозвучало совсем близко, пока я осторожно выдыхала. – Ну, не стесняйся. Второй раз я не буду столь щедрым на подарки в виде еще одного дня жизни...

Я чувствовала, как тело занемело, а по груди от дыхания поползла монетка. На щеке отпечаталось какое-то ожерелье, а пальцы руки вплетались в бусы.

- Придется связать тебе руки. Интересно, как ты смотришься со связанными руками? - в голосе послышалась улыбка, от которой живот прилип к позвоночнику. Шаги тревожно раздавались в гулкой сокровищнице. Он был так близко, что я разучилась дышать. Мне сразу захотелось сделать очень важные и уместные вещи: чихнуть, почесать ногу, заурчать животом, спустить воздух через задний клапан и зевнуть. Мой организм угрожал, что если я не сделаю все из вышеперечисленного, как можно быстрее, то в следующий раз он обеспечит мне затяжную диарею во время длительного путешествия, бессонницу перед экзаменом, месячные в разгар свидания и много-много разных и необъяснимых совпадений.

Я боролась с собой. В носу свербело безудержно, нога чесалась так, словно об нее терлась целая стая лишайных котов, живот собирался заурчать так, словно в последний раз видел еду только на картинке и уже готов был разразиться одиночным залпом о капитуляции, но я боролась. Осталось только грянуть громом и мчаться молнией куда глаза глядят!

- Ничего не пропало. Значит, ее здесь не было, - послышался задумчивый голос. – Итак, свежие пожертвования!

Пальцы щелкнулись, а прямо на меня стали со звоном подавать монеты.

- Так, где-то был золотой гарнитур, - усмехнулся Бог Тьмы. – Шкаф, тумбочка и кровать. Ах, люди-люди... Что только не придумают.

А потом мой трупик найдут по запаху! Будет проходить мимо этого места и принюхиваться с подозрениями.

Судя по грохоту шкаф и тумбочка упали на три метра дальше меня, а я беззвучно сглотнула. Крылья прошуршали, а я все еще лежала, боясь пошевелиться. Мало ли? Время текло мучительно медленно. Я убеждала себя, что нужно еще немного подождать. Вдруг он в туалет захотел? Вдруг ему срочно приспичит вернуться?

Секунды, которые я считала, сливались в минуты, а я пошевелила пальцами, нервно вслушиваясь в едва слышный звон. Тишина. Я пошевелила пальцами чуть сильнее. Монетка слетела с горы, со звоном падая на пол и катясь по нему с гулким дребезжанием. И снова тишина. Все, можно, вылезать.

- Фух! – выдохнула я, разгребая золото на груди и садясь прямо на корону. – Ыыы!

Сердце так стучало. Я ничего не слышала, кроме его оглушительного боя. Стряхивая с подола импровизированной юбки монеты, пиная ногой злополучную корону, я тряхнула головой, высыпая из волос ожерелье и кольцо. Осколок на месте, амулет тоже!

- Все, возвращай меня обратно, - шепотом взмолилась я, дрожа от напряжения и нетерпения. Осколок в дрожащей руке прыгал так, что я боялась его уронить. Зеркало засветилось, вызывая чувство невероятного облегчения, я выдохнула, мысленно

переносясь в заброшенный храм...

Что хотело сказать мне зеркало, я так и не услышала. Мне на глаза легла черная рука.

- Угадай, кто, - рассмеялись шепотом не в ухо. Предположений было так много, что удивляюсь, как бог тьмы не побегал за блокнотом!

- Козел, с-с-скотина, т-т-т-тварь! – предполагала я, понимая, что угадала.

- Вот такой я дерзкий и мерзкий! – со смехом ответили мне, а я попыталась ударить его осколком, но не смогла разъединить рук. Они были связаны. По моей щеке скользило дыхание, чтобы через мгновение меня лизнули, как леденец, а когти погрузились в мою талию.

- У нас с тобой есть незаконченное дело. Тебе понравится. Сначала я буду очень нежен, зато потом будет очень больно. Но, правда, недолго, - страстным шепотом пояснили мне, а я стиснула зубы, понимая, что его незаконченное дело будет свершаться с моим бесчувственным телом. – Осколок сюда! Он пригодится новой богине света.

У меня из рук пытались вырвать осколок, но я вывернулась, изо всех сил ударяя его локтем в живот. Нравится боль? Я всегда готова ее причинить! Тьма перед глазами сменилась мутными пятнами магического света, а я дернулась в сторону золотого бархана, взбираясь на него со связанными руками. Я изо всех сжимала осколок и медальончик на тонкой цепочке. Нога поскользнулась и поехала вниз, а я убыстрялась, понимая, что оставшуюся часть пути проехала на попе.

- Ааааа! – заорала я, понимая, что меня нашел еще один принц со своей короной. – Ыыыы!

Вскочив на ноги, я трясла осколок, обещая ему все на свете, умоляя ответить мне.

- Не-не-не тря-тря-си-си! – икало зеркало, а я оглядывалась, прячась за золотой горой. Шорох крыльев в полумраке заставлял меня трясти зеркало еще усердней.

- Дай мне сосредоточиться! Стой на месте! – выкрикнуло перепуганное зеркало.

- Ага! – задохнулась я при виде огромного силуэта парящего надо мной. На бледном красивом лице была такая улыбка, что где-то запахло пряником со вкусом кнута. Огромные крылья с такой силой ударили о воздух, что монеты рассыпались в разные стороны.

- Как на счет золотого дождя? – усмехнулся Бог Тьмы, глядя на меня, как на рояль в кустах на котором не терпится отыгаться. Осталось найти кусты, чтобы спрятаться!

- Спасибо, не надо. Туалет, если что, там! – возмутилась я, быстро перетирая веревку о торчащее из кучи лезвие меча. Я мчалась по золоту, чувствуя, как отлетающие монеты больно ударяются о тело. Драгоценные камни разлетались пылью, от взмаха его крыльев, а мои ноги то и дело соскальзывали, проваливались в пустоты, пока я не споткнулась и кубарем не слетела вниз.

- Да что бы на корону сел не глядя! – выругалась я, вставая с очередной короны и понимая, что у меня даже неприятности роскошные, королевские! – Зеркальце! Давай! Я же не прыщик выдавливаю! Прошу тебя!

На меня посыпались монеты, а я прикрылась руками, чувствуя, как они барабанят по спине.

- Еб... еб... – икало зеркало в руках, пока я спряталась за еще одной горой, чувствуя, что зеркало немного умеет видеть очевидное будущее. – Ну наконец-то! Он тебя...

- Мне хочется, чтобы ты меня запомнила на всю оставшуюся жизнь, - послышался холодный голос, а я решила бежать и не оглядываться. Рожденный ползать кусает больно!

- Я тебя в блокнотик запишу! – выкрикнула я, отчаянно тряся зеркало. – «Главгад» тебя устроит?

Зеркало светилось и икало: «Он тебя... тра-тра-тра...».

То, что меня хотят «тра-тра-тра», я уже поняла.

- Он тебя травит. Отвлеки его, иначе придется со-со-со, - послышался обрывок фразы, а мне срочно пришлось сделать марш-бросок. С криком «Марш отсюда», в Бога Тьмы полетел увесистый кубок. Метать я умела только перлы, бисер и баклажанную икру по столу, поэтому кубок пролетел мимо, звякнув позади противника.

Поскольку «со-со» в мои планы не входило, я яростно схватила в руки корону, прицельно швыряя ее в Бога Тьмы. Не знаю, я была бы рада, если бы в меня кто-нибудь бросил короной и королевством, но он почему-то разозлился, резко отбив ее рукой.

Я попыталась выдернуть меч из какой-то кучи, прельстившись сверкающей драгоценностями рукоятью. Меч застрял, но я рванула его одной рукой, сваливая весь золотой мусор. Черная тень спикировала на меня, а я попыталась ударить наугад в надежде, что попаду.

- Значит так, да? - слышался яростный голос, а перед глазами промелькнуло искаженное яростью лицо с растрепанными волосами. - Хорошо. Нежным с тобой я уже не буду!

Я попыталась снова ударить мечом, но Темный Бог держал его за лезвие рукой. Ого!

- Отпусти, порежешься, - с усмешкой произнес он, вырывая у меня оружие. Меч со звоном отлетел, а я сделала шаг назад, видя, как Бог Тьмы сложил огромные крылья, надвигаясь на меня.

- Осколок! - приказал он, глядя на меня так, что шутки сами отползли в сторону и спрятались до лучших времен. Он рванул стекляшку из моих рук, а он выскользнул из моих пальцев, подарив мне прощальный отблеск.

- Ты проиграла, - выдохнул Бог Тьмы, сдувая волосы с лица. - И теперь уже окончательно, богиня. У тебя выхода нет. Зато есть вход.

- Пожалуйста, - жалобно простонала я, когда меня сгребли в охапку. - Не надо...

Черная рука спуталась в моих растрепанных волосах, испуганно глядя на меня по голове.

- Вот ты и попала, - яростно и страстно прошептал Темный Бог, а я не знала, что от него ожидать. Сердце застыло, но я терпеливо ждала, глядя на осколки какого-то зеркала, валяющиеся в трех метрах от меня. Интересно, когда он поймет. Он научил меня одной простой истине. Стой на своем. На своем осколке.

- Не убивай меня, - трепетно прошептала я, сложив ручки у него на груди и понимая, что при других обстоятельствах бежала бы к нему с трусами в одной руке и матрасом в другой.

- Я обладаю всем миром, - меня сжали так, словно добычу. - Обладаю каждым сердцем. Могу обладать каждой женщиной. Провести ночь с темным богом, с богом порока, который выполнит все их желания, разве не об этом мечтает каждая? Они прятали свою страсть в темных уголках души... И я знаю все их секреты и тайны... Их темные и сладкие мечты, которые они скрывали под масками добродетели и любви... Ты никогда не знаешь, бывшая богиня света, о чем мечтает женщина, которая идет под ручку с любимым... А она мечтает о том, чтобы он однажды был груб и жесток, чтобы терзал ее и мучил, наслаждался ею, как самой сладкой победой. Но он нежно гладит ее руку и сухо целует в щеку, а она улыбается ему фальшивой улыбкой, в тайне желая страстного и сочного поцелуя на раскаленных простынях... Я знаю, куда скользит ее рука в тот момент, когда она закрывает глаза и отдается мечтам... **Я способен выполнить самое сладкое, самое страшное, самое сокровенное желание, в котором ты боишься себе признаться...**

Я считала секунды, полагаясь всецело на зеркало. Хотя бы он не увидел свет под моей ногой.

- Попробуем? - послышался смех, а по моей спине ощутимо прошлись когти. - Нежность или грубость? Дай-ка я угадаю... Ты сама мне все расскажешь....

В этот момент я почувствовала, как у меня перехватило дыхание, а губы Бога Тьмы прикоснулись к моим с такой нежностью, от которой сердце застыло, боясь даже дернуться.

- Только помни, цена желания - жизнь, - прошептал он, тут же яростно впиваясь в мои губы, до дрожи заставляя цепляться в его роскошную одежду. Черные крылья с шорохом раскрылись, а он обернул меня ими, прикрыл от всего мира, целуя то нежно, словно лепестки роз касаются губ, то грубо, словно красивый черный кожаный сапог топчет нежное соцветие.

- Интересно, - едва слышно, но сладко-сладко шепнул Бог Тьмы. - Как же бьется твое маленькое сердечко в моих когтях... Сдаешься на милость победителя? Без осколка ты больше не богиня, но все можно исправить...

- А милость точно будет? - задыхаясь прошептала я, вживаясь в роль несчастной жертвы. Поторопить зеркало я никак не могла, поэтому приходилось играть на публику.

- Если... ты... отдашься тьме..., - шептал Темный Бог, нежно целуя шею и больно впиваясь когтями в спину. - То я отменю отбор... Ты будешь принадлежать только мне... И больше никому и никогда... Я жадный... Помни об этом... Будь моей... Я никогда еще не встречал ту, которая так яростно сопротивляется... Но чем больше сопротивление, тем слаще победа. Стань моей самой сладкой победой, и я верну тебе зеркало...

Я вдыхала запах его волос, смотрела на красивое лицо, на тень улыбки и чувствовала, как сердце сладко екнуло. Даже если мне навсегда отшибло память, и я не помню даже своего имени, то никто и никогда не говорил мне таких слов. Я бы запомнила... Точно запомнила бы...

- Каково чувствовать себя самой желанной женщиной в мире? - его шепот коснулся моих волос. - Той, которую будут любить на роскошных простынях... Той, перед красотой которой померкнет даже мир... Той, которая принадлежит одному, а не всем сразу... Тебе будет плевать на то, что о тебе думают... А те, кто посмеют спросить, почему на нежном теле остались следы когтей, падут мертвыми к твоим ногам... Только я имею право терзать тебя... Только я имею право делать с тобой все, что захочу... Ты согласна на мою милость? Если да, то поцелуй меня...

Сердце стучало, а я задыхалась его словами, глядя на свои дрожащие пальцы. Я забыла все на свете, понимая, что он предлагает... Сладкая нега застилала глаза в тот момент, когда я понимала, что можно уже не сражаться... Можно просто прикоснуться к его губам... И все будет хорошо...

- Это твой выбор, светлячок, - на его губах появилась улыбка. - И я даю тебе его... Как тебе такая милость?

Я все не решалась, боясь, что снова будет клетка...

- А как же клетка? - спросила я, облизывая свои губы. Судорожно и нервно. Растрепанные волосы щекотали плечи.

- Только если ты этого сама захочешь. Нам все можно... Я разрешаю... Это мое последнее предложение. Больше милости не будет. Ты станешь моим врагом. Кровым. И тогда только смерть, - послышался вкрадчивый голос, а я закрыла глаза, набираясь решимости. Не будет никаких восстаний... Ни одна моя статуя больше не будет разбита... «Осторожней!», - шептал внутренний голос, а я растерялась, забыв обо всем на свете.

- Выбирай. Любовь или ненависть навсегда. Мир или война. Поцелуй решает все, - выдохнули мне, когда я встала на цыпочки, с замиранием сердца потянулась к его губам. Когти сжали меня так, что я не успела выдохнуть, как вдруг...

Я почувствовала, что меня швырнула на пол, а сердце бешено забилося. Меня прокатило по каменную полу заброшенного храма. На полу лежал светящийся осколок, сверкая волшебным светом.

- Ура! Я смогло! Нет, было тяжело, но я справилось! Я перенесло тебя! А я думало, что два раза подряд не получится! Думало, что сил не хватит! Правда, видно и слышно

ничего не было, но надеюсь, что вовремя! – послышался довольный голос зеркала.

Глава седьмая. Естественный отбор

Легкие беззвучно выпускали воздух, а я мысленно решала очень важный вопрос: «розовый или фиолетовый?». Этот важный вопрос занимал меня куда больше самолюбования зеркала. Розовый? Или Фиолетовый? Может, сиреневый? В сиреновом гробу я буду смотреться нежно.

- Правда, я молодец? – послышался голос зеркала, а я перевела на него взгляд. Пальцы сплетались с цепочкой, в которую я вцепилась, как в последний шанс. Застегнув ее на шее и поправив камушек, я схватила осколок, глядя на свое отражение.

- Ну! – потребовала я, видя один свой глаз, потом второй.- Где изменения? Что нужно делать?

- Подумай, какая внешность тебя устроит! При помощи медальона я смогу меня твою внешность! – пояснил осколок, а мне на ум пришел двухметровый мужик с топором, свирепо осматривающий свои владения. «Пронесло!», - трясется в кустах голодный медведь, когда шаги затихают в чаще. «Х-х-хорошо, что я с-с-срулетом!», - шепчет мишка, прячась в густой листве. «Кто сказал «рулет»!», - свирепо оглянулся мужик. Желудок заурчал, требуя вливания.

Зеркало в руках засветилось, показывая мне роскошный дворец, от которого даже у меня перехватило дыхание. На троне, положив ноги на ручку, разлегся Темный Бог, вокруг которого собрались коленапоклоненные жрецы в черных робах.

- Вы чем-то расстроены? – учтиво спросил жрец, тут же падая ниц. Взгляд желтых глаз скользнул поверх склоненных голов.

- Нет, - холодно произнес Бог Тьмы, а я по глазам видела, что «да»! – Так даже проще. Я с удовольствием убью ее. Но перед смертью, она еще помучается.

Длинные когти нагнули стружку с деревянной ручки трона. Жрецы ничего уточнять не стали, а один из них поднял голову.

- Слишком много желающих стать богиней, о мой бог, - произнес тихий покорный голос. – Они стекаются со всей страны... Их тысячи... Вы велели выбрать самых лучших, но мы не можем сделать выбор.

- Я буду убивать ее долго и мучительно, - усмехнулся Бог Тьмы, словно не слыша их. – Надо же. Обманула. Меня. Бога Тьмы. И кто? Светлячок. Я ведь действительно думал, что она согласна.

Его взгляд тут же стал таким ожесточенным, что я мысленно измерила расстояние между нами и успокоилась.

- Я дотянусь до нее, - снова негромко произнес Бог Тьмы, пока жрецы покорно ждали его внимания.

У тебя руки короткие! А если не руками, то я разобью это зеркало!

- Так, что тут у вас? – презрительно произнесло Черное Божество, сверкая драгоценными камнями. – Слишком много красавиц желают стать богинями?

Бог Тьмы поднял красивые желтые глаза, по его губам растеклась отвратительная улыбка. Он встал, взмахнул крыльями, отрываясь от пола. Мощный удар огромных черных крыльев сорвал капюшоны со жрецов, застывших в поклонах.

Он опустился на землю плавно, глядя на собравших девушек, чьи стройные ряды все еще пополнялись. Самодовольная улыбка заставила меня предположить, что сейчас будет что-то из ряда вон.

- Я хочу, чтобы все девушки, которых претендуют на титул моей богини, - на губах Темного Бога появилась улыбка, от которой оптимизм издал предсмертных хрип и скончался в конвульсиях. – Въехали в столицу обнаженными... Я хочу видеть соблазнительные изгибы ваших тел... Хочу видеть красоту, спрятанную под одеждой...

Девушки застыли в ужасе, переглядываясь и недоумевая.

- Неужели ты, - прошептал Темный Бог, беря за подбородок девушку со сверкающими каштановыми локонами, раздетую, как кукла. - Боишься снять с себя эти оковы...

Его когтистая рука скользнула по ее корсету, а девушка застыла статуей, не зная, радоваться или плакать.

- Скинуть их, - шептал Темный Бог, а его улыбка становилась все страшнее и страшнее. - И обнажить себя... Настоящую... Ты же всегда мечтала, чтобы твоим телом восхищались...

Он зашел сзади, отогнул ее локон и прошептал, прикрывая глаза.

- Я знаю, о чем ты мечтала... Неужели не хватит смелости осуществить мечту? Ты ведь хотела, чтобы тебя желали все мужчины... - шептал он, едва ли не касаясь розового ушка со сверкающей сережкой.

Он резко отпрянул, подходя к еще одной девушке. Темноволосая брюнетка в венчике из роз смотрела на него во все глаза, прижимая руки к груди.

- Твои родители привели тебя сюда, - рассмеялся Бог Тьмы, беря ее за подбородок. - Не так ли? Они хотели, чтобы ты стала богиней... Готова ли ты скинуть свою одежду и проехать через весь город, прикрывая красоту волосами?

Девушка обомлела, ее губы шевелились, но слов было не разобрать.

- Сегодня будет сильный ветер, - улыбнулся Бог Тьмы, поддевая когтем ее подбородок. - Как на счет того, чтобы все видели твоё обнаженное тело? Или тебе есть, что прятать под грудой тряпья?

Он резко отпустил ее, а девушка покачнулась.

- Я что? Сказал, что хочу жить с вашими тряпками? Я что? Сказал, что мне нужно красивое платье, которое я поставлю в угол дворца? - улыбался он, глядя на бледных кандидаток. - Если бы я хотел полюбоваться на платья, то попросил бы их прислать отдельно. Но вот беда. В платье можно воткнуть любую голову. Мужчина не почувствует разницы между раздетой герцогиней и раздетой служанкой.

Бог Тьмы подошел к блондинке с пышным бюстом, надменно смерил взглядом роскошный наряд, инкрустированный драгоценностями, а потом дерзко скovyрнул крупный бриллиант когтем. Драгоценный камень оторвался и упал на черные плиты.

- Платье может заинтриговать смертного, - улыбнулся он, а я видела, как трясется бюст, затянутый корсетом. - Но не бога. Попробуй сохранить свое достоинство и свою загадку, содрав с себя эти дешевые тряпки.

Еще одна драгоценная бусина упала на пол, а девушки в ужасе молчали. Я мысленно измеряла расстояние до столицы в органах, которые положила на этот отбор. Ноги моей там не будет!

- Мое условие вы слышали, - вздохнул Бог Тьмы, поднимаясь в воздух мощным ударом крыльев. - Награда за смелость не заставит себя ждать.

- Тебе нужно попасть на этот отбор! - взмолилось зеркало. - Только так ты сможешь вернуть себе власть, богиня!

- Спасибо, воздержусь. Вот пусть ждет, когда я обрасту, что смогу зимой на снегу спать, может, тогда, - покачала головой я, глядя как некоторые красавицы стыдливо снимают с себя платья, прикрывая грудь и прелести руками.

Желудок урчал так, что при встрече с диким медведем есть вероятность найти с ним общий язык. Я сидела, перебирая разбитые черепки, в поисках чего-то съедобного, шарила руками по уцелевшим вазам, но кроме медного кольца и трех монет не нашла ничего стоящего.

- Перенеси меня в ближайший город, - потребовала я у зеркала.

- А как же внешность? - спросило зеркало, пока я рассматривала три монетки разного номинала. На аверсе были цифры, а на реверсе изображена красивая женщина в белом, держащая в руках солнце.

- Пока рано, - отмахнулась я. Интересно, а это большая сумма или маленькая? Может, тут даже на кусок хлеба не хватит. А может быть удастся купить целый дворец. - Он все равно занят своим отбором, так что бояться нечего.

Меня дернуло, я сжала монетки в кулаке, и тут же оказалась на черных плитах, где стояли красавицы, снимая с себя одежду.

- Что?!! - возмутилась я, глядя на свой осколок. - Ты с ума сошло? Зачем ты меня сюда притащило?

- Это - ближайший город. Как ты и просила, - обиделось зеркало.

- Следующая! - произнес черный стражник, тыкая пальцем на меня. - Ты будешь раздеваться?

- Эм, - растерялась я, бегая глазами. - Я передумала. Не подскажете, где выход?

- Какой выход? - усмехнулся стражник, глядя на мое покрывало, накинутое поверх платья. - Бог Тьмы сказал, что все девушки, которые переступят эту черту, а ты ее уже переступила, участвуют в отборе. И если ты передумала, то мы вправе убить тебя за неподчинение! Слово Бога Тьмы для нас закон!

Что?!! Убить?!! Так! Нужно что-то делать, а я пропустила вперед себя еще одну красавицу, которая скидывала платье, стыдливо прижимая руки к груди и отворачиваясь от взглядов стражи. Один взмах сверкающей заколки в тонкой руке, а на плечи девице рассыпались длинные волосы, прикрывая даже колени. Я прикинула, что мои волосы прикроют только горящие от стыда уши и немного плечи, занервничала, лихорадочно соображая, как выкручиваться из ситуации.

- Зеркало, - взмолилась я, поглядывая на стражу. - Перенеси меня обратно! Я тебя по-человечески прошу! Давай! Немедленно! Заметь, я не трясу тебя. Даю тебе возможность сконцентрироваться...

Шальная мысль подбросить осколок Темному Богу в качестве подарка под дверь, возможно даже туалета, немного согрела мое безутешное сердце.

- Эй!!! - яростно сопела я, глядя на свое отражение. - Если не можешь перенести, то сделай же что-нибудь! Ну хотя бы... эм...

Еще одна девица прошуршала платьем, расплела косу, укрываясь густыми волнистыми волосами.

Я вспомнила свои тоненькие светлые волосинки, сквозь которые видны не только загадка, подсказка и отгадка, еще и изюминка с курагой.

- Давай, ты обещало поменять мне внешность, - цедила я, глядя, как кандидатки заканчиваются, и писец в обнимку с очередью подбираются ко мне. - Уж на это у тебя сил хватит? Я надеюсь! Сделай так, что у меня были густые волосы! Чтобы все прикрывали! Везде! Густые!!! Очень густые!!! Чтобы ничего видно не было!!! Вообще!!! И чтобы меня никто не узнал!

Я закрыла глаза, представляя себя роскошной брюнеткой с длинной шевелюрой, в которую закутаюсь полностью. Даже сквозь прикрытые веки, я видела яркое сияние. Свет погас, я опасливо открыла глаза. И первое, что увидела, так это волосатую руку. Настолько волосатую, что на меня впору открывать сезон охоты! Я содрала капюшон и ужаснулась. Все лицо было покрыто шерстью, которую приходилось сдвигать. «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз... Трутся спиной йети о земную ось!», - обалдела я, видя, как дрожит моя рука.

- Давай! Раздевайся! - похотливо произнес стражник.

- Лучше не надо, - икнула я, не поворачиваясь к нему лицом.

- Чего ломаешься! Приказ есть приказ! - меня дернули за накидку. Ладно, надеюсь, у них есть запасные штаны.

Я повернулась, а голодный желудок зарычал так, что правый стражник схватился за левого.

- Я просто с очень глубокого севера, - пожала лохматыми плечами я, мысленно хныча и проклиная тот день, когда связалась с этим проклятым зеркалом. - Как говорят у нас, на очень глубоком севере, не подарил мужик шубу, отрасли ее сама! У нас, на глубоком севере, другие не выживают. Естественный отбор пережила, переживу и неестественный...

На меня смотрели взглядом: «Ты из дикого леса, дикая тварь?», видимо, интересуясь, не собираюсь ли я вернуться в родные широты, но я уже неумолимо требовала коня и мужское внимание!

- Никто не хочет почесать лохматку? - поинтересовалась я, пока мне опасно подавали коня. Конь смотрел на меня квадратными глазами, пятясь и пыхтя. - Жаль, а то блохи заели... У нас, на глубоком севере, есть традиция, обменивать блохами с теми, кто нравится. Вы мне нравитесь, ребята!

Я думала, как лучше взобраться на коня, стражники искренне надеялись, что я сломают шею!

- Нет, ну а почему других красавиц подсаживали, а я тут сама корячусь? - удивилась я, обиженно требуя подсаживателя. Один толкнул второго под локоть, а он сделал неуверенный шаг ко мне. Я вошла в раж. Нет, если это временно, то прикольно. Почему бы и не развлечься? Кто мне запрещает? Бог Тьмы меня однозначно не узнает, изнасилований не будет. По крайней мере, если я не отловлю себе мужичка и воспользуюсь его глубоким обмороком.

Я закусила губу, сдувая шерсть. Потрепал мне нервы? Ничего, я на твоих нервах мурку сыграю с выходом!

Меня затолкали на коня, а он тронулся, выпуская меня на улицу. На улице было темно, а вся улица была освещена магическими огнями. Вся дорога была устлана цветами, а я триумфально и загадочно ехала вслед за обнаженной красавицей, стыдливо прикрывающей грудь и седло руками. Народ улюлюкал, посылал воздушные поцелуи, выкрикивал непристойности. В целом, устраивал себе бескультурный досуг.

Лепестки летели с балконов домов, с крыш, из толпы, а я сдула челку и шерсть на носу. При виде меня распаленная местным журналом «Плебей» застыла, переглядываясь. Крики стихали, а я помахала пушистой рукой, даря трепетный привет каждому. Журнал тут же решили переиздать в новом формате «Плюй, бей!». Если при виде красавиц у мужской части населения империи в штанах потеплело, то при виде меня не просто потеплело, но и слегка намокло!

- Меня специально пригласили! Ну извращенец, что поделаешь! - уверяла я. По сравнению с предыдущими загадками, я- баба ребус!

- Мама! Мама! Оно меня съест! - верещал ребенок, тыкая на меня пальцем.

Я гордо проехала мимо, высоко подняв голову. Конь был уверен, что это не я на нем, а он на мне должен ехать, поэтому норовил скинуть меня каждый раз, когда я ослабляю «бздительность».

Ветерок развевал мою шерсть, а я уже видела конец пути. Красавиц снимали с лошадей учтивые жрецы. Лепестки развевал ветер, а меня тоже сняли под аккомпанемент голодного желудка.

- Имя, - слышалось из зала, а кто-то что-то промямлил. Зато торжественный голос объявил: «Лериона!». Хотя я и баба-варежка, но меня тоже тянет к теплу. При виде меня жрец в черной робе выдал громкое: «Ик!».

- Очень приятно, Ик! – улыбнулась я, видя, как расширяются глаза Бога Тьмы при виде меня. Нужно как-то соответствовать, поэтому я взяла две пряди шерсти с бедер, растянула юбочкой и отвесила реверанс.

Ну и дворец он себе отгрохал! Ничего себе! Видимо, мой храм переделал! Ну-ну...

- Вы хотите стать моей богиней? – усмехнулся Темный Бог, умудрившись, почти лечь на трон, закинув ноги на ручку.

- Нет, - пожала плечами я, понимая, что шутку нужно заканчивать. Впечатление произвели, а теперь пора кланяться и проваливать. – Я просто поесть пришла. Понимаете, у нас, на глубоком севере, всегда есть выбор в еде. Лосось или лосось! По праздникам слабосоленый тюлень!

Глаза Бога Тьмы сузились, а я прикинулась очень пыльным стоящим ковриком.

- Итак, кто из вас девственница? – напрямую спросил Бог Тьмы, улыбаясь так, словно это очень быстро поправимо. Девушки занервничали, робко опуская глаза и как бы соглашаясь с тем, что целомудрие - лучшее качество для богини.

- Я девственница, - прошептала первая красавица, намекая, что там не только принц, то даже конь не валялся.

- Я – лиственница! – обрадовала я присутствующих, понимая, что правило «едим и бежим» все еще очень актуально. – Вообще-то мне сказали, что здесь кормить будут! Вы как хотите, а я тут чисто поесть пришла!

Нет, ну а что? Ты мне нервы портил, я тебе отбор! Имею полное моральное право!

- Моя богиня никогда не будет разгуливать по храму в одежде, - усмехнулся Бог Тьмы, с явным подозрением глядя на меня и надменно изучая каждую. Стоило одной из девиц поправить волосы на груди, как Темный Бог оскалился в плотоядной улыбке. – Ненавижу тряпки... Не ничего прекрасней обнаженного женского тела... И там, где я поймаю мою красавицу...

Да, да, это про меня! Меня еще ловить придется в случае победы!

- Там ею и овладею, - страстным шепотом добавил Бог Тьмы.

- Скажите проще! Вы просто жадненький! Зачем бабе платье? – согласилась я, понимая, что теперь не я его, а он меня бояться должен! Ничего-ничего! Скоро он темноты бояться будет! Потому что в темноте я! И мой голодный желудок!

- А из тебя получится отличный коврик, на котором я буду заниматься любовью с моей богиней, - надменно произнес Бог Тьмы. Он смотрел на меня так, словно выбирал, какой грех на душу собирается брать.

- Ура! Видали? Считайте, уже выиграла отбор! – обратилась я к остальным девушкам. Я не заметила, как они облепили меня, чтобы на моем фоне казаться красивее. Это – магия ковра! Я тряхнула головой, вспоминая девушек на фоне ковра, делающих губы уточкой, зубы трубочкой, глазки и грудь выпуклостями, а щеки и живот «впуклостями».

- Я постелю тебя в своем храме! А из одежды на моей богине будут только украшения, - продолжал Бог Тьмы, а кончик его сложенных крыльев стелился по полу. Линяет, моя подушечка... «Пухоеды! Перьееды! Поэтому и выпадают... Попробуйте вот», - произнес густой женский голос, а перед глазами мелькнула упаковка с птичкой. Плотоядный туман снова сожрал воспоминание.

- Все! – усмехнулась я, глядя на обнаженных красавиц. – Знаете, сколько мужиков мне шубу обещали! Но пока сама не отрастила, шубу так и не подарили!

Бог Тьмы встал с трона, расправил крылья, подошел к первой красавице, ведя когтем по ее щеке.

- Почему ты захотела стать богиней света? Моей богиней? Скажи мне, светлячок? – послышался его вкрадчивый голос. Значит у нас «светлячок» это универсальное?

Понятно!

- Я... - темноволосая красавица с алыми губами на бледном лице, заглядывала в глаза богу тьмы так, что там уже не только шуба. Там весь золотой запас, включая зубные коронки. - Я хотела принадлежать тебе...

Бог Тьмы улыбнулся, склонившись к ней для поцелуя. Он впился в ее губы, а из-под когтей выступили капельки крови. Я что-то не поняла! Я так не играю! Его рука легла поверх гладких волос красавицы, которая стояла почти сомлевшая.

- Ты заслужила подарок от меня, - произнес он, а с ее плеча стекла капля крови. В воздухе перед красавицей повис внушительный гарнитур с рубинами. Драгоценные камни играли на свету, отражаясь алчным блеском в глазах изумленной девушки. Она протянула руку, прикасаясь к ожерелью, браслету и серьгам.

- Рубин. Пока что я буду называть тебя рубин... А ты почему решила стать богиней света? - заглянул в глаза белокурому ангелу, стыдливо прикрывающему грудь рукой. - Шепни мне на ушко...

- Я хотела стать бессмертной, - прошептала она, глядя на него, как зачарованная. Но тут же спохватившись добавила. - И принадлежать вам...

- Давай я прикрою ее, - прошептал Темный Бог, убирая дрожащую руку красавицы с ее прикрытой спутанными волосами груди. Капли крови от когтей выступили на ее груди, а Бог Тьмы оторвался от поцелуя, надменно глядя на запрокинутую голову красавицы. Перед ней появился гарнитур с синими камнями, а она осматривалась по сторонам, прикасаясь к камням.

- Сапфир, - улыбнулся Бог Тьмы, переходя к следующей. Так появился Изумруд, Бриллиант, Топаз, Аквамарин, Хризолит, Гранат...

Он подошел ко мне, а я посмотрела на него честными глазами.

- Кварц - волосатик, - усмехнулась я, сдувая длинную шерсть с лица. - Ну! И где мой поцелуй? Я тут, между прочим, такой путь проделала! Погоди- погоди!

Я раздвинула густую шерсть на лице, не придумав ничего лучшего, чем отвести ее за уши и выставить губы трубочкой.

- Давай, - потребовала я, видя некую заминку у пернатого чудовища. - Я что? Зря с глубокого севера тащилась? Знаешь, сколько я не целовалась уже? Как последнего мужика тюлени сожрали, так все! Только лопата на морозе! Я жду!

- Держи свой гарнитур, коврик! - насмешливо произнес Темный Бог, а передо мной появилось ожерелье. - Будешь ...

- Да на кой мне твой гарнитур! Я сюда за развратом приехала!- обиделась я, глядя в желтые глаза. Ну что, пернатый, выкусил? - Целуй! Надеюсь, что ты целуешься лучше, чем тот тюлень, которого я нашла от бабьей тоски!

Темный Бог молча наколдовал мне гарнитур, а я гордо отмахнулась.

- Так не честно! Они заработали, а я по любви! - возмущалась я, но Бог Тьмы явно не обращал внимания на меня. - А я-то еще думала, бриться или не бриться? Однажды одну ногу я побрила станком, а потом поняла, что ни один мужик не стоит таких жертв! И вообще! На кой моржовый хрен этот отбор! Нормальный мужик бы сгреб бы всех в охапку и сказал: «Гарем!». А этого, видать, на гарем не хватит.

Бог Тьмы бросил на меня снисходительный взгляд, откинул жесткие черные волосы, посмотрел на нагих красавиц и улыбнулся.

- Помните, что вы, если вам повезет, будете далеко не первой богиней, - предупредил он, лаская взглядом обнаженные изгибы.

- Ты у меня тоже не первым будешь. У нас там, на глубоком севере, тоже отбор был! Правда среди мужиков, - вздохнула я, наслаждаясь местью. - Первый мой на морозе

решил отлить. Потом слышу писк: «Неси топор!». Вот так мужик и ушел сначала в добрые девочки, а потом и другой мир. Второй у меня тоже не задержался. Его тюлень съел. Но я тюленю отомстила. Отловила его и засолила. Третий мой вообще на льдине уплыл... Откололся от семьи! Так что я искренне надеюсь, что ты хоть месячишко продержишься!

- Выделить каждой покой, - произнес Темный Бог, а мрачные жрецы отделились от стены черными тенями, скользнув в нашу сторону.

- Мне документы на покой, пожалуйста, - потребовала я, протягивая мохнатую лапку. - Видали руку? Вот что бывает, когда последнего мужика пингины заклевали! Годы берут свое. А лучше бы мужик!

Нас повели по черным коридорам, а я уже вошла в раж, понимая, что, сколько бы не развлекалась, мне все мало! Осколок был при мне, пока каждую из девушек отводили в комнату. Стоило двери закрыться, как слышались изумленные ахи и охи. Мне была уготована самая дальняя дверь.

- Это на случай, если ему резко захочется любви, чтобы он до меня не добежал? - обиженно произнесла я, тыкая пальцем в самый конец коридора. Мне не ответили, поэтому я открыла дверь, глядя на золотой потолок, золотые стены и золотой пол.

- Если придут цыгане, - вздохнула я, рассматривая помпезный интерьер. - Я подскажу им, где можно взять хорошего летающего коня. Я что? Яйца Фаберже пришла рассматривать?

Дверь за мной закрылась, а я услышала спешные шаги по коридору.

- Бегите, глупцы, - усмехнулась я, глядя на себя в огромное зеркало с золотой рамой. На меня смотрело светловолосое йети, а я вглядывалась в густую и прямую шерсть.

- Почему у меня на попе шерсть пушистей, чем на голове? - возмутилась я, доставая осколок. Зеркало молчало, не подавая признаков жизни. Видимо, чувствовало, что с шампунем на вырост волос переборщило.

Я прошла по комнате, заглянула в санузел, вздохнула при виде слива. «Эй! У вас тут опять засорилось!», - представила я, как ору каждые пять минут, а по коридору бежит артель засосальщиков с вантузом.

- А почему бы не остаться? - спросила я сама у себя, понимая, что от зеркала нет никакого толку. Мысль о том, что чем дальше влез, тем ну его нафиг, все равно не давала покоя.

Меня все равно не выберут. Это и так понятно. А с другой стороны, я могу вообще исчезнуть отсюда в любой момент!

- Здравствуйте, госпожа, - произнес вкрадчивый женский голос, а дверь скрипнула. - Бог Тьмы приказал подготовить вас к ужину!

На пороге стояла девушка в черном, опустив глаза.

- Какую прическу изволите? - произнесла она, осмелившись поднять на меня взгляд.

- Слушай внимательно! - оживилась я, тряхнув шерстью. - На спине мне колосок! На груди два хвостика! Здесь и здесь! И косу на попе! На ногах можешь сделать букли! Спереди выстриги мне сердечко, а на голове что-нибудь пышное, торжественное!

Служанка ничего не ответила, закатила глаза и рухнула на ковер.

- Работать никто не любит, - согласилась я, деликатно, ногой выпихивая ее за дверь. Она приоткрыла темные глаза, а я склонилась над ней.

- И подмышками, пожалуйста, сделайте рыбий хвост! Чтобы вид соответствовал запаху! - попросила я, улыбаясь. Контрольный выстрел сработал моментально. Пожав плечами, я закрыла дверь.

Время шло, а я скучала, ожидая ужина. Ладно, придется идти распущенной!

- Вы готовы? – слышался мужской голос за дверью.

- Всегда готова! – произнесла я, предвкушая ужин. Ничего, сейчас поем, отдохну и слиняю отсюда, оставив на полу комья шерсти и большой горячий привет. – Он крылат, я мохната. Передайте его божественной сучности, что уроды должны держаться вместе!

- Тебе повезло, что Бог Тьмы держит слово, – надменно фанатичный произнес голос за дверью. – Он пообещал, что девушки, согласившиеся проехать голыми по улицам, неприкосновенны!

Значит, у меня есть индульгенция? Я предвкушала ужин, мысленно прикидывала с чего начну. Желудок вторил урчанием, а я вспомнила сладкий вкус чего-то такого прекрасного... Сощурившись, я вспоминала, как называется коричневая штука в шуршащей фольге. Нет, фольгу я помню... О! Вспомнила! Шоколадка... Я представляла тающую во рту шоколадку, понимая, что за нее готова продать душу даже богу тьмы.

- На ужин! – произнес голос за дверью, а я понеслась к двери, дергая ручку.

Мужик в черном капюшоне не вызывал во мне интереса, поэтому я смиренно готовила желудок для пиршества.

- Сюда! – произнес жрец. О! Я еще та жрица, если дело касается вкусняшек!

Черная дверь открылась, а в зале стоял полумрак. Свечи эротично оплавливались, вызывая какую-то томную меланхолию. В зале стояло семь столов и один стол, ломящийся от яств в самом центре.

- Ваш стол, – сквозь зубы процедил провожатый, указывая на пустой столик. – Ложитесь! Ваша служанка сейчас подойдет! Скажите ей, какие блюда вы хотите видеть, она все сделает.

Что? Куда? На стол?

- Приказ Бога Тьмы, – пояснили мне, а на соседний столик уже укладывали брюнетку с роскошной прической. Она лежала на столе, а служанка по команде тонкого пальчика украшали ее цветами, выкладывая на обнаженном теле выбранные хозяйкой закуски.

Я видела, как живот блондинки по соседству вздрагивает, когда на нем раскладывают какие-то тарталетки, а она усмехнулась, намазывая губы каким-то вареньем и пробуя его на вкус.

- Дура! – слышался надменный голос, а шатенка скривилась, видя, как служанка торопливо и не поднимая глаз пытается вытереть салфеткой живот госпожи. – Косорукая!

Моя служанка боялась ко мне даже приблизиться.

- Иди сюда! Не бойся! – позвала я, изучая ассортимент. Дрожащая девушка подошла ко мне, но на безопасное расстояние. – Так! Смотри! Он у нас мужик? Мужик? Так что тащи сюда вон то пюре! И хлебушек! Да, и вон ту штуку в вазе захвати! Холодец там есть, глянь? Рыбу!!! Рыбу!!! Обязательно! Буду учить тебя селедку под шубой делать!

Служанка дрогнула, не решившись постигать столь важное искусство, упала на колени перед жрецом, а потом забилась в угол! Нормально! Я что? Теперь все сама должна делать?

Кряхтя, я подтащила свой столик к общему столу, изучая ассортимент. Это раньше я боялась темноты. Теперь темнота должна бояться меня!

Я потрянула головой, пробуя золотой ложкой какое-то блюдо, смахивающее на картофельное пюре. Неплохо! Так, а это что у нас? Отлично! Первое, второе и компот! Компот на живот!

Забравшись на стол, я стала нагребать пушистой лапой картофельное пюре, щедрыми

ляпами накладывая его на живот и ниже.

- Это у нас второе! – комментировала я, пока все застыли в ужасе. – Так, где я тут рыбку видела? Показываю один раз! Селедка под шубой!

- Это форель, - слышался сдавленный голос, пока я облизывала ложку из под картошки.

- Селедка! – отрезала я, выкладывая ее себе на живот. – Видали? Вот селёдка, вот шуба! Сейчас примем на грудь супчик... Мммм! Отличный! Я облизала ложку, лихо закусив верхушкой пирожного.

- Катите обратно, - сыто икнула я, глядя на остатки стола. Ужин для всех, между прочим!

Мой стол опасливо отодвинули, а я лежала, чувствуя, что только я предлагаю вкусную и здоровую пищу. Во рту у меня торчал хлебушек, с шерсти капал суп. На правой ноге были овощи в салате, на левой – тушеные овощи в собственном соку. В районе пятки был соус. С правой нечто похожее на майонез, а с левой – томатный.

- Люблю во всем быть первым! – произнесла я, глядя на роскошные десерты. – И передайте ему, чтобы руки мыл перед едой!

Глава восьмая. Девушка в собственном соку

Желудок благодарно переваривал пищу, а я терпеливо ждала, когда начнется еще один акт моего представления. Подумать только! Я чуть не согласилась принадлежать ему! Как удачно все получилось.

Дверь открылась, свечи дрогнули, а я лежала в томной позе, чувствуя, как томятся и обтекают овощи, а подо мной разливается лужа супа.

- Красота, - усмехнулся Бог Порока, подходя к первой попавшейся «тарелке». Ее живот дрогнул, когда по нему скользнул когтистый палец, смазывая соус. Палец прикоснулся к красивым губам. - Какая же ты сладкая девочка...

- Куда! - возмутилась я, гневно сопя и глядя на пюре внизу живота. - Пока суп с картошкой не съешь, никакого сладкого! И с хлебом! Обязательно!

На меня не обращали внимания, склоняясь над красавицей и целуя ее намазанные чем-то сладким губы.

- Сочная девушка, - усмехнулся Бог Тьмы, сладко и эротично снимая вишенку с ее груди губами.

- Слышишь, - нагло заорала я. - Я тут тоже горю! Ешь картошку, пока горячая! И, между прочим, я тоже сочная девушка, но круче! Я - девушка в собственном соку! Со стола капает мой собственный сок! Так что, подруливай сюда с вилкой!

Бог Тьмы медленно переводил взгляд на меня, вытаскивая изо рта волосинку и кривясь так, словно это была первая волосня, которую он нашел в еде. Я что? Зря трусила шерстью.

- Куда же вы? - встревоженно привстала брошенная красавица, а с нее шмякнулся первый блинчик. Комом, разумеется!

- Слышишь, чудо в перьях, - обнаглела я, выплевывая хлебушек. - Давай, наяривай картошку! Я что? Зря готовилась? И суп слизывай! А то сейчас сладкого натрескаешься, и на основные блюда сил уже не хватит! Я еще долго картошку подогревать буду?

Бог Тьмы краем глаза покосился на меня, а игриво приподняла картошку, намекая, что это у нас коронное блюдо. Темный Бог отвернулся, проводя языком по вздрагивающей и стонущей красавице с черными волосами, которая извивалась так, словно он шел не снизу вверх, а сверху вниз. Внезапно он остановился на ее губах, что-то сплевывая и пытаясь вытащить когтем.

- Что такое? - занервничала красавица, выставляя вперед грудь. - Что-то не так?

- Ты картошку как будешь? С подливкой или без? - поинтересовалась я, понимая, что хочу в туалет. - Ты давай, ешь быстрее, а то с подливой будет!

Бог Тьмы облизывал руку, устремляясь языком к шее, а еще одна кандидатка на роль богини, томно закрыла глаза, покачиваясь в такт его ласкам.

Картошкой его не проймешь! Нужно напирать на селедку под шубой!

- Так, когда ты пальчики оближешь? Мне? - поинтересовалась я, видя, как Бог Тьмы что-то сплевывает, поворачиваясь в мою сторону. Я тут же выпятила грудь, нащупала хлебушек, лежащий рядом и размокший от супа, выставив его свечкой на груди. - Селедку под шубой будешь? Правая пятка - томатный соус. Левая - яичный! А еще у меня для тебя есть сюзприз!

Он подошел ко мне, а я слегка сдвинулась бёдрами, глазами показывая обратить внимание на то, в чем лежала.

- Икра заморская, - пояснила я, понимая, что отбила мужику аппетит, видимо, навсегда. - Кабачковая!

- А почему ко мне не подошли! - горестно всхлипывала одна из красавиц, до которой еще

не добрался аппетит моего пернатого недруга. – Так нечестно!

- Милая, он еще никак от икры кабачковой не отойдет! Вот отойдет, тогда подойдет! – утешила я бедняжку, видя, как вздрагивают губы Бога Тьмы. – Не держи свои чувства в себе! Я знаю, что я – фаворитка отбора! Давай, налетай, мой птенчик! Клюй меня ложкой! Да! Кстати! Если хлебушка не будет хватать – посмотри в моей правой подмышке!

Я решила добить его, навсегда отучив есть с немытых рук и тел!

- Но это еще не все, - заметила я, глядя на его бледность. – Волоса-волоса, посредине колбаса!

Я сделала похотливое движение лохматыми бедрами, а сквозь картошечку появился кончик колбаски.

Видимо, Бог Тьмы уже поел. Поклевал, как птичка! Тяжко выдохнув, он посмотрел на меня желтыми глазами, которые сузились от гнева.

- Вот зря я сказал, что участниц выбрасывать не будут. Что они сами уйдут, когда поймут, что с них достаточно, - огрызнулся Бог Тьмы, разворачиваясь и улетаая под темные своды зала.

- Он улетел, - вздохнула я, доедая пирожное и провожая его взглядом. – Но обещал вернуться...

Нас всех согнали со столов и развели по комнатам. Я тут же прошлепала в сторону ванной, опускаясь в нее и чувствуя, как мокнет шерсть. Осколок лежал на ободке купальни, покрывшись капельками воды.

Я мыла себя, как вдруг... Не может быть! Мои руки стали прежними. Что? Как? Где мой мех? Я ощупывала себя со всех сторон, понимая, что чары спали.

- Эй! – возмутилась я, тряся зеркальце. – Давай, возвращай мне шубу!

- Тебе нельзя мокнуть, - прошептало зеркальце, умирающим лебедем. – Как только на тебя льется вода, ты тут же становишься собой...

- Давай, возвращай меня обратно! Я еще не насладились мстью! – цедила я, растирая запотевшее зеркало и видя свое отражение.

В дверь стучались, а я вздрогнула, инстинктивно пряча грудь руками и сводя колени.

- Вас хочет видеть Бог Тьмы, - послышался глухой голос, а я занервничала, выскакивая из ванной и вытираясь полотенцем. Вода текла с меня рекой, а я чувствовала холодок озноба.

- Давай же! – яростно трясла я зеркало, которое разговаривало со мной так, словно на последнем издыхании. – Или я прямо сейчас подавлю в тебя восстание прыщей!

Зеркало что-то мямлило, пока я соображала со скоростью стука в дверь.

- Свет мой зеркальце, скажи, - ядовитым голосом прошептала я, пытаюсь нацепить на себя покрывало и ужасаясь торчащим ногам. – Да всю правду наложи! Кто на свете всех мертвее, холоднее и белее!

- погоди, - икнуло зеркало, пока я мысленно провожала себя в последний путь. – Сейчас...

По моему телу побежала реденькая и жалкая шерстка, а я напоминала себе плешивого мишку, от которого накатывала необъяснимая ностальгия по чему-то забытому.

- Быстро открыли дверь! Иначе вы признаете тот факт, что отказываетесь участвовать в отборе, - произнес голос. Я принялась, понимая, что шутками не пахнет.

- Открываю, - жалобно прошептала я, спуская одеяло и понимая, что выгляжу так, словно меня бороздил беспощадный лишай. Шерсть росла местами, клочьями, кусками.

Вид у меня был болезненный, жалостливый, очень располагающий к почесаниям.

Я открыла дверь, обреченно глядя на жреца. Идея кралась медленно, при виде того, как от меня брезгливо шарахнулись. Уголки моих губ дрогнули, но я нежно лелеяла идею, заворачиваясь в одеяло и следуя за посланником.

Коридорчики петляли, ступеньки нервировали, а идея, которая заставляла меня мерзко улыбаться, грела мою озябшую от разочарований душу. Огромный зал встретил меня полным сбором. Девушки в драгоценностях и неглиже стояли рядом. Что? Неужели никто не хочет покинуть нас? Жаль...

Бог Тьмы восседал на троне, а я накинула одеяло, занимая почетное место среди девушек. Драгоценности сверкали у них на груди и руках. Что?! Тут еще дарили, а я не в курсе? Ничего, у меня есть самый лучший подарок!

Темный Бог молчал, а я погладила по руке трясущуюся соседку.

- Ничего, - утешила я, глядя на то, как она нервно поджала губы. - Его фантазия не безгранична... Не раскисай...

Я ткнулась к еще одной соседке, которая дышала, как насос, пытаясь скрыть волнение. «Все будет хорошо!», - гладила я ее по руке, чувствуя, как начинаю улыбаться. Вот такой я светленький человечек. Даже конкуренток готова утешать!

- Я смотрю на ваши роскошные тела, люблюсь каждым изгибом... - сладко произнес Бог Тьмы, не сводя глаз с ослепительной наготы. - У меня появляется столько удивительных фантазий... Темные мечты, рожденные поцелуем. А теперь я хочу, чтобы каждая из вас подошла ко мне и рассказала о своих темных мечтах... Что бы вы хотели, чем могли бы меня удивить. И та, чья мечта покажется мне самой соблазнительной, получит больше, чем просто драгоценности.

Я! Я! Я! Главные соблазнительники! Сейчас я тебе фрикасе вспомню!

- Иди ко мне, не бойся, - прошептала тьма, разрастаясь за троном, а шатенка сделала неуверенный шаг в сторону окутанного тьмой трона. Украшения прозвенели, а она стояла перед троном на расстоянии вытянутой руки.

- Я мечтаю о том, - прошептала Сапфир, сложив руки на груди. - Чтобы ты был дерзким охотником, а я - добычей... Представь себе. Лес, я бегу в белом платье...

Это мы уже проходили! Главное, после фразы: «Постой, светлячок» не сбавлять скорость, а открывать второе дыхание!

- Мое роскошное платье рвут беспощадные ветки, - с придыханием произнесла красавица, устремляясь к будущему охотнику. - А потом... потом, я ставлю ногу на листву, и...

- Ежик! - радостно заорала я.

- Какой ежик? - удивилась красавица, глядя на меня с высокомерным презрением человека, два раза посетившего тренажерный зал.

- Обычный. Под ногой! - улыбнулась я, намекая, что пора продолжить увлекательный рассказ.

- Ты хватаешь меня сильными руками, прижимаешь к себе так цепко и крепко, как самую сладкую добычу, валишь на листву, а там... - задыхалась Сапфир, обнимая себя двумя руками.

- Ежик! Все тот же! Нигде от вас покоя нет! - продолжила я, радостно кивая из своего покрывала. На меня решили не обращать внимания, и продолжить рассказ о том, как несчастная жертва пернатого произвола, честно пытается одновременно и убежать, и отдаться.

- И наш одновременный стон нарушил тишину спящего леса, - закусил губу красавица, проведя рукой по обнаженной груди.

- Ежик! – громко простонала я, глядя на нее с сочувствием. Красавица удостоилась сладкого поцелуя, а я гневно засопела. Ничего! Будет и на моей улице праздник!

Следующая красавица, кажется, Рубин, плавной походкой двинулась в сторону трона.

- О, мой повелитель, - сладко прошептала она, опускаясь на колени. – Я мечтаю о том, чтобы вы взяли меня прямо при всех... На черном троне... Я хочу, чтобы на это смотрел весь мир, когда вы несете меня на руках, покрывая поцелуями, садитесь на трон...

- А там ... ежик, - гаденьким голосом произнесла я. – Милая, он из лесу только вернулся. Ежа на заднице принес! Все! Молчу, молчу, продолжай... Мне реально интересно... Обещаю молчать!

Я сделала вид, что зашиваю себе рот, вставая на носочки от нетерпения. Кажется, Аквамарин, уже подлезла к Богу Тьмы, рассказывая о том, как он спикирует на нее с высоты и схватит ее своими когтями...

- Как... как суслика, - всхлинула я, растирая мнимые слезы. «Ты поднимаешь меня на самый верх», - страстно шептала красавица, поглаживая колено Бога Тьмы.

- Простите, не могу... Ты сколько вешишь? Килограмм шестьдесят? С грудью - семьдесят, - зарыдала я, трубно сморкаясь в покрывало. – Птичку... Жалко...

Вот стану снова богиней, вот дождусь, когда один гордый орел направится сидеть на белом пике под монотонное урчание бачка «вершины», как закрою его там! Мне проще туалет перенести или в храм бегать по нужде! Будет у меня приемник, настроенный на волну ненависти! Хотя не скучно будет.

- А потом ты дерзко схватишь меня из темноты, - с придыханием прошептала Изумруд, простонав так, словно очень хочет в туалет. – И утащишь во тьму... Наши тела сольются воедино в порыве изнеможения и страсти... Каждый твой толчок будет отдаваться во мне сладостным стоном...

Да ей вообще нужно замуж за продавца унитазов! «Милая! У нас толчки завезли!», - орет он. А каждый толчок отдается в ней сладким стоном...

Я нетерпеливо ждала своей очереди, а обратно в строй становились «рабыни», «добычи», «жертвы произвола» и прочие страдалницы.

Очередь подошла, а я засеменила маленькими шажочками в сторону трона, удерживая на себе покрывало.

- Ой, - жалобно всхлинула я. – А можно я на коленочки! Вы же не откажете? Как только скажете, я тут же слиняю... И возможно на ваши штаны...

Разрешение я спрашивала для вежливости, карабкаясь и усаживаясь поудобней.

- Итак, - начала я, вдохновенно описывая мою эротическую фантазию. Воображение сначала само обалдело от поставленной задачи, а потом его понесло. – Представьте себе, мы лежим с вами на кровати...

На меня посмотрели снисходительно, сверкнув глазами. А я заерзала на коленке, припадая к широкой груди.

- Для меня, обитательницы очень глубокого севера, кровать – это эротическая фантазия! – обиделась я, поглаживая чужой черный камзол и оставляя на нем светлую шерсть. – Мы лежим на кровати, завернутые в четыре одеяла... На мне телогрейка и валенки, на тебе большая телогрейка, штаны с начесом и валенки... Предупреждаю сразу! Кто снял валенки больше сексом не занимается! У нас носки и валенки снимают, перед изнасилованием. Девушка падает, поэтому делай с ней что хочешь! Продолжим!

Я прижалась к его уху, смачно импровизируя.

- Потом ты закидываешь правую ногу мне на плечо, левую подворачиваешь под себя, опираясь ею на стену, - вдохновенно рассказывала я, даже причмокивая от наслаждения. – Одна рука твоя держит меня за грудь, а вторая цепляется за люстру... Левая пятка

заведена у тебя за уши, ты помнишь, да? Правой пяткой ты бьешь себя в грудь и стонешь! Поза называется «По велению левой пятки»!

Я довольно шмыгнула носом, чувствуя, что ерзаю не только я, но и будущий герой-акробат.

- Что? Ежик? – доверчиво спросила я, поглядывая вниз. – Куда это он тебя понес? Так вот, потом мы с тобой пробуем еще одну позу! Твои ноги заправлены за твои уши, ты лежишь, опираясь на копчик, а я прыгаю сверху на тебе! Ты еще должен меня обнимать в этот момент! Это важно!

Он смотрел на меня такими глазами, словно у него была любимая кошечка, и я только что сообщила о ее безвременной кончине.

- Ты же бог! Ты все можешь! – приободрила его я, похлопав пушистой лапкой по груди. – Я в тебя верю!

Мне показалось, что он уже в себя не очень верит, но я утешила его тем, что это – только начало. И так он точно не предавался утехам.

- Следующая поза, – облизала я волосатые губы, наслаждаясь тем, как под нами ползал несуществующий ежик. – Называется «Узелок». Она простая. Запоминай! Ты кусаешь себя за локоть. Правую ногу засовываешь в отверстие! Нет, не мое, а свое! Отверстие руки! Левую ногу закидываешь назад, за голову.

На меня смотрели таким взглядом, что если бы я была гвоздем, то забилась бы куда-нибудь.

- Узелок завяжется, узелок развяжется, – прошептала я нежно-нежно. – А любовь она и есть только то, что кажется... И вообще!

Я сползла с колен, поднимая его перья с пола, а потом лихо бросая покрывало в неискушенных дев, не знающих о позе «Узелок».

- Простите, – жалобно произнесла я, почесываясь со всех сторон с яростной интенсивностью. – Я сегодня не в лучшей форме... Шерсть и волосы клоками лезут! Чешется ужасно. Вот вы меня тогда обняли, а я теперь вся чешусь... Только не говорите, что у северный вас лишай! А то смотрю, перья с крыльев летят, как с меня шерсть...

Я посмотрела на девиц, которые брезгливо швырнули покрывало на пол.

- Не переживайте, ничего страшного. Он, передается прикосновениями. Сначала вам будет казаться, что вам просто хочется почесаться, – смаковала я, с удовольствием понимая, что теперь на отборе ласки будут только через маску. – Потом волосы вылезать будут... Жаль, что потом не отрастают... Смотрите, чтобы на голову не попало, а то все... Прощайте волосики! Если после почесания будет покраснение – это он!

Я почесалась так, что даже больно стало.

- Я... Я – задохнулась блондинка, корежась на месте при виде моего покрывала. – Я ухожу! Простите, но я с детства очень мнительная. Бррр! Фу!

- А ну-ка, – прищурилась я, подходя к брюнетке. – Красное пятнышко возле волос. Вы за ним следите! Где мое покрывальце...

Я обвела взглядом конкурсанток и вздохнула.

- Вы не переживайте, у нас, на глубоком севере, у соседки тоже такой нашли, – вздохнула я обреченно. – Но все закончилось хорошо. Мы ее в тот же вечер сожгли. Правильно! Незачем неизлечимую заразу разносить. Ее-то уже не спасешь, а нам еще жить да жить...

В воцарившейся тишине я встала на свое место, интенсивно расчесываясь.

- Свободны, – произнес Бог Тьмы, а я гордо почесалась, накинула покрывало и пошла в свою комнату вслед за провожатым. Мне кажется, или он убегает? Как не догоняю, он

тут же ускоряет шаг?

Дверь передо мной открывать не стали, поэтому я вошла в комнату, сбросила покрывало и усмехнулась. Вовремя, однако! Шерсть исчезла, а я вздохнула полной грудью.

- Слышали? – пронеслось по коридору. Я тут же припала ухом к дверям. – Три девушки добровольно покинули отбор!

Не знаю, что твориться на глубоком севере, но этот танец комната запомнит навсегда. Я танцевала, вертелась, чувствуя, как волосы шлепают меня по щекам.

- Ничего – ничего! – упала я на кровать и раскинула руки. – Я снова стану богиней!

Я лежала, чувствуя, как меня накрывает смех! Нужно придумать что-то новенькое, свежее и творческое!

- Может, прикинуться беременной? – спросила я у молчаливого осколка. – На коленочках сидела? Сидела! Вот и досиделась! Ерзать не надо было! А то, понимаешь ли... У нас, на глубоком севере, сразу трое в деревне залетело. И в соседних деревнях тоже! Кто отец? Правильно, Бог Тьмы! У него же крылья есть!

Я задумалась, рассматривая потолок. Вот интересно, а кем я была в прошлой жизни? До того, как стать богиней? Какую-то ерунду помню, а самое важное – нет. Я знаю точно, что мне нравились шоколадки... А что еще? А вдруг у меня была семья? Может, я была счастлива? Вдруг у меня был классный мужик?

- Я никогда об этом не узнаю, - вздохнула я, натягивая на себя одеяло и подползая усталой гусеницей к подушке. Осколок лежал рядом, а я думала, пыталась что-то вспомнить, но вместо воспоминаний был серый дым и обрывочные картинки, которые никак не проливали свет на мое прошлое.

- Глупый, глупый Бог Тьмы, - усмехнулась я в подушку. – Чтобы женщина стала Богиней Света нужно сделать так, чтобы она сама сияла и светилась от счастья!

От усталости я проваливалась в глубокий сон. «Он ищет тебя!», - снова истерил осколок. Где здесь продается успокоительное для зеркала? Молоток не предлагать! «Но я укрыло тебя покрывом! За твою голову назначена награда!», - всхлипывало зеркало, а я терлась носом о подушку. Нет, ну обидно! Значит, его только моя голова интересует! А как же другие увлекательные части тела? За мою руку тоже можно было назначить награду! Или за сердце! Ну что он, в самом деле. Есть еще очень интересный орган, за который можно назначить награду!

Я зевнула, зарываясь лицом в мякиш подушки и захрапела. Снилось мне женщина, смуглая, черноглазая в накинутах кожаной куртке на цветную кофту.

- Дай ручку, девонька, погадаю! – сверкнула золотыми зубами женщина. Где-то рядом что-то гудело, а позади меня кто-то тянул меня прочь. – Не бойсь! Просто погадаю!

Я помню, как тянула ей бумажку, а позади меня кто-то ржал. Черные глаза уставились в мою руку.

- Хм... Вижу предстоит тебе однажды дорога дальняя, без возврата, - вздохнула и нахмурилась женщина, ведя пальцем по моей ладони. – Никуда не собралась?

- Все, пойдем! – слышались голоса позади меня, а меня тянули куда-то в сторону. – Женек! Пошли!

- Мужа у тебя Павлом звать будут! – усмехнулась женщина, глядя на меня глазами-маслинами. – Пост руководящий займешь!

- Женька! Пойдем! Женя! – выдохнул мне кто-то женским голосом на ухо, а я дернулась, открывая глаза.

- Женя! – позвала я, прислушиваясь к себе. Это имя отдалось чем-то спокойным и знакомым. Это же мое имя! Меня Женей зовут! Же-ня!

- Я – Женя! – смеялась я, обнимая подушку. – Вспомнила! Женя! Женя, которая любит шоколадки! Же-ня! Ой!

Я подползла к осколку и взяла его в руку.

- Слушай, - прошептала я, поправляя одеяло на попе. – Найди мне всех Павлов!

- Что?! – обалдело зеркало, а я щурила глаза, глядя на сияние в темноте. – Хорошо... Сейчас посмотрю...

Я терпеливо ждала, глядя на тысячи лиц, но пока что никакого Паши не было видно. Внезапно зеркало показало мне черноту.

- Вот! – гордо произнесло оно. Я прищурилась, пытаюсь понять, что вообще можно разглядеть в крошечном мраке.

Стук в дверь заставил меня дернуться. Кого пухоеды принесли в такую рань?

- Сегодня Бог Тьмы хочет увидеть танец или песню в вашем исполнении! – послышался сухой голос. Постучали в соседнюю дверь, а я услышала ту же самую фразу, произнесенную тем же самым голосом. «Ура!!!», - обрадовался кто-то за стеной.

Ура? Ничего-ничего! Я смотрела на зловещую тьму, понимая, что три конкурсантки уже отправились домой, а эти что-то подзадержались! В темноте кто водится? Правильно! Монстры! Лохматые, страшные... Я мерзко улыбнулась, понимая, что сейчас самое время выйти на охоту!

- Давай! – потребовала я у зеркала, тряся его изо всех сил. – Меняй мне внешность! Возвращай мне мою норковую шубку! Правда, норки у меня две, но это тоже повод считать себя норкой! Злорадно потирая ладошки, я терпеливо ждала, когда обросту шерстью!

На туалетном столике лежала всякая ерунда, я достала золотую банку с помадой.

- Оборотень выходит на охоту! – улыбнулась я, щедро плюхая себе на руки помаду и растирая ее по лицу и рукам. – Пусть все знают, что я уже кем-то позавтракал!

- Помни, - слабым голосом произнесло зеркало, а я жалостливо посмотрела на него. Хорошее оно, все-таки. Понимаю, что ему самому тяжело, но что поделаешь. – Ты все равно вернешься в свой облик через какое-то время!

- Да-да-да, - злорадно потерла «окровавленные» ладошки я. – Аууууууу!

Я завyla, ужасаясь собственному вою. Если спросят, я – не вою. Я пою. Приоткрыв двери, я выскользнула в темный коридор, тихонько крадучись вдоль комнат, и осколком царапая двери, чтобы на них оставались следы «когтей». Так, эта дверь закрыта. И эта тоже. А тут у нас открыто! Мы что? Кого-то ждем?

На точно такой же постели, как у меня, спала обнаженная красавица, храпя, как тракторист, могильщик и пьяный строитель. Выдавая гнусавые рулады, милый ангел пускал слюнку на подушку, разметав роскошные волосы.

Я притаилась в темноте, сопя, как насос. Красавица повернулась на другой бок, сбросив рукой подушку.

- Рррррр! – прорычала я, пытаюсь скалить зубы. – Рррррр!

Я сопела, хрюкала, издавая такие звуки, от которых раньше бежала бы дальше, чем видела.

Внезапно девушка открыла сонные глаза, а я радостно бросилась на нее, рыча и завывая.

- Ааааа!!! – слетела она с кровати, задыхаясь от ужаса. Босиком, путаясь в одеяле, она бросилась бежать, а я спокойно и направилась в свою комнату, закрыв дверь.

«Там! Там чудовище!», - слышался топот в коридоре, а я стирала с шерсти помаду. Нет, ну а что? Оборотень теперь частенько будет промышлять в незакрытых комнатах. И в

закрытых тоже. Я коварно посмотрела на зеркало. Стоп! Если сегодня у нас песни и пляски, то осколок придется оставить в комнате! Я искала место, куда можно его спрятать, а потом сунула под матрас. Я ведь ненадолго? Пусть пока полежит. Не хватало, чтобы в ответственный момент он выпал из меня!

- Собирайтесь в зале! – послышался в коридоре голос, а я зевнула, направляясь к двери и бросив еще один взгляд на матрас, прикрытый покрывалом.

В зале уже все собрались. Кроме той, слабонервной. Я вздохнула полной грудью, видя, как все шарахаются от меня.

- Да ладно вам, - миролюбиво махнула я лапкой. – Меня в полнолуние бояться нужно.

В абсолютной тишине послышались хлопки, а Темный Бог вальяжно расположился в гнезде. По-другому назвать этот круглый матрас с роскошными подушками я не могу.

- Богиня Света должна уметь развлечь меня, - усмехнулся Бог Тьмы, а я смотрела на его красивое лицо, на роскошные черные волосы, отблескивающие мистическим светом в мерцающих огнях, на блики, скользящие по его коже. Красивый мужик. Жаль его запирают в туалете, конечно. Но, по крайней мере, так безопасней. Я вспомнила золотую клетку, качели, чувствуя, что отыграюсь на нем, как медведь на баяне.

- Кто хочет первой? – прошептал Бог Тьмы, а его глаза сверкнули золотом. Из нашего строя вышла брюнетка, а служанка подала ей черную кружевную ткань. В тишине красавица сделала роскошный взмах волосами и тканью и стала танцевать.

Я зевнула, глядя на умирающего лебедя, который ползал по полу с мольбой, простирая бледные руки. Черный лебедь умирал долго и мучительно, подползая все ближе к заинтригованному Богу Тьмы. Он опрокинул кубок в себя, глядя на томную мольбу лебедя. Каждым движением лебедь как бы намекал, что он очень вымирающий вид, и ему срочно нужно размножиться, дабы не вымереть окончательно.

- Да-да-да! – ткнула я пальцем в лебедушку, которая уже почти вползла на Бога Тьмы, окутывая его кружевным покрывалом и тряся лебедиными прелестями. – Именно таким танцем мы однажды приманили полярного медведя. Сожрал, скотина, полдеревни!

Бог Тьмы подавился, кашляя в кубок, а его глаза хищно уставились на меня, как бы сожалея, что меня не сожрали первой.

Рубинчик уже почти доползла до цели, положив руки на губы Богу Тьмы и захомутав его тканью. Она притягивала его к себе для поцелуя, обвивая руками и игриво дразня улыбкой.

- Вот! Девочки, запомните это движение! Наша шаман именно так лечит застарелый геморрой! – согласилась я, показывая рукой на извивающуюся змеей красавицу. – Ритуальный танец «Геморрой, проходи!». В этот момент нужно всем дружно прогонять геморрой! Чего смотрите? Проблема у мужика! Ну и что, что он – бог! Геморрой – не любовь, поражает не в сердце! А теперь хором: «Уходи злой геморрой!».

Я смотрю, меня поддержали. Поцелуй, которого так долго добивался Рубинчик, сорвался, а она бросила на нас взгляд, полный ненависти!

Следующей вышла Сапфирчик, сложив лапки вместе и запев. Пела она впечатляюще. Я даже шмыгнула носом от зависти, но потом поняла, что одна она с такими нотами не справиться, поэтому нужно ей помочь! И вот маленький оборотень выл что-то грустное, задушевное, всеми силами накатывая беспросветную тоску.

«Мы сплелись в порыве страсти!», - пела Сапфирчик, а я выла что-то свое, о грустной женской доле.

Закончили мы вместе, как и было анонсировано в песне. А я скромно опустила глазки, мысленно гордясь собой и акустикой.

Мой взгляд пересчитал потенциальных богинь. Девять! Ничего себе! Тут работы по выселению на пару дней!

- Таким танцем шаман у нас дождь вызывал! – обрадовалась я, глядя на телодвижения в сторону Бога Тьмы. И что я в нем нашла? Мерзавец, обманщик, подлец, красавец! Что же в нем хорошего-то?

Танцы сменялись песнями, а я поджала губы! Они что? Специально с самого рождения репетировали? Хотя, чему тут завидовать? Талантам нужно помогать, бездарности прорвутся сами!

- Несите бубен! – торжественно произнесла я, когда наконец-то ко мне подошла. – Или арфу!

- Бубна нет, есть арфа, - произнес кто-то, слегка нарушив мои планы. Да, с бубном было бы проще!

- Сейчас я вам покажу танец нашего племени! – гордо произнесла я, а где-то на севере, несчастные жители переглянулись. – Обычно его танцуют с медведем. Но медведь у нас есть. Так и быть буду медведем... Цыган...

Мой взгляд скользнул на золото, которым обвесился Бог Тьмы.

- Тоже есть, - согласилась я, экстренно соображая что придется танцевать. Мысли путались, подкидывая такие идеи, от которых шерсть вставала дыбом. «Увеличим без операции и регистрации», - пронеслось табуном в голове, а я посмотрела на Темного Бога задумчивым взглядом. Редкий мужик откажется от такой заманчивой перспективы!

- Танец увеличения хрена! – импровизировала я, ужасаясь собственной фантазии. – После этого танца хрен увеличивается на пятнадцать сантиметров! Девочки, подключаемся! Мы все заинтересованы в результате!

Девушки смотрели на меня с подозрением.

- А как же ваши фантазии? Схватил, уволок, а так мальчик с пальчик! Ну разве это хорошо? – убеждала их я. – Между прочим, я – дочь шаманки! Так что результат гарантирую только в случае массового участия! Давайте, не стесняйтесь! Собирайтесь в кучку, беритесь за руки. Смотрите...

Я резво командовала процессом, наслаждаясь собственной мстостью и выставляя девушек в хоровод вокруг Бога Тьмы.

- Сначала идете влево со словами: «Расти большой не будь лапшой!», потом вправо! – руководила я, глядя в глаза Богу Тьмы. – Каждый мужчина должен посадить печень, построить семью и вырастить хрен! Чего смотрите, красавицы? Потом сами плакать будете! Вспомните еще этот день, когда я вам предлагала!

Они затянули нестройным хором нашу незамысловатую мантру, а я мерзко улыбалась, глядя в бессовестные глаза. Нужно что-то придумать, а в голову как назло ничего не лезло.

- Омммм..... – замычала я, стоя перед Богом Тьмы и делая пассы руками. – Эмммм.... В штанах родилась елочка... В штанах она росла!

Ой, о чем это я? Ладно! Продолжаем.

- Зимой и летом стройная, - промывчала я, не забывая делать пассы руками. – Зеленая?

Кажется, перебор! Хотя, после того, как я стану богиней, елочка и шарики будут в зеленке. И возможно, какое-то время, даже отдельно от обладателя!

- Зеленая была! – промывчала я, пока девочки выли «не будь лапшой!».

- Достаточно! – резко произнес Бог Тьмы, гневно сверкнув глазами.

- Ну все, - притворно вздохнула я. – Сам виноват! Что есть, то есть...

Мы вернулись на место, а Бог Тьмы встал, глядя на нас нехорошим взглядом.

- Раз вас так интересуется содержимое моих штанов, то, пожалуй, сегодня вечером вы с

ним познакомьтесь, - с усмешкой произнес Темный Бог. - По очереди! Расходитесь по комнатам!

Глава девятая. Камасутра для крыльев

Я ковыляла в комнату, тихо улыбаясь своей маленькой женской мести. Ну не я же первая начала? Нет! Вот теперь пусть и выгребает! Охоту он на меня объявил! Сезон отстрела! Тоже мне, браконьер!

Я открыла комнату, доковыляла до кровати, сунула руку под матрас, а там... пустота! Стоять! Я сползла с кровати, отчаянно шаря рукой. Сердце замирало, а я нервно пыталась найти свой осколок. Отогнув матрас и напрягая все мышцы, я увидела лакированные доски.

Может, упал? Я полезла под кровать, умоляя судьбу, чтобы он был там, но и под кроватью его не было!

На столике стояла еда в красивых тарелочках, а на трюмо все было расставлено в первозданном виде. Здесь кто-то прибирался!

Я пулей вылетела в коридор, поймала жреца, который сначала чинно шел в одну сторону, а потом бежал в противоположную.

- Кто прибирался в моей комнате? Кто принес еду? – наседала я, пока он пытался связать пару слов. – Где служанка?

Дрожащий палец указал в сторону какого-то коридора, а я бросилась по нему, пытаюсь представить, что сделаю с этой слишком старательной служанкой.

Я налетела на каких-то девушек, которые стояли за поворотом и обсуждали, что кому-то из участниц Бог Тьмы преподнес тайный подарок.

Так, стоять! Что значит, тайный подарок? То, что тайный подарок преподнесли не мне, меня слегка обижало. Значит, у него есть фаворитка! И это – не я! Ну-ну!

- Кто прибирался в моей комнате? – спросила я, трясая первую изумленную девушку, пока вторая пятилась. – Кто прибирался? Отвечай!

- Я просто приносила еду, - икнула моя жертва пушистого произвола. – Я просто принесла и расставила тарелки! Я ничего не делала!

Вторая пятилась, а я отпустила одну служанку, направляясь ко второй.

- Ты прибиралась в моей комнате? – взревела я, трясая ее за грудки. Служанка кивнула, а я выдохнула с облегчением, опустив ее.

- Ты под матрасом тоже прибиралась? – спросила я, оттаскивая ее в сторону и заглядывая в квадратные глаза.

- Я не помню... Я прибиралась в каждой комнате, - лепетала она, часто моргая. – Во всех комнатах прибиралась...

- Куда мусор дела? – наседала я, гневно трясая ее за грудки. – Отвечай!

- Мусор? – задохнулась служанка, осматриваясь по сторонам в надежде на помощь. – Я его выбросила... Я тщательно прибираюсь...

Еще немного, и прибраться придется за ней. Паника охватила меня в тот момент, когда я представила, что придется просто линять линять, а потом линять отсюда!

- Где мусор? – прошипела я, понимая, что богиня без определенного места жительства вполне может копаться в чужой помойке!

- Мы его отнесли на задний двор, - выдохнула дрожащая девушка, а я отпустила ее, бросаясь в ту сторону, куда она кивнула. Соображала я медленно, зато мчалась очень быстро, вылетая в темный двор. Ничего! Мусор свежий, значит, найду быстро!

Я смотрела на огромную кучу мусора, которая напоминала бархан, простонала и захныкала. Ладно! Не отчаиваемся! Тут неглубоко! Мусор же недавно выбросили?

Стараясь не дышать, я стала искать палку, которой можно было бы аккуратно разворошить груды. Палка была найдена, а я принялась разгребать завалы возле кучи. Обрывки лент, очистки, обломки моей статуи, какие-то картины, сломанные доски, обрывки ткани. Раскопки пока ни к чему не привели, а я немного углубилась. Запах, вокруг заставляет глаза слезиться. Над овощами летали мухи, я умудрилась вляпаться в картофельное пюре, брезгливо отскребая его с ноги. Я подрыла мусор со всех сторон террикона, а потом взглянула на вершину. Мало ли? Вдруг у нас тут усердная скалолазка с ведром!

Я стала карабкаться на самый верх пищевой цепочки, понимая, что если не найду осколок – мне кранты! Мусор падал под ногами, срываясь в картофельную пропасть, над которой кружили мухи.

- Ты что там делаешь? – послышался голос, а я обернулась, видя проходящего мимо жреца, выбрасывающего какие-то битые стекла вперемешку с черными перьями. Линяет все-таки подушечка!

- Готовлюсь к ночи любви! – произнесла я, гордо шмыгнув носом. – У нас, на глубоком севере перед важным событием валялись в тухлой рыбе!

На меня посмотрели очень выразительно. По глазам было видно, что как только его компас покажет на север, бедняга будет бежать в сторону противоположную.

Я продолжала раскопки, ковыряя палкой мусор. Груда подо мной пришла в движение, а я на какой-то обломанной доске поехала вниз. Аккурат в то самое место, мимо которого прошла с мыслью: «Если падать, то только не сюда!».

Когда я очнулась, в голове гудело, а лежала лицом в тухлых овощах. Я с грустью посмотрела на груду мусора, принялась к себе, мысленно содрогаясь, и осознала, что жить мне осталось всего ничего.

Отряхнувшись, я мельком посмотрела на храм, а потом прикинула, что меня сегодня еще ждет ночь любви и обожания! Или пять минут радости и «одевайся!». Как пойдет.

- Уже началось? – переговаривался кто-то в конце коридоре, а я оставила свою надежду найти хоть что-то в этой крошечной темноте. – Опять собирать этих дур! Как же они мне надоели! Моя корчит из себя не пойми что! То прическа ей не так, то подушка не так лежит! Она словно издевается!

- А что ты думала? – усмехнулся второй голос. – Она же госпожа теперь! Ты мою еще не видела! Она мне вчера по лицу дала за то, что я ей сережки не в том порядке подала! Фу! Чем это пахнет?

Я прошла мимо, понимая, что запах возвещает о моем появлении заранее, как бы представляя меня.

Грязная, злющая, я ковыляла в свою комнату, чувствуя, как мне дико хочется помыться! Но куда там мыться, если чары спадут? С шерсти на правой руке капали помой, а я старалась дышать через раз!

- Богиня! – послышался сдавленный голос, а я дернулась, поглядывая по сторонам. – Богиня! Я тут!

Я бросилась к кровати, подняла матрас, но ничего не увидела.

- Богиня! – послышался голос надо мной, а я увидела, как сквозь маленькую прорезь что-то сверкнуло.

- Ты как там очутилось? – обалдела я, вспоминая помоечные приключения. Ничего себе! Я там, значит, всю помойку перерыла, а оно тут!

- Я спряталось! – гордо ответило зеркальце, а я пыталась выдохнуть, но вдыхать было нечем.

- Так! Я срочно отмываться, а потом вернешь мне... - начала я, но в дверь постучали: «Пройти в главный зал!». Я с грустью посмотрела на себя в зеркало, прижала к себе

осколок, пряча его в густой шерсти. В комнате стоял такой запах, хоть тараканов выноси вперед ногами. Я принялась к своему благоуханию, открыла дверь, выходя в коридор.

- А где твоя служанка? – язвительно спросил Рубинчик, когда я вошла в зал.

- Съела, - коротко ответила я, а Рубинчик поморщилась.

- Фу! Не подходи ко мне! – скривилась она, шарахаясь в сторону. «... тайный подарок! Интересно, кому?», - шептались девушки. Ничего-ничего, сейчас я отыграюсь! Несите мой баян!

Мне казалось, что помойка кочует вместе со мной. Красавицы шарахнулись в сторону, зажали носы и скривились. Кто-то тихо хныкал и умолял убить его.

Бог Тьмы вошел одарив нас взглядом, как вдруг замер и принялся.

- Это что еще за запах? – спросил он, пытаясь выдохнуть. Но для того, чтобы выдохнуть нужно для начала вдохнуть!

- Это от меня! – гордо произнесла я, делая шаг к нему. – Мы, на глубоком севере, всегда натираемся тухлой рыбой, перед особо важными событиями!

За спиной послышался смешок. Хорошо! Сами напросились!

- За подарок спасибо, но я его выбросила, - вздохнула я, понимая, что у меня самой глаза слезятся.

- Что? – послышалось со всех сторон. – Он что? Ей подарил?

- Какой подарок? – изумился Бог Тьмы. За спиной послышался недовольный гул голосов: «Так это ей!!!», - волновались девушки и дышали глубоко-глубоко! А зря...

- Ой, простите, - развлекалась я, тут же опустив глаза. – Это же тайный подарок! Я не должна была о нем говорить!

- Я больше не могу, - простонал кто-то позади меня. – Спасите! Откройте окна! Умоляю... Выпустите меня отсюда! Не нужен мне такой отбор! Я прошу вас! Это невыносимо!

- Так! – потерла ручки я, хватая Бога Тьмы и обнимая его изо всех сил. – Когда у нас секс?

Он смотрел на меня с мольбой. Никогда еще не видела у него таких жалобных глаз. За моей спиной, судя по грохоту, кто-то сомлел.

- Ты как планируешь? – пристала я, понимая, что у бога тьмы нет сил сопротивляться. – Пять минут на каждую не снимая носков и всю ночь свободен?

Бог Тьмы покачнулся и обмяк, оседая на пол.

- Правильно говорят, первое время нужно натираться рыбой и протухшим тюленьим жиром! Потом мужик соглашается с неизбежным, готов на все, лишь бы не тюлений жир, перестает плакать по ночам и даже начинает принимать участие в сексе! – сообщила я, таща Бога Тьмы по полу за ногу.

Он пришел в себя, но еще не понял, почему скользит по паркету.

- Рrrrrr! Это моя добыча! – порычала я, оборачиваясь к конкуренткам. – Вот поохотились бы на мамонтов с мое, тогда бы и рассказывали, как мужиков соблазнять надо!

Я наскоро закрыла дверь, глядя на то, как Бог Тьмы встает, глядя на меня с такой бледностью, словно тут не секс планируется, а стакан воды на долгую мрачную дорожку.

- Не плачь, - погладила я его по голове пушистой лапкой. Если вы думаете, что это – нежность, то глубоко ошибаетесь. Нужно же как-то картошечку вытереть? – Ты мне понравился, так что выбора у тебя нет.

Мне кажется, или темнота начинает меня бояться сильнее, чем я ее?

- А теперь мои фантазии! – обрадовалась я, потирая меховые лапки. От меня пахнет так убойно, что стоит начать с некромантки и свежего трупа! А потом плавно перейти к «больному» и «медсестре».

- Веревка есть? – задумчиво спросила я, поглядывая по сторонам. Бог Тьмы встал, стараясь держаться от меня подальше. Слеза покатила по его щеке, а он посматривал в темное окно.

- Если улетишь, я залечу! – применила я аргумент, а глаза Темного Бога стали большими-большими. – Поверь, я – еще та птичка! Как снесу тебе яйца, будешь знать! Давай, показывай свое гнездо разврата! А то мне уже не терпится! Знаешь, сколько лет у меня мужика не было?

Бог Тьмы как бы тонко намекал, что нам не мешало бы начать любовь по переписке, и что это был тот самый случай, когда в разлуке любовь только крепла!

- Я готова быть твоим плюшевым мишкой, – коварно произнесла я. У любого главгада должен быть свою плюшевый мишка!

На меня смотрели красноречивым взглядом: «Ты бы помылся, ежик!», но «ежик» мыться категорически отказывался.

- А теперь поиграем в дикого и ненасытного зверя и его несчастную жертву! – анонсировала я, со вздохом любуясь красивым мужчиной, которому в перспективе собираюсь оторвать генофонд.

Бог Тьмы если и хотел броситься, то исключительно в сторону от меня противоположную. Сделав над собой усилие, он подошел ко мне. «Обнять и плакать!», – это про меня.

- Стоять! – остановила его я, возмущенно топнув ногой. – Дикий и ненасытный зверь – это я!

Я бросилась на него, валя его на кровать и утробно рыча. Что-то мне подсказывало, что на север он точно не полетит. Ни при каких обстоятельствах!

Он лежал на подушках, а я поудобней устроилась у него на груди.

- Ну давай поиграем в «Красавца и Чудовище»? – предложила я, но Бог Тьмы отказался. – Тогда я монстра, который бросается из темноты и затаскивает обмякшее тельце в темноту, вытирая крыльями пол? Как на счет охоты? Ты бежишь, а я охочусь? Поверь, от меня еще ни один белый медведь не убежал!

- Ты хотела переспать? Значит, спи! – произнес Бог Тьмы, пытаясь выбраться из-под меня, но я устраивалась поудобней.

- Тогда поиграем в ролевую игру! Ты – самый жадный мужик на свете, а я – твоя жаба! – сладко улыбнулась я, но моей улыбки он не видел. – Отличная поза! Жаба сверху!

Я осторожно вытащила осколок и сунула его под его матрас с моей стороны. Меня терзали смутные сомнения, он уснул или сомлел.

- Так! Ты уснул или в обморок упал? – возмутилась я, прислушиваясь к дыханию. – Нет, ну дышишь, уже хорошо!

Я чувствовала такую усталость, что едкий запах помойки казался небольшим препятствием ко сну.

- Не спи! – повторяла я себе. – Спать нельзя! Ни в коем случае!

Пару раз я придремала, панически просыпаясь и укоряя себя в том, как умудрилась пропустить момент засыпания.

- Не с-с-спи, – мысленно цедила я, кусая губы. – Не вздумай спать.

Проснулась я от того, что меня обнимают крепко-крепко, а я не сразу поняла, что это щекочет мне нос. Меня завернули в крылья, а я попыталась освободить руку, чтобы протереть глаза... но, ужас! Личина спала, а я трогала пальцами гладкую кожу. Не может быть! Почему так быстро! Ничего, ничего... Зеркало под матрасом. Да вот дотянуться до него из кокона невозможно! Я не учла, что он заворачивает девушку в крылья!

Молча паникуя и сопя, я честно прислушивалась к его дыханию, пытаюсь понять, спит он или нет? Моя дрожащая рука искала выход из кокона, прикасаясь в мягким внутренним перьям. Главное, не расчихаться! А очень хочется! Какое-то особо назойливое перо лезло мне прямо в нос, явно желая моей смерти, но я отводила лицо подальше, мысленно умоляя его прекратить. Промелькнула шальная мысль выдрать его зубами. А вдруг проснется?

Я осторожно попыталась повернуться, чтобы не разбудить. Сердце вздрогнуло, а я поняла, что меня обнимают всеми руками. На всякий случай я высунула нос, чтобы убедиться в том, что жертва спит. Да, он спал, повернувшись ко мне лицом. Черные волосы облепили его щеку и разметались по подушке. В комнате царил полумрак, а я пыталась отползти, понимая, что мои руки держат в своих руках. Вот была бы мужиком, попробовала бы жгутиком, а так приходилось осторожно отталкиваться ногами. Если я сейчас не дотянусь до осколка, пушиной лис обнимет меня маленькими лапками, потрется об меня и скажет, что останется со мной до конца моей жизни. А это приблизительно еще несколько часов. Или минут!

Моя рука потянулась к краю кровати, а я отчаянно стиснула зубы, медленно выскользая из цепких лап. Вот отрасли маникюр! Больно же!

Я осторожно спустила босые ноги на пол, сунула руку под матрас, извлекая осколок.

«Осколок!», - звенело в голове. Мысль о том, что сейчас судьба подарила мне еще один шанс убить его, пробежала холодком. «Пока еще не поздно!», - шептал внутренний голос, к которому я прислушивалась. «Потом пожалеешь!», - убеждал внутренний голос. «Другого шанса не будет!», - сочилось ядом по венам. «Он тебе жизнь испортит!», - слышался шепот в темноте. «Ты ему не нужна! Была бы нужна - не устраивал бы отбор!», - звенело в ушах. «Не сомневайся! Он сказал, что убил тебя, а сам тихо ищет, чтобы прикончить!», - шептали голоса в голове.

Я задыхалась в темноте, глядя на безмятежно спящего бога, укрывшегося крылом. Его беззащитная грудь была обнажена, а я мысленно пыталась взять себя в руки. От моих пальцев шло мягкое свечение, отражаясь в сонном зеркале. Я беззвучно выдыхала, а ниндзя записывали, как я это делаю, отмечая мастерство и профессионализм.

«А если он вдруг узнает, что это ты?», - шептало что-то внутри, а рука медленно поднялась. «Что он с тобой сделает?», - звучал в голове вопрос, на который я не могла ответить. «Помни, он бог лжи, коварства и предательства!», - сердце замерло, пока я смотрела на полуоткрытые губы.

Почти бесшумно я скользнула к нему, склонилась, сжимая наготове осколок. Глядя на то, как вырывается его мерное дыхание, я облила нервно-пересохшие губы, а потом склонилась над ним.

- Это же подло! - прозвучало другой голос в моей голове, а я замерла. «Ты - богиня света! Богиня правды, истины и любви!», - слышался еще один голос, заглушающий тот предательский шепот. «Разве истинные богини правды, истины и любви так поступают? Ударить спящего врага! Подло, исподтишка, предательски!», - голос становился все громче и отчетливей. Была бы я простым человеком, к нему бы вряд ли прислушалась бы. Но я - богиня!

«Убей его!!!», - кричал внутри навязчивый голос.

- Ты подарил мне жизнь еще раз. Я дарю жизнь тебе, - прошептала я, едва заметно улыбнувшись. - Мы квиты. Просто не люблю оставаться в долгу...

Со вздохом я склонилась, осторожно целуя его губы и боясь разбудить своим дыханием. Вот за что? За что он мне так нравится? Почему он? В мире столько мужиков, а тут!

Я села на кровать, сжимая осколок и чувствуя, как слеза потекла по щеке.

- Верни мне мою мохнатость! – шепотом потребовала я, глядя, как осколок начинает светиться. На руках появилась шерсть, а я со вздохом встала и вышла за дверь. Темные коридоры сменяли один другим, а я брела, натываясь на стены. Дойдя до своей комнаты, я открыла дверь и упала лицом в кровать, пряча осколок под подушкой.

Утром нас подняли по боевой тревоге, а я вскочила, слыша, как дверь выносят вместе с остатками сна!

- Срочно в главный зал! – послышался голос, а я бросилась туда, не забывая осколок. Бог Тьмы стоял перед нами, расправив крылья. Участницы смотрели на меня такими взглядами, с которыми можно смело идти в лес без спичек!

- Три минуты! – показала я на пальцах расстроенным девушкам, готовым придушить меня на месте. Странно, но нас осталось пятеро, что не может не радовать! – Сначала три из всех сил, а потом минута!

Кто-то из оставшихся засомневался в целесообразности имени мужика с такими способностями, а я вздохнула, ожидая нового подвоха.

- Сегодня вечером, будет еще одно испытание. Советую вам подготовиться к нему очень тщательно, - на губах Бога Тьмы расцвела улыбка. Только не говорите, что поделки из говна и палок! – Я хочу, чтобы вы сделали мне подарок.

В честь чего это? «Лучший подарок сделан собственными руками и губами!», - послышался гаденький голос внутри меня, а я посмотрела на других конкурсанток, которые явно были растеряны.

- Каждая должна приготовить мне подарок, - продолжал Бог Тьмы. – В зависимости от того, какой подарок вы мне сделаете, вы получите подарок с моей стороны.

Жрец в темной мантии подошел к Темному Богу, опустив голову.

- Простите, что прерываю вас, но утерянное ожерелье с камнем в двадцать четыре карата так и не нашли, - смиренно произнес он.

Сколько?! Я видела, как девочки выдыхали. Глаза моей соседки – шатенки распахнулись так, что мне показалось, левый вывалится. Рубинчик нервно сглотнула, а я пыталась прикинуть, как вообще можно такое потерять?

- Продолжать поиски? – произнес жрец, пока Бог Тьмы задумчиво смотрел на нас.

- Да нет, пусть валяется, - лениво произнес Бог Тьмы. – Не обеднею...

- Да, но он же стоит целое состояние! За такие деньги можно купить замок и всю жизнь прожить безбедно! – спорил жрец, а Бог Тьмы махнул рукой, отсылая его подальше.

Девушки тревожно переглянулись, а я мысленно пыталась представить себе камень в двадцать четыре карата! Нас отпустили, и мы отправились по комнатам.

Внезапно блондинка остановилась, осторожно отгибая ковер.

- Понятно! – язвительно произнесла Рубинчик, высокомерно глядя на нее, а сама глазами шарил по полу.

- Если мы найдем камень, то возвращать его необязательно? – наивно спросила блондинка, а ответом ей послужил смех. Двери хлопнули, а я зашла в комнату, пытаюсь понять, на кой мне сдался мужик, потерявший камень в двадцать четыре карата, и считается ли подарком жизнь, подаренная вчера?

Нужно думать над подарком. «Подари ему пять минут спокойствия!», - шептал внутренний голос, а я дернула головой, отмечая эту мысль. Ишь, чего захотел! «Подари ему улыбку! От улыбки хмурый день светлей!», - предлагал внутренний голос. Я подошла к зеркалу, намазала шерсть вокруг рта красными румянами, имитируя кровь, улыбнулась, понимая, что мир действительно становится светлее, просторней и намного

дружелюбней, есть так улыбаться почаще.

Я расхаживала по комнате, в голове появился абонемент на эротический массаж, расчерченный от руки. Но я отмела, представляя, что сотру руки по колени в рамках этой акции.

Я высунулась за дверь, осмотрела пустой коридор и двинулась в сторону родной помойки. Кружок умелые и грязные лапки обязательно порадует темного властелина чем-то очень душевненьким и милым. И пусть только попробует не взять!

Проходя мимо одной двери, я остановилась, слыша возмущенный голос.

- Ты что так волосы дерешь, дура! – слышался визгливый голос одной из красавиц. – Быстрее! Там камень потеряли! Все уже небось ищут! Сколько ты еще с этой прической возиться будешь, дура?!!

- Простите, я стараюсь как лучше, – слышался кроткий голос служанки. – Может, наверх зачесать?

- Ты с кем спорить собираешься? С будущей богиней? Я сказала, что достаточно! – прозвучало в ответ.

- Как скажете, госпожа, – слышался кроткий голосок.

- Шевелись, копуша! – слышался недовольный голос. – Тебе еще на голове прическу делать!

Я отошла от двери, вздохнула, понимая, что интимные стрижки не для меня. Ничего! Сходим на помойку, поищем чего интересного...

Дверь открылась, а меня чуть не снесло. Мимо меня гарцевала красавица вместе со служанкой: «Только так, чтобы никто не заподозрил, что мы что-то ищем!».

Я вздохнула, понимая, что все уже нашли до меня, добрела до знакомого коридора, узнавая его по запаху.

- Ищи, дура! – слышался голос неподалеку, напоминающий шипение полузадушенной гадюки. – Посмотри за столиком! Мало ли! В тронном зале мы уже были! Там эта дурочка пошла копать! Ха, мы там все осмотрели! Чего встала! Ищи давай! Я что? Одна тут по пыли руками шарить буду?

Я остановилась, выглянула за угол, видя, как обнаженная красавица и служанка просовывают пальцы под плинтус.

Интересно! Я решила сменить направление, пройдя мимо них.

- Кажется, что-то нашла! – обрадовался голос одной из конкурсанток, а за моей спиной раздался крик: «Фу! Остатки крысы!».

В тронном зале царил переполох. Сразу две девушки тщательно изучали каждый стык камней, бросая друг на дружку взгляды, преисполненные ненависти. Их служанки сидели и обшаривали пол.

«И пока красавицы бороздят просторы дворца...», – пронеслось в голове, а я выглянула в следующий коридор, видя, как там с тщательностью сыщиков работают служанка и госпожа.

- А что это у нас за артель уборщиц? – поинтересовалась я, глядя на потуги. – Девушки без образования нашли работу по специальности?

- Пошла ты! – огрызнулись на меня в два голоса, проверяя каждый стык коврой дорожки.

От нечего делать я вернулась по прежнему маршруту, понимая, что так тщательно во дворце еще не убирали.

Мусорный ветер дунул в лицо, а маленький помоечный оборотень потер лапки

предвкушении раскопок. Нет, а из чего еще ему делать подарок? Отличный кусочек стекла, если что! Переливается! А вот тут можно взять раму! Главное, опять не вступить в картофельную мину. Я рылась, думая, что бы такое изобразить, как вдруг поскользнулась на коже и тут же обезвредила собой картофельную мину. Пока я вставала, пытаюсь не растерять свои находки, в картошке что-то сверкнуло. Я с явным интересом поддела блестяшку куском рамы, как вдруг в моей руке сверкнул огромный камень на массивной цепочке.

Я глазам своим не поверила! Сверкающий камень вращался вокруг своей оси, а с него стекала картошка. Приятного аппетита!

Помимо камня на цепочке были еще какие-то висюльки с россыпью маленьких камней.

В какой-то момент у меня перехватило дыхание, и я начала жутко икать. Сгребая загнувшими лапками свои находки, я потащила их в свою комнату, которая превратится в лабораторию сумрачного гения. И если через полчаса послышится мой крик: «Оно живет!!!», спасайтесь, кто может!

Я дотащила свои находки до комнаты, по пути встречая девушек с загадочными улыбками, хоть портреты пиши! Они смотрели друг на друга с таким снисхождением, что я крепче ухватила свою находку.

В центре комнаты был свален погребальный костер моей гениальной идее подарка.

- Нужно дарить человеку то, чего у него нет! – строго произнесла я, расхаживая по комнате. – Чего у него нет? Мозгов и совести! Где взять мозги – я не знаю. Отщипнуть от своей совести я тоже не могу.

Через полчаса я лежала на кровати, лениво косясь на будущее произведение искусства.

- Нет, хорошо бы подарить ему счетчик входящих и исходящих! – мечтала я, представляя, как Бог Тьмы задумчиво смотрит на то, как я ставлю пломбу у него между ног. Но сначала сверлю ему мозг!

«Так! А что это у нас за несанкционированное входящее и исходящее?», - подозрительно прищуриваюсь я, упирая руки в боки. «Молнией зажег!», - оправдывается горе, а не мужик. «Ну-ну!», - совсем не верю я, пока мне на стол не кладут раненого бойца. «Ладно, живи!», - соглашаюсь я до следующего раза, обновляя «опломбировано».

- Прекращай! – потрясла я головой, понимая, что время идет, а с подарком пока что все очень грустно. Драгоценная находка валялась в общей куче, а я честно не знала, что с ней делать.

«Нужно дарить произведение искусств!», - нашептывал внутренний голос.

Я посмотрела на груды обломков рам, каких-то разноцветных стекол и тряпочек, понимая, что для начала это должно стать «сложением искусств» или «умножением».

- Ладно! Если все получится, - решительно встала я с кровати, сортируя мусор. – Придумаем пафосное название. Если ничего не выйдет – назовем «биеннале»!

Кондитерская фабрика имени маленького помоечного оборотня трудилась не покладая пушистых лапок, не смотря на запах деталей.

Через час я посмотрела на результат, решив, что все-таки больше «биеннале»! Но такого у него точно нет? Я, между прочим, подарок делала своими руками! Длинная алая лента, найденная на том же складе запчастей, обмотала все это несколько раз.

- В главный зал! – слышался голос, а я панически заметалась, прикидывая, куда спрятать украшение. Возвращать его я категорически не планировала. Кто там сказал, что лучшие друзья девушек – бриллианты? Так вот, у меня появился лучший друг!

Я металась по комнате, пытаюсь пристроить лучшего друга куда-нибудь, где его не найдет вездесущая уборщица.

- Выходите! – слышался раздраженный голос за дверью. – Или мы выйдем дверь! Сказали

всем явиться в главный зал!

- Ой, я не одета! – икнула я, лихорадочно соображая. Все! Кажись, пристроила. Я схватила свое «биеннале», открыла дверь и выползла в коридор. За поворотом слышались голоса, а красавицы стекались в главный зал.

Мы стояли в ожидании, а я держала на руках свое благоухающее произведение искусства. Может однажды оно войдет в историю. Но пока что оно было немного липким и пахнущим.

Нас обдало ветром, а на пол мягко приземлился Бог Тьмы, осматривая нашу великолепную пятерку.

- Я решил, что каждый подарок достоин награды. И она будет такой же, как и подарок, - усмехнулся Бог Тьмы, хищно осматривая прелести. Особенно мои, покрытые густым мехом. В моей комнате вообще можно не топить.

- О, мой бог! – тут же сладко улыбнулась Рубинчик. – Я хочу подарить тебе букетик! Я собирала его сама!

Ее служанка опустила глаза и вздохнула.

- Отличный банный веник! – вздохнула я. – Просто замечательный!

Бог Тьмы принял букет и поцеловал руку дарительнице. Жрецы внесли роскошный букет роз, а он вручил его Рубинчику.

- Я хочу подарить вам шитье! – произнесла Сапфирчик, протягивая ему подушку с каким-то цветочком. Ее служанка тоже вздохнула и пососала палец, а потом тряхнула рукой. – Я сама шила ее! И думала о вас!

- То же мне, прокурор, - насупилась я, понимая, что мой подарок как-то меркнет.

- Благодарю, - прошептал Бог Тьмы, прикасаясь губами к ее руке. – Очень признателен...

Красавице внесли целое полотнище, похожее на одеяло, а она уверяла, что будет представлять, что это ее обнимает Бог Тьмы.

- Трехголовый петух – отличная замена! Один в один! – закивала я, соглашаясь с альтернативой.

Темный Бог сделал еще один шаг, а ему тут же вручили рисунок. Служанки переглянулись и украдкой вздохнули.

- Я нарисовала вас, - прошептал Изумрудик, протягивая ему портрет. – Я ничего не могу с собой поделать! Мои мысли только вами и заняты!

Бог Тьмы принял бумажку, в которую я сунула любопытный нос.

- Один в один! – обрадовалась я, соглашаясь с тем, что подарок очень стоящий. – Просто вылитый! Особенно правое, выпирающее ухо! Вот как позировало!

По знаку Бога Тьмы жрецы внесли портрет красавицы. Значит, знали заранее? Я так понимаю, что служанки в курсе всего! Ну-ну...

Охи, ахи, крики восхищения, а Изумрудик, готова была броситься ему на шею, чтобы расцеловать. Ее служанка украдкой улыбнулась. Бог Тьмы неумолимо приближался ко мне, а ему протягивали сшитую игрушку.

- Я хочу, чтобы она всегда напоминала вам обо мне! – с улыбкой произнесла Агатик, а кварц волосатик в моем лице мысленно потер ручки.

- Втыкайте иглы, и будет вам счастье, - улыбнулась я, глядя на красивую куклу, которую внесли и вручили конкурсантке, целуя ей руку. Я пыталась замотаться в ленту, поставив свое биеннале на пол. Бантик получился отвратительный, поэтому я ее постоянно поправляла.

- Вот! – протянула я свою скульптуру. – Она символизирует нашу с вами любовь! И ту ночь любви, которую мы с вами провели! Но это – не подарок. Это – презент. А я решила подарить вам себя! И жду взаимной любезности!

Нет, ну а что? Лучший мой подарочек – это я!

Бог Тьмы пытался понять что вообще он держит в руках, но судя по запаху уже догадывался, где были найдены запчасти.

- А почему мне руку не целуют? – обиделась я, протягивая вонючую ладошку.

Бог Тьмы передал жрецам подарок, которые слегка растерялись сами, а потом растеряли половину запчастей. Он посмотрел на меня жалобно-жалобно, но я была неумолима. Бог Тьмы склонился к моей пушистой лапке, как бы раздумывая, а потом набрался мужества и поцеловал ее.

- Я точно ту руку дала? Или надо было давать чистую! У вас туалетная бумага кончилась, - развлекалась я, глядя на то, как он застыл на месте. – А я скромно решила не беспокоить вас! Зачем беспокоить, если есть рука!

Бог Тьмы не успел ответить, как в зал вбежал жрец. Спешным шагом, заправляя руки в рукава, он следовал через весь зал, притихший в ожидании. Глаза Бога Тьмы сверкнули, а он улыбнулся мне.

- Я обязательно воспользуюсь твоим предложением, будущий коврик! – усмехнулся он, пока жрец осматривался по сторонам, словно нес тайну государственной важности.

- Простите, что прерываю вас! – произнес он. – Но мы узнали, что ожерелье с камнем находится у одной из участниц отбора! Она прячет его в комнате!

В этот момент холодный пот пробежал не только меня, но и остальных.

- Неужели кто-то из вас решил обмануть меня? – с улыбкой произнес Бог Тьмы, глядя на всех нас. – Я не потерплю воровства в моем дворце. Я обещал, что никого не вышвырну в рамках отбора, но это не имеет никакого отношения к отбору. Если я узнаю, кто это сделал, у него будут большие неприятности! Признаваться уже бессмысленно.

Сердце ушло в пятки, а я понимала, что стоило бы сознаться, но, видимо, уже поздно. Он решил меня убраться таким способом? Я нервничала, надеясь, что комнату обыскивать не будут!

- Я думаю, что стоит обыскать все комнаты, - учтиво произнес жрец.

Глава десятая. Лучшие друзья девушек - это лубриканты!

Я обмирала, стоя на месте. Остальные участницы чувствовали себя не лучше. Неужели именно так он решил от меня избавиться? Нашел же способ! И не придерешься. Значит, с подарками – это было не испытание. Зачем я оставила себе камушек? Мммм! Сама виновата! Знала бы, кому-нибудь подкинула! Хорошо еще зеркальце при мне, а то совсем тяжело было. Если что, оно всегда сможет перенести меня подальше!

- Значит, обыскиваем комнаты, - холодно произнес Бог Тьмы, а конкурсантки перепуганной стайкой последовали за ним и толпой жрецов.

Мы стояли в коридоре, куда выходили двери наших комнат, а в первой комнате уже во всю шел обыск.

- Нашел! Спрятано под кроватью! – послышался довольный голос, а из комнаты вышел жрец, неся в руках знакомую цепочку с камнем. Как? Не может быть? Это чудо какое-то!

- Открою секрет, - произнес Бог Тьмы глядя на нас. – Я заказал несколько одинаковых ожерелий, которые разбросали по замку. – Я хотел проверить, могу ли доверять будущей богине света. Как видите, одна красавица не справилась и покидает нас. Кто следующий?

Рыдающий Изумруд оправдывалась, уверяла, что собиралась вернуть его, но позже, валялась в ногах, но ее уже выводили под ручки два мрачных типа в черном.

- Забирай свой утешительный приз, - усмехнулся Бог Тьмы, бросая ей злополучное украшение. – И чтоб больше я тебя не видел.

Теперь понятно, почему все так перепугались!

- Еще одно найдено! Спрятала под матрас! – констатировал жрец, неся точно такое же украшение, а Бог Тьмы с улыбкой посмотрел на побледневшую девушку, которая отрицала, тыкала пальцем в служанку, уверяла, что видит ожерелье впервые, и ей его подбросили.

Ожерелье нацепили на нее, провожая к выходу, пока она все еще уверяла, что не виновна! И это просто случайность!

Я стояла ни жива, ни мертва, чувствуя, как дрожат мои руки, а волосы становятся дыбом. Судя по отражению в зеркале, я напоминаю комок шерсти и нервов.

- Здесь чисто, - произнес жрец, покидая комнату Рубинчика. – Простите за бардак. Служанка приберется.

Так вот оно что? Он решил оставить двух конкурсанток! Меня и остальных он решил так изящно вышвырнуть, сыграв на... жадности. Перед глазами мелькали конкурсы, а я пыталась понять хоть какую-то логику. Видимо, ее нет. Просто ему хочется побыстрее закончить отбор!

- Здесь тоже чисто! – произнес жрец, а Сапфирчик едва ли не сползла по стене. Судя по взгляду, она уже три раза сменила веру.

Дверь моей комнаты распахнулась, а я мысленно сжалась, пытаюсь припомнить, куда положила украшение. Судя по звукам, в комнате что-то двигали, а я нервничала, сопя и икая.

- Ищите лучше, - усмехнулся Бог Тьмы, снисходительно глядя на меня. – Каждый угол. Обыщите все! Ожерелий было пять. Не исключено, что еще одно ожерелье находится там. Где же ему еще быть?

Я смотрела на Темного Бога, понимая, что лучшее, что есть в нем – это комок нервов, которые он у меня сожрал!

Жрецы копались, перерывая мою комнату. И ничего!

- Ищите, - потерял терпение Темный Бог, глядя на меня с подозрением. – Если кроме

ожерелья найдете что-то подозрительное – несите! Сегодня будет известна победительница отбора.

Так, а вот это уже не смешно! Мало ли, что он там подозревает? Может у меня там набор ядов и личная коллекция кинжалов? Хотя, постойте. А не закралось ли у него обоснованное сомнение, что я и есть беглая богиня света?

- Ничего нет, - покачал головой жрец, утирая пот, бегущий по лысине. – Мы обыскали все!

- Точно все? И ничего подозрительного? – поинтересовался Бог Тьмы, глядя на меня совсем другими глазами.

- Нет, кроме вот этого! – жрец нес в руках огромный комок шерсти.

- А, это я расчесывала попу! – обрадовалась я. – До головы еще не дошла! Если хотите, я могу собирать вам!

- Значит, остается три участницы, - задумчиво произнес Бог Тьмы, снова бросив на меня странный взгляд. – А я уже думал, что сегодня объявлю победительницу.

В моей комнате экстренно прибирались, так же как и в остальных, а я пыталась вспомнить, куда умудрилась впопыхах засунуть злополучное ожерелье.

- Значит, проведем еще один конкурс, - усмехнулся Темный Бог, останавливая взгляд на каждой из участниц. – Последний. Хотя, победительница уже и так известна, но все может измениться.

Он взлетел, растворяясь в темноте, а я побрелась в свой бардак, уныло приземляясь на сдвинутую кровать. Он уже решил, кто победит! И, видимо, не я!

В соседней комнате послышалось отчетливое: «Тише, госпожа! Не кричите так громко!». Я подошла к стене, прижимаясь к ней ухом.

- То есть весь дворец уже в курсе, что я – новая богиня света? – послышался приглушенный голос.

- Да, - прошептала служанка. – Я только что слышала разговор Бога Тьмы со жрецами. Он хотел вышвырнуть всех участниц, чтобы расчистить тебе путь... Но, видите ли, тут произошла оказия...

- Мамочки! – простонала Рубинчик, тихо поскуливая. – Я – богиня света! Новая Богиня Света!

Настроение тут же поникло, а я растянулась на кровати, вытаскивая запутавшийся в шерсти осколок.

- Ну, что скажешь? – спросила я, глядя на свет, режущий глаза. – Правда, что победительница уже известна?

- Увы, - вздохнул осколок, а я усмехнулась, глядя на свое отражение. – И это – не ты...

- Нет, а разве честно нарушать собственные правила! – возмутилась я, понимая, что битва проиграна. – Он сам сказал, что никого не вышвырнет!

- Он – бог лжи, коварства и обмана, - вздохнуло зеркало, приуныв вместе со мной. Мы унывали наперегонки, пока что зеркало унывало сильнее, но я тоже старалась не отставать, хлюпая носом.

- Неужели он так тебе нравится? – поинтересовался мой осколок, а я отмахнулась. Ну не виновата я, что в мире столько отличных мужиков, а я влюбилась в мерзавца, негодяя и последнюю тварь! Мысль о том, что он определился с выбором, и этот выбор – не я, заставила меня грустно вздохнуть.

- Пока ты у меня, я все еще остаюсь богиней? – спросила я, глядя с надеждой на свет.

- Да, - отозвалось зеркало, пока я думала. Подставить конкуренток не получится. Все

слабонервные уже давно покинули отбор!

Время тянулось, а я мысленно перебирала варианты будущего, с сожалением кусая губы.

- Вы что-то задумали, богиня? – поинтересовалось зеркало, пытаюсь меня приободрить. – Вы не расстраивайтесь! Еще один конкурс впереди! Я уверено, у вас есть шанс!

Шанс, может быть, и есть... Но я сомневаюсь. Уныние напоздало со всех сторон, а я чувствовала, что что-то здесь не чисто. Я посмотрела на осколок, понимая, что разбить зеркало – очень плохая примета. Особенно, если за последним осколком охотиться Бог Тьмы. Ну должна же быть логика у конкурсов!

Уныние напоздало, а я молча смотрела в потолок, думая про себя. Уныние? Погодите-ка! Я резко встала да так, что перед глазами замелькали мурашки. Уныние! Сколько грехов есть? Семь! Первое испытание раздеться догола. Это должно было вызвать гнев у любой порядочной девушки! Второе испытание, которое я помню, было развлечение! Да! Его нужно было развлечь! Праздность! Потом обжорство. Потом похоть, когда он предложил провести ночь с каждой. С камушком – жадность. С подарками – лень, а сейчас уныние... Да!

Я высунулась из комнаты, прислушиваясь. Странно, но мне только что слышались голоса в соседней комнате. Я подкралась к двери, слыша голос служанки: «Ну не впадайте в уныние! Все может повернуться в вашу пользу!». Горестный всхлип: «Он предпочел это лохматое чудовище!» заставил меня задуматься. Только что я слышала нечто совсем другое!

- Ты... Ты слышала ее ликование! Эта блондинистая стерва выиграла отбор! – выло что-то, вызывая содрогание даже у помоечного оборотня с очень крепкой психикой.

Недоверчиво прислушавшись, я направилась к третьей комнате. Странно, но здесь, по моему, кого-то откачивают.

- Эта брюнетистая дрянь победила! Я так и знала! – слышались рыдания. «Успокойтесь! Не нужно так убиваться!», - звучал голос служанки.

Я успокоилась, повеселела и вернулась в свою комнату, заваливаясь на кровать и довольно сопя. Я недооценила противника. Интересно. Ничего, сейчас посмотрим на испытание и результаты. И тогда я устою ему такой отбор, что он еще долго мне стишки с табуретки рассказывать будет! Долго, потому что останется зайкой на всю жизнь! Я закинула в рот ягодку с тарелки, медленно пережевывая ее.

- Еще одно испытание! Собраться в главном зале! – послышался ненавистный голос. Я встала, выглянула за дверь, видя, как из комнат выползают соперницы, смеряя друг друга ненавистным взглядом.

Мы стояли в зале, а Бога Тьмы все не было. Внезапно двери захлопнулись, а перед нами появился кинжал. Он парил в воздухе на расстоянии вытянутой руки от каждой.

Просто кинжал и тишина, от которой становилось жутковато.

Примерно с полминуты мы смотрели на оружие, а я тут же схватила его, понимая, что девочки настроены решительно.

- Отдай его, чудовище! – верещала Сапфирчик, пытаюсь выхватить его у меня из рук. – Или прирежь ее!

- Ты что? Собираешься объединиться с этой дурой? Тебя же все равно не выберут! – орала Рубинчик, яростно пытаюсь отобрать у меня оружие.

Нужно что-то думать! Кажется, придумала!

- Рррррр!!! – зарычала я, слюной имитируя пену. – Как долго я ждала этого момента! Всех порежу, всех убью! Ррррр!

Девочки тут же оценили размеры неприятностей, приложили их своим попам, смекнули, что размерчик не их, и решили отойти от меня подальше.

- Ах, ты! – завизжала Сапфирчик, впиваясь в волосы Рубинчика, пока та пыталась обеспечить ей стойкий и несмываемый макияж под глазами.

- В правом углу ринга без синих трусов- визажист! В левом углу ринга без красных трусов - парикмахер! – комментировала я, глядя, как они с воем катаются.

- Я – богиня! – рычал Сапфирчик, пытаясь сделать сопернице когтями подводку, в тот момент, когда нетрадиционный способ филировки создавал на ее голове «рванку», больно потянув противницу за волосы.

- Ну кто так бьет! – возмутилась я, глядя на эту пару, которые пищали, визжали и пытались убить друг друга всеми доступными хрупким девушкам способами. –левой бей! У нее справа защита слабая!

- Ага! – сдула прядь волос Сапфирчик, снова наседа на брыкающуюся соперницу.

- А ты чего? – наклонилась я к покрасневшему от натуги Рубинчику. – Кто так волосы рвет? Нормально схватилась и потянула! Раз, два, взяли!

Через две минуты уставшие красавицы с ненавистью расползались по углам.

- Итак, ты как вообще на нее бросаешься? – усмехалась я, понимая, что не можешь справиться с дракой – возглавь ее! А лучше отвледи. – Ты бы у нас на глубоком севере точно замуж не вышла! Мы – охотницы опытные. На оленя ходили, на тюленя ходили, куда нас посылали – тоже ходили. Ничего там интересного нет. А вот на секс ходили только опытные охотницы. Кто быстро бегают и тихо в засаде сидит... Бывает, сидишь в засаде. День сидишь, два сидишь. Караулишь... Секс он бегают быстро и орет громко. Так что тут главное – не промахнуться. Ничего, потом возвращаемся. Нас все встречают с почестями! Еще бы! Секс в деревню несем! Орет, кусается, умоляет отпустить его...

На меня смотрели с ужасом. А я ждала того момента, когда Бог Тьмы поймет, что драки не будет.

- Нет, от одиночества бабоньки себе и моржа притаскивают. А что? Лежит, ничего не делает, лапы свесил, усы напушил, орет, кроме есть ничего не хочет. Многие разницы не видят, - импровизировала я, отвлекая девочек от драки. В моих руках был кинжал, а девицы тяжело дышали, пытаясь привести себя в порядок. – Я вообще в первый раз поцеловалась в десять лет. Вот такой развратной была. С топором на морозе. Никогда не забуду этот поцелуй... Ни один мужик его еще не переплюнул... Два дня продлился поцелуй! Это был самый романтический день в моей жизни.

Я прокашлялась, глядя во тьму. И где наш герой, которого я сейчас своими руками задую за такие конкурсы?

- Потом мы на сосульках тренировались! Очень полезное умение! – откровенно сочиняла я, представляя себе суровые будни выдуманного мира лохматых и одиноких женщин. – Собирались вокруг костра и выли, выли, выли от одиночества...

- А что же ты на отбор поперлась? – сплюнула Рубинчик, пытаясь пригладить остатки прически.

- Да слух пошел, - усмехнулась я, глядя на девочек. – Беременеть начали... У нас пару случаев, в соседней деревне... И в дальней деревне... Приносят шаманке, а она у нас одна. Говорят, что мужик одинаковый к ним прилетал. А шаманка спрашивает: «И когда же успевал? Тут между деревнями неделя пути!». «А у него крылья!», - отвечали бабоньки. Сначала он залетал, а потом вся деревня. Вот и послали меня сюда мол, найди его и приведи. Дети без отца растут!

В глазах девушек застыл ужас, а они смотрели на меня странными взглядами.

- Достаточно! – произнес голос, а из тьмы вышел тот самый «летун». – Я приношу извинения за опоздание. Меня задержали жрецы. Божественные обязанности не терпят отлагательств. Люди просят новую богиню света. И я должен был объяснить им, что не

хочу торопиться с выбором. Никто не видел мой жертвенный кинжал? Я попросил жрецов оставить его здесь до моего прихода.

Я молча бросила его ему под ноги кинжал, не веря ни единому слову.

- Думаю, что мое опоздание должно как-то компенсироваться, - сладко произнес Бог Тьмы, поднимая кинжал и прикасаясь пальцем к острию. - Пройдемте со мной. Я искренне надеюсь, что сумею хоть немного искупить свою вину...

Мы шли за ним, а я прекрасно понимала, что имею дело с самым лживым, с самым подлым и развратным на свете божеством! Внезапно я застыла, а на меня чуть не наткнулась Сапфирчик. Если мне суждено выйти замуж за Пашу, то отбор я не пройду.

Дверь перед нами открылась, а в глаза ударил магический, чарующий блеск золота. Рубинчик застыла статуей с открытым ртом, глядя на сверкание монет, камней и золотых побрякушек. Сапфир выпучила глаза, тихо задышавшись и зажимая рот рукой.

- Я разрешаю вам взять все, что сможете унести на себе, - миролюбиво заметил Бог Тьмы, а на его губах скользнула улыбка. - Кто вынесет больше всех, та и победила! Даю вам час. Наслаждайтесь, девочки. Все золото, которое вы вынесете останется вам.

Дверь закрылась, а Сапфирчик затряслась, бросаясь к огромной горе золота. Она лихорадочно рылась, сетуя на то, что она голая и у нее нет карманов. Зато Рубинчик быстро сориентировалась, надевая на шею ожерелье за ожерельем. Глядя на конкурентку Сапфирчик стала цеплять на руки браслеты.

Я слышала задыхающееся сопение, идя вдоль золотых гор и глядя на них с усталым равнодушием.

- А ты чего ничего не берешь! Бери, дурочка, пока разрешают! - крикнула Рубинчик, нагребая золото, роняя его и тут же снова сгребая. Сапфирчик нашла золотой кубок. Сидя на коленях, она насыпала в него драгоценные камни, выбрасывая те, которые по ее мнению были не так красивы.

- Гляди! - взвизгнул голос позади меня. - Видала? Красотища!

Кто-то чуть не завалился с золотой горы, а я думала, как поступить? Я пнула золотой шлем с дороги, прогуливая вдоль золотых россыпей. Точно такие же россыпи я уже видела в некогда своем храме... И если тогда мне хотелось взять себе золотишка, то сейчас почему-то не хочется. Не в золоте счастье.

- Зеркало, в чем счастье? - спросила я, доставая осколок. Зеркало помолчало, а потом вспыхнуло.

- Наверное в том, чтобы наконец-то стать целым! Найти свои половинки! - произнесло зеркало, а я посмотрела на свое лохматое отражение, снова спрятав его в шерсть.

- Время вышло! - послышался голос, а я повернула к выходу, минуя золотые барханы.

- Помогите мне встать! - простонал слабый голосок слева, а я пригляделась, пытаюсь понять, откуда он доносится. - Руку дай... Пожалуйста... Или лапу...

На золотых монетах лежала Сапфирчик, увешанная золотом так, что я едва сообразила, что это ко мне тянется. Справа медленно ползла Рубинчик, неся впереди себя огромный щит, доверху наполненный монетами. Она дула щеки, кряхтела, но тащила его к выходу.

Я протянула руку Сапфирчику, которая умудрилась нацепить на себя золотую кольчугу, а она с трудом встала, вразвалочку направляясь к выходу. Цепочки и камушки громыхали, в ее руках был кубок с драгоценными камнями, наполненный с горкой. Камушки сыпались вниз, но Сапфирчик мужественно ползла к выходу, останавливая и скрипя доспехами и зубами. На голове ее болталась огромная золотая корона, надетая поверх еще одной.

Двери за нами закрылись, а мы почему-то оказались в красивом зале.

- Я смотрю, что вы постарались, - рассмеялся Бог Тьмы, а Сапфирчик стиснув зубы,

пыталась достать до съезжающей со светлых волос короны и удержать ее. – Но не все. Неужели ни колечка? Ни цепочки? Очень плохо... Как же так?

Все молчали, а рядом, судя по звукам, рожала Рубинчик, пытаясь удержать свой «поднос» с золотом.

- Как и обещал, все, что вы вынесли – ваше, - на губах Бога Тьмы все еще была странная улыбка. – Только одна из участниц не справилась с заданием. И вам придется с ней попрощаться.

Я смотрела на Бога Тьмы, который поднял с пола упавшую монетку, подбросил ее и снова поймал.

- Хотя, постоит-ка, - произнес Бог Тьмы, глядя на меня пристальным взглядом. – Что-то мне подсказывает, что я могу ошибаться. Возможно, она тоже кое-что вынесла из моего храма и сокровищницы.

Он сделал шаг ко мне, а я стояла и понимала, что он ошибается!

Его рука коснулась моей шерсти на груди, а Бог Тьмы рассмеялся, поигрывая тоненькой цепочкой с маленьким камушком. Я забыла! Это же медальон превращения! Караул!!!

- А я искал его. Видимо, все-таки бросил к другим сокровищам, - улыбнулся Темный Бог, глядя на камень, а потом медленно отпустил его. – Все-таки вынесла...

Он повернулся к нам спиной, закинул голову, а потом с улыбкой обернулся, глядя на золотого рыцаря и маленькую золотую черепашку.

- Значит, отбор еще не закончен, - в глазах Темного Бога вспыхнул огонь. – Я предлагаю забавное условие. В мире все продается и покупается. А то, что нельзя купить всегда можно отнять или украсть... У каждой из вас есть достаточно золота, чтобы купить себе право перейти на следующий этап. Если проиграете, то, разумеется, золото вам никто не вернет.

В зале воцарилась тишина. Сапфирчик хлопала глазками, прижимая к золотой груди кубок с камнями. Рубинчик смотрела на свой щит, наполненный золотом с горкой. На каждой из них было столько украшений, что я еще удивляюсь, как у них не прогибаются колени.

- Неужели никто так и не решится? – насмешливо произнес Бог Тьмы, глядя в глаза каждой. – А как же любовь, признания и «о, мой бог!».

Сапфирчик тихо стонала, зажмурившись, а Рубинчик опустила голову.

- С другой стороны, - страстно прошептал Бог Тьмы, подойдя к Рубинчику и поднимая ее темные волосы. Его коготь скользнул по ее слегка припухшей после драки щеке. – Этого золота хватит, чтобы обеспечить роскошную жизнь себе и даже внукам. Неужели не за этим тебя отправили твои родители на этот отбор? Всегда привыкла жить в роскоши, а тут такая беда... Отец все проиграл... Все, до последнего золотого... И даже твое приданое... А тут столько золота... Можно снова жить безбедно... И никакого позора. Вы снова богаты. Ты снова богата!

Рубинчик плакала, прижимая к себе свою добычу. Бог Тьмы нежно погладил ее по голове, перейдя к Сапфирчику, которая надулась, как хомяк. Ее губы тряслись, а она ни за что не хотела выпускать из рук свой кубок.

- Ты же всегда завидовала своей госпоже, - улыбнулся Бог Тьмы, расправляя белокурые локоны. – Еще бы! У нее – очень богатая семья. Это она может с легкостью швырять по комнате драгоценные украшения. Ты с завистью смотрела на ее переполненные шкатулки. У тебя теперь больше золота, чем у нее, не так ли?

Он погладил ее сгибом пальца по щечке, глядя ласково и даже нежно.

- А ведь всего-то вам и нужно было, - вздохнул Темный Бог, потряхнув роскошными волосами. – Золото. Просто золото. Готовы ли вы обменять его на призрачный шанс стать богиней? Еще неизвестно, кого я выберу. Вы можете лишиться всего...

Я молча смотрела на это чудовище, поражаясь его жестокости. Сапфир шмыгала носом, качая головой. Рубин плакала, тяжело дыша.

- А ты, - Бог Тьмы подошел ко мне, насмешливо глядя в мои глаза. - Ты, мой кварц - волосатик, готова отдать единственное украшение, чтобы стать богиней? А ведь это всего лишь тоненькая цепочка с маленьким камушком. Ничего особенного. В моей сокровищнице есть камни намного красивее этого.

Я молчала, чувствуя, как сердце бешено стучит.

- Хорошо, пока вы думаете, я вспомню всех, кто пришел сюда и зачем пришел. Аквамарин. Сирота, у которой все отобрали родственники. Она пришла сюда не для того, чтобы нести людям свет. Она мечтала отомстить родственникам. Теперь она может это сделать, потому что я насыпал ей столько золота, сколько она смогла унести. И проконтролировал, чтобы его не отобрали. Теперь родственники стоят у нее на пороге и просят простить их. Топаз. Ее бросил жених. Обещал жениться, но подвернулась куда более выгодная партия. А сам пустил слух, что она опорочена. Никто больше не стал делать ей предложение руки и сердца, даже за деньги. Теперь она живет в роскошном доме, а ее бывший жених добивается встречи с ней, умоляет простить его и клянется в любви. Девочка взрослая. Сама разберется. Изумруд. Дочь очень богатых родителей, которая полюбила простого слугу. Родители лишили ее наследства, потребовав выйти замуж за какого-то старого богатея. Теперь у красавицы есть свой дом, любимый мужчина и ей плевать, что думают ее родители.

Он перечислял каждую, а я стояла, сжимая в руке камень с цепочкой, так и не решаясь его снять. Если я сниму цепочку, то стану собой.

- Хризолит, - произнес Бог Тьмы. - Родилась в нищете. У нее восемь братьев и сестер. Родители умерли, а она осталась за старшую. Теперь ее семья ни в чем не нуждается. Они впервые поели досыта. Алмаз. Ее мать была неизлечимо больна. Целители заломили огромную сумму за лечение...

Его голос звучал, а я стояла в нерешительности.

-... каждая из них вернулась домой и плакала от счастья. Иногда желание спасти оказывается сильнее стыда и совести. Они счастливы. Я исполнил желание каждой. И то, что происходило во дворце, навсегда останется тайной. Никто никогда не узнает, через что пришлось им пройти, ради своей цели. И теперь я даю выбор каждой из вас. Ради чего вы здесь? Ради денег? Ради власти? Потешить тщеславие и гордыню? Ради мести? Ради чего? Даже если останется одна - единственная участница, это еще не значит, что она станет богиней...

Воцарилась тишина. Рубинчик опустила глаза, и едва слышно выдохнула: «Спасибо вам. Я уйду... Простите, если что не так...».

Сапфир улыбнулась ей, и сама тяжело вздохнула. Она стояла и плакала, понимая, что отказываться страшно, но еще страшнее согласиться.

- Простите, я тоже уйду, - отозвалась Сапфир, а ей помогли поднять ее добычу послушные и молчаливые жрецы.

- Камушки не забудьте, - улыбнулся Бог Тьмы. - Которые вы так умело спрятали...

- Прости, - потупила глаза Рубин, проходя мимо своей служанки. - Прости, пожалуйста... Если вдруг некуда будет идти, ты говори... Ты очень мне помогла... И я вела себя неправильно.

Служанка кивнула, молча принимая извинения и протянула камень. «Оставь себе!», - произнесла Рубин, поглядывая на Бога Тьмы. Он кивнул. Сапфир боялась смотреть в глаза своей служанке, лишь прошептала: «Прости, мне очень стыдно». Служанка улыбнулась, подобрала упавший из кубка камушек и положила его обратно.

- Можешь оставить камень себе. Ты очень помогла, - выдавила из себя Сапфир, отворачиваясь и следуя к выходу.

Я стояла, понимая, что уйти нельзя, оставаться невозможно. Что будет, если он узнает о

том, кто я на самом деле. Он ведь подозревал участниц!

В зале остались только мы.

- Никак не решаешься снять? – произнес Бог Тьмы, глядя на меня с улыбкой. Рука дрожала, а я смотрела в желтые глаза. Страшно, когда не можешь верить тому, кого успела полюбить. Когда? Сама не знаю!

- Ты прошла все испытания, - слышался его голос, пока я молча паниковала. – С самого начала отбора. Я должен был знать, кто действительно настроен серьезно, а кто пришел просто из любопытства. И тогда я предложил самым смелым девушкам раздеться догола. Вот так из нескольких сотен осталось чуть больше десятка. Все так просто, что даже грустно. Ты выполнила это условие.

Я победила, но почему от этой победы нет никакой радости? Казалось бы, все позади, но радости нет. Я смотрела на него, понимая, что за все это время мало того, что привязалась к нему, но еще успела влюбиться в это черное обаяние и неумную фантазию. Он терпел меня весь отбор, а мне страшно сорвать с себя медальончик.

- Ты – восьмая богиня света, - звучали его слова, а я почему-то начинала злиться. – Первая богиня прокололась на обжорстве. Она обожала вкусную еду и с удовольствием выполняла желания тех, кто принесет ей деликатесы, забросив тех, у кого не было такой возможности. На ее место пришла вторая. И золото было ее слабостью. Третья богиня была слишком похотлива. И постоянно меняла любовников, выбирая их среди смертных. Четвертая заводилась с полоборота. И однажды разрушила целый храм, полный людей, многие из которых погибли. А все почему, потому что среди них был тот, кто когда-то ее обидел. Пятая богиня была ленива. Ей плевать было на смертных. мольбы. Шестая богиня постоянно завидовала смертным. Пришла пара попросить благословения, богиня позавидовала и разрушила любовь. А все потому, что у нее нет такой любви. Седьмая богиня была слишком тщеславна. Она едва ли не привела мир к катастрофе.

Он молчал, пока я тяжело вздохнула, потянув за камень и вовремя остановившись.

- Сейчас мир отдыхает от бесконечного дня, который длился много лет, - голос его был тихим, но я слышала каждое его слово. – Ты прошла все испытания. Миру нужен свет. И этот свет – ты.

Миру нужен свет! Отлично! А я нужна ему? Мне, если честно, плевать на весь мир. Вот такая я богиня.

- А с чего это ты решил, что я хочу быть богиней? – спросила я, скрывая улыбку за шерстяными усами. – Я вообще сразу предупредила, что просто пожрать пришла. У нас, на глубоком севере, с едой и сексом напряженка. Что бы мы ни делали, не идут дела. Видно, всех фригидными мама родила... Секс у нас не ловится, не растет оргазм, плачем, богу молимся за волшебный спазм...

Бог Тьмы вздохнул, глядя на мою руку. Он явно был уверен в том, что я прямо сейчас сорву медальон, брошусь к нему на шею с криками: «Я так счастлива, любимый!». Ничего, сейчас я устрою отбор! Отбор мужских нервных клеток.

Резко дернув медальон, я бросила его ему под ноги.

- Вот не зря пришлось перецеловать столько девушек. Я даже назвал одну из них «светлячком», - улыбнулся Бог Тьмы, делая шаг ко мне. – Но ты не дрогнула. И не выдала себя.

Я почувствовала, как он обнимает меня, а в моей руке был сжат осколок.

- Теперь все будет хорошо, мой светлячок, - прошептал Бог Тьмы, гладя мои волосы, пока я готовилась к самому важному решению в своей жизни. Его нежные руки шептали каждым прикосновением, что самое неприятное уже позади, что теперь все будет только хорошо, как в сказке. – Я так рад, что ты действительно оказалась той, которая достойна стать моей богиней.

- Я не хочу быть твоей богиней, - отчетливо произнесла я, понимая, что решилась. Из всех сил я дернулась, выставляя вперед осколок. – Хотя бы потому, что мне пришлось

пройти этот унижительный отбор. Если бы ты хотел сделать меня богиней, то отбора бы не было.

- Если бы отбора не было, - произнес Бог Тьмы, глядя на острие. - То люди бы до сих думали, что ты – старая богиня, которая всем надоела настолько, что проще было ее прикончить! Не от хорошей жизни люди разрушали храмы! Не от хорошей жизни люди готовы были руками ломать статуи!

- Ты мог бы сразу сказать мне обо всем! – закричала я, глядя ему в глаза. Сердце кололо нестерпимой болью, а его рука держала острие осколка. Кровь капала на пол, а я с ужасом понимала, что каждая капля причиняет мне боль. – А не пугать тьмой!

- Маленькая, нежная, беззащитная, добрая богиня, которая несет людям свет и радость, не способна убивать, не способна защитить себя. И единственный кто способен оторвать руки тем, кто посягнул на твой храм и на твои статуи – это я, - произнес Бог Тьмы, просто держась за светящийся осколок, который орал что-то неразборчивое. – Я – бог убийства, лжи, смерти, порока. Тебя они должны любить, а меня бояться. И чем больше они боятся меня, тем больше они любят тебя! Это равновесие, которое недавно пошатнулось из-за чужой гордыни. И вот к чему это привело!

Я чувствовала, как меня пытаются обнять, но что-то странное кольнуло меня прямо в сердце.

- Тише, светлячок, тише... - едва слышно прошептал Бог Тьмы, глядя мою щеку.

- Тебе нужна богиня, - хрипло произнесла я, глядя в его глаза. –Идеальная женщина! Воплощение доброты и милосердия! Я – не твой идеал. И я не хочу каждый день соответствовать и подниматься в твоих глазах на твой пустой пьедестал. Я понимаю тех богинь! В какой-то момент женщина устает быть идеальной! И в этот момент ты ее бросаешь в погоне за своим идеалом, которого не существует!

Его глаза расширились, а я дернула осколок на себя. Откуда-то на мне появилось белоснежное платье и туфельки. С головы моей свалилась сверкающая диадема.

- Хозяин! – противным голосом произнес осколок, а я смотрела на его яркий свет. – Я сделало все, как вы велели! Привел ее сюда, помог ей... Все, как вы говорили! Теперь она богиня! Ура! Она снова богиня! Наш светлячок снова богиня! У нас получилось!

- А вот и нет, - усмехнулась я, глядя на свое отражение в предательском стекле. – Что мне нужно сделать, чтобы перестать быть богиней?

- Эм... Отказаться от божественной силы и выбросить меня! – тут же произнесло зеркало. – Но ты же так делать не будешь? Ты же станешь смертной! Обычной смертной, богиня!

Я пристально смотрела на Бога Тьмы, чувствуя, как ком подступает к горлу.

- Я... - усмехнулась я, набираясь мужества. – Отказываюсь от божественной... силы. Забирай свой осколок! В этом отборе нет победителей. Ищи свой идеал. Удачи тебе во всем, любви, здоровья, с новым отбором!

Изо всех сил я швырнула осколок на пол, а он со звоном подпрыгнул на мраморных плитах.

Подняв подол платья, я бросилась бежать, на ходу рукой открывая двери.

- Светлячок! – послышался голос за спиной, а я прошмыгнула мимо изумленных жрецов.

Коридор петлял, а я уже достаточно выучила план дворца, чтобы безошибочно найти выход.

- Вы куда? – удивилась служанка, которую я чуть не снесла на повороте. – Постойте, богиня!

- Я – не богиня! – произнесла я, несясь вдоль колонн. Слезы застилали глаза, и путь сквозь их пелену был едва различим.

Внезапно передо мной возникла крылатая тень, пытаясь поймать меня и прижать к себе, но я отчаянно вырывалась, награждая его пинками, и кусая за руку.

- Ищи свою богиню! - дернулась я, оставив в его когтях часть рукава платья. - Забудь о моем существовании.

- Я тебя не отпущу! - меня попытались схватить сзади, но я вырывалась, как в последний раз, задыхаясь от удушливой волны слез. - Подумай сама...

- Я уже подумала! - взвизгнула я, решительно идя к выходу. - Я очень хорошо подумала. Людям нужна богиня! Тебе нужна богиня! Вот и ищите ее! А меня не трогайте! Я - не богиня! А ты даже не знаешь моего имени!

В этот момент он замер, а я ускорила шаг.

- Поступай, как знаешь, - холодно произнес Бог Тьмы. - Я не стану унижаться перед тобой. Это - твое решение. Прощай.

Послышался шорох крыльев, а я сделала над собой усилие, чтобы не обернуться, шагнув навстречу прохладному ветру.

- Я больше не богиня, - выдохнула я, глядя на безлюдную улицу и ступеньки, по которым предстояло спуститься. Спускаться легче, чем подниматься.

Пронизывающий ветер заставил с непривычки поежиться.

- Я не хочу быть чьим-то идеалом, - процедила я, растирая плечи. - Вечно соответствовать, вечно играть отведенную мне роль. Пусть кто-нибудь другой сыграет эту роль за меня! Ведь есть же в мире женщины, готовые играть эту роль всю жизнь? Роль идеальной жены, идеальной матери, идеальной хозяйки, роль идеальной любовницы? Вот пусть они и играют!

Я почти спустилась вниз, как вдруг в глаза ударил яркий свет. Я покачнулась, боясь упасть, но меня тут же дернули за руку. Свет погас, а я все еще не могла привыкнуть к темноте. Все казалось черным, непроглядным, каким-то густым и пугающим.

- Итак, - послышался женский голос. - Золушка сбежала, принц остался. И теперь самое время появиться мне...

На всякий случай я мотнула головой, пытаюсь рассмотреть силуэт в белоснежном платье, который приближался ко мне. Я стояла в том самом храме, в котором пряталась, еще будучи богиней. Знакомые черепки валялись на полу, статуя с отломанным носом намекала на то, что перед тем, как спать с мужчиной, нужно требовать справку, засохшие цветы были разбросаны по полу. На всякий случай я протерла глаза.

- Здесь он тебя не найдет. Даже при помощи зеркала, - послышался женский голос, а я увидела тонкую изящную палочку в красивых руках, от которой рассыпались искры.

- Вы - богиня света? - спросила я, рассматривая белоснежное платье.

- Можно сказать и так, - улыбнулась женщина, глядя на меня с величием. - Королева Фей Титания.

- Какие феи? - выдохнула я, осматриваясь по сторонам. - Откуда феи? Где ваши крылья?

- Вот все тебе нужно знать, - произнесла красавица, пока я на всякий случай присела на треснувшую ступеньку. - Ты все сделала правильно. Теперь посмотрим, что скажет нам наш принц...

Воспоминания о каких-то феях лезли в голову, а я пыталась понять, откуда они? Феи-феи-феи! Я слышала о них, но вот не помню где...

Один взмах волшебной палочки, и перед нами появилось огромное круглое зеркало, по ободку которого пробежали волшебные искры.

- Скажи честно, - вздохнула фея, странно глядя на меня. - Ты его любишь?

- Сейчас нет, - честно ответила я, одергивая разорванный рукав. - Сейчас я его малость недолюбиваю. Собственно, к чему вопросы? Ему на меня плевать. Ему нужна богиня, а не я.

В зеркале появился знакомый силуэт, который осторожно ставил осколок на место. Зеркало засветилось, по нему пробежала яркая волна, а оно вспыхнуло ослепительным светом.

- Хозяин! - жалобно произнесло зеркало. - Я ведь все сделал, как вы сказали! Почему она ушла? Она не хочет быть богиней? Она говорила что-то про «идеал»...

- Мне плевать, что она говорила, - произнес Бог Тьмы, а я показала рукой фее, которая смотрела с гордым величием на знакомые крылья.

- Что и требовалось доказать! - пожала плечами я, проглатывая горячий комок слез. - Ему нужна идеальная женщина, богиня, лишенная недостатков. Кстати, он сейчас объявит новый отбор, не хотели бы попробовать себя? Что-то мне подсказывает, что вы отлично подойдете на эту роль.

Фея улыбнулась, а мне почему-то казалось, что она никакая не фея, а богиня.

- Хозяин, - послышался голос зеркала, пока Бог Тьмы стоял, отвернувшись. - А давайте ее поищем? Вдруг с ней что-то случилось?

- Что с ней могло случиться? - произнес Бог Тьмы, глядя на зеркало таким взглядом, словно оно городит несусветную чушь. - Поверь, сейчас она остынет, подумает, и вернется.

- А вдруг не вернется? - встревожилось зеркало, сверкая в темноте. - Вдруг она не захочет вернуться?

- Тогда для чего она вообще пошла на этот отбор? - брови Бога Тьмы поднялись и тут же опустились. - Если бы она не хотела быть богиней, то вряд ли бы сражалась за тебя. Я проверял. Несколько раз. Я просто не понимаю женской логики! То хочу быть богиней, то не хочу. Что она просила тебя показать?

- Эм... Она редко ко мне обращалась, - произнесло зеркало задумчивым голосом.

- Ладно, покажи мне ее! - вздохнул Бог Тьмы, пристально глядя в зеркало. - Мне просто интересно, что она сейчас делает? Плачет, небось. Ничего, сейчас успокоится, подумает, и вернется. Я за ней не полечу. Хватит. У меня тоже терпение не безграничное!

- Сейчас! - обрадовалось зеркало, а я осмотрелась по сторонам, видя странную улыбку феи. - Я ее быстро найду!

В зале стояла тишина, Темный Бог терпеливо ждал, то расправляя крылья, то складывая их. В его руках была тонкая цепочка с маленьким камушком.

- Ее..., - икнуло зеркало. - Ее нет... Я не могу ее найти... Я все обыскало, а ее нигде нет.

Глава одиннадцатая. Крестная семья

- Как это нет? – слышался голос Бога Тьмы. Он подошел поближе, прищурился. – Ищи! Это приказ!

- Я ищу, но ее нигде нет! – перепуганным голосом произнесло зеркало. – Я все обыскало в этом мире, но ее нет!

- Не может такого быть, – шепотом произнес Темный Бог, скребя когтями раму. – Еще раз!

- Щекотно! – взмолилось зеркало, а в нем мелькали тысячи лиц. – Нет... Ее нет. Как сквозь землю провалилась!

Внезапно зеркало погасло, а фея посмотрела на меня.

- На моем месте могла быть любая, – сглотнула я, теребя сухой цветочек на полу. – Ему все равно, кто богиня. Самое обидное то, что это не женская истерика. Это правда, с которой я не хочу мириться. Эти испытания могла пройти любая девушка. И прошла бы, если бы пришла не ради золота, мести, потешить тщеславие и самолюбие. Я пришла туда потому что, что-то меня в нем зацепило... Так бы я никогда не согласилась на этот унижительный отбор!

По моим щекам катились слезы, а я обнимала колени, чувствуя, что не могу не плакать.

- Ну что ж, – величественно произнесла фея, как тут же слышался звонкий детский голосок: «Мама! А я фебя нафла! Уля!».

Я видела, как рядом с феей появляется девочка лет пяти в красивом платье и с ... рогами, на которых болтался венок. У девочки были знакомые крылья, а я не решалась спросить, где их раздают, и кто последний в очереди.

- Сента! – фея тут же поменялась в лице. От ее величественности мало что осталось. – Ты что здесь делаешь! И что с твоими крыльями? Где те розовые?

- Я наныл! Как у Пафы! – сказала вокруг феи маленькая фея. Венок с съехал ей на ухо, а она вцепилась в маму. – Дай палочку! Позязя! Дай палочку!

- Не дам, – выдохнула фея, глядя на меня слегка смущенным взглядом. – Вот научишься выговаривать все буквы, тогда получишь палочку. Папа не может каждые пять минут восстанавливать дворец! Сента, иди, потирань мышей. Что-то они совсем расслабились...

- Мыфки не хоят ша мной иглать, – надулась младшая фея. – Я их шпеленала пофти всех. И ф больниську иглала! Они олали, фто фотят умелеть. Но я им умелеть не дала! Я их купала по оселеди! В фонтане!

О чем она? Каких мышек она купала по очереди в фонтане? Я едва разбирала слова, но девочка такой милой и непосредственной, что я даже невольной улыбнулась сквозь слезы.

- Мама, а пофему они меня боятся? – шмыгнула носом фея, поправляя венок. – Я же их плосто купала... Потом вытилала листиками... И колмила цветофками! Тли мыфки съели, а офтальные не хотели. Плифлось их фнова пеленать...

Глаза малышки налились слезками, а носик захлюпал.

- Дай палочку, – жалобным голоском произнесла Сента, протягивая ладошку. – У меня мыфки голодные...

- Так, – строго произнесла фея, глядя на меня извиняющимся взглядом. – Палочку я тебе не дам. Мамина палочка – не игрушка! Я – не папа! Со мной наныл не срабатывает!

- А посему здесь так темно? – осмотрелась Сента, и тут же заметила меня. – Ой, а ты кто?

Она подбежала ко мне, рассматривая меня. Глаза у малышки были голубыми, а меня все еще смущали черные крылья за спиной.

- Сента, иди домой! – строго произнесла мама, пока малышка поднимала с пола мертвые цветы. – Сенточка, я прошу тебя. Иди к папе.

- А я все папе лассказу! – шмыгнула носом девочка, а цветок в ее руке расцвел. – Я тебя помню. Я тебе лозоцьку подалила! Класивую! Церную! Пока мама не видела!

- Папе ни слова! – произнесла фея, беря малышку за руку. Мне тут же вручили еще одну розу, которую я приняла. – Я кому сказала. Папе ничего не говорить. Мама сама разберется. Давай, иди обратно!

- Без блафика не пойду! – топнула ногой малышка. – Мы же за блафиком плифли?

- Сента, не вредничай! Иди к папе! – произнесла фея, открывая светящуюся дверь и заталкивая ребенка. Свет погас, а она обернулась ко мне.

- Простите, а почему у нее рога? – спросила я, глядя на фею, которая тяжело выдохнула.

- Это в истинную сущность папы, – устало произнесла фея, опасливо осматриваясь по сторонам. Она присела рядом со мной, пока я рассматривала подаренный мне цветок.

- Мама! А можно я их есе лаз искупаю! Только в плуду? – послышался голосок. – Не выывайся! Инасе будеф куфать пefочек...

- Можно, – как-то радостно отозвалась мама. – Можешь купать их в пруду. Так, на чем мы остановились?

- Мам! У меня пять мыфей уплыло! Я их палофькой поймала... – слышался детский голосок с такой тревогой, что я начинала волноваться за мышей.

- Ничего страшного, милая, – улыбнулась фея, снова пытаясь вернуть нить разговора. – Я тебя прекрасно понимаю. Но не стоит делать таких выводов сразу, ведь ...

- Мам! А фто делать ефли мыфки плафют? Я их баюкаю, а они плафют, – слышался расстроенный голос Сенты. – И пофему они больфе не хотят петь мне пefенку...

- Странно, – пожала плечами мама, а от меня не ускользнула тень нехорошей улыбки. – А мне они часто пели. Но ты пробуй, пробуй...

Фея вздохнула, глядя на меня грустным взглядом.

- Папа разбаловал, – пожала плечами она. – Мама воспитывает, а папа балует. Замкнутый круг. Папин Наныл и мамин Заябублик.

Внезапно послышался жесткий мужской голос: «Малефисента!». Фея схватилась за сердце, тихо оседая по колонне. «Папочка!!!», – раздался радостный крик.

- Пост сдал, пост принял, – выдохнула фея, а от ее былой надменности и величия мало что осталось. – Папа пришел. Теперь можно со всем спокойно разобраться.

- А папа кто? – как-то не очень вежливо спросила я, растирая опухшее от слез лицо.

- Эм... Предположительно древний бог, – послышался голос феи. – Но что-то мне подсказывает, что демона мы тоже исключать не будем!

- А... – как-то невпопад протянула я, пока фея колдовала волшебное зеркало. Пока в нем стущалась тьма, я обнимала колени.

- Ты ушла, чтобы убедиться в том, что ему нужна именно ты, а не любая, кто пройдет испытания? – послышался голос феи, пока зеркало настраивалось, а я расстраивалась еще сильнее. – Ты рискнула всем, чтобы узнать, любит он тебя или нет?

Отвечать я не стала, перебирая лепестки подаренного мне цветка. Мне казалось, что это очевидно.

- Ты прошла столько испытаний, пережила столько приключений, чтобы узнать одну единственную истину? – немного удивилась фея, пока я угрюмо ковыряла цветок. Догадываюсь, что она сейчас скажет.

- Молодец, - слышался ее голос, а она обняла меня, прижав к себе. - Горжусь. В свое время я и не такое провернула ради одного чудовища.

- Расколдовывали чудовище? - спросила я, что-то смутно припоминая. - Чтобы стал принцем? Я что-то припоминаю... Там еще цветочек был... Кажется....

- Расколдовывали прекрасного принца, чтобы получить чудовище! - заметила фея, а изображение в зеркале дернулось и стабилизировалось.

Я подняла глаза и обомлела. На коленях возле зеркала стоял растрепанный Бог Тьмы. Его когтистые руки впились в раму, а зеркало орало, что ему больно и щекотно!

- Ищи! - шептал он. - Ищи где хочешь... Среди мертвых, среди живых... Только ищи...

- Может, если она в другом мире, то можно попросить отца? - робко спросило зеркало, а Бог Тьмы поднял голову, с ужасом осматриваясь по сторонам. - Я просто предложил!

- Я просто хотел найти такую же, как мама... Идеальную, красивую, умную... - сидел возле зеркала Бог Тьмы, а растрепанные волосы облепили лицо. Он лениво повернул голову, а в его взгляде было столько отчаяния. - И чтобы она полюбила во мне и чудовище. Принца любить просто. Проще некуда. Он весь - сплошное мужское достоинство...

- Да-а-а, - уныло вздохнуло зеркало. - За сплошное мужское достоинство полюбить легко... А вот у чудовища достоинства нет. Мужского. Потому что он - не принц!

- Значит, хочет такую же, как мама? - прищурилась фея, вставая и с места и подходя к зеркалу. - Хорошо! Светлячок, посиди здесь! Сейчас я с ним разберусь. А то у нас тут и гордость, и предубеждение!

Она исчезла, а я смотрела, как по залу в сторону зеркала и Бога Тьмы идет красавица фея. Темный Бог тут же увидел ее, а через мгновение от следов отчаяния ничего не осталось. Он был идеально причесан, спокоен и холоден. Зеркало погасло, пробежав волною искорок.

- Мама? - спросил он абсолютно спокойно, словно только что не сидел на полу в обнимку с зеркалом. - Ты меня нашла?

Мама?!! Я когда-нибудь перестану удивляться? Где внутри меня есть такая «удивилка», которую нужно нажать, и больше не удивляться никогда?

- Да, мой мышонок, - улыбнулась фея, подойдя поближе. - Я вижу, что у тебя все в порядке.

- Конечно, - холодно заметил Летучий Мыш, глядя на мать. - У меня все в полном порядке. Папа сказал: «Завоюй свой мир, и живи отдельно!». Вот я и завоевал. Папа может мною гордиться!

- Он всегда тобой гордился, - произнесла мама, глядя на сына, который вымахал на три головы выше нее. - Я слышала, то у тебя девушка появилась? То есть мои крестницы тебе не нравились?

- Нет никакой девушки, - спокойно и величественно ответил «Мышонок». - Ни одна девушка не сможет стать такой, как ты. Так что папе повезло. Ладно, мам. Была, но ничего серьезного.

- Это очень хорошо, что ничего серьезного, - тут же закивала мама. - Я, кажется, видела ее. Она говорила что-то про тебя, про то, что хотела бы вернуться в свой мир. А потом сказала, что знает способ!

Бог Тьмы смотрел на мать, застыв, словно статуя.

- Вот я и говорю. Хорошо, что ничего серьезного! Насколько я поняла, это - твоя очередная богинька. Так что если вдруг решит вернуться в свой мир, то умрет, как ей и полагается, - улыбнулась мать. - Ничего, мы найдем другую. Идеальную. Мама лично устроит отбор, и будет искать тебе твою идеальную девушку!

Глаза Бога Тьмы расширились, а она смотрел куда-то в видимую ему точку, безотрывно и молча.

- Хотя, зачем отбор! У меня есть замечательная крестница! – потеряла руки фея, а потом взмахнула волшебной палочкой. В зале вспыхнули огни. – Она просто идеальна! Добра, умна, скромна, готовит, стирает, убирает, красавица! Мама уже все решила!

Рядом с феей появилась девушка изумительной красоты. Она молча стояла и вежливо улыбалась, скромно опустив глаза. Белоснежное платье рассыпалось искрами, а я вцепилась в колонну, понимая, что такого поворота не ожидала. То есть, у феи уже был запасной вариант? В груди что-то заныло, к горлу подполз липкий, предательский, горький и склизкий комок соплей и слез.

- Я рада, что у тебя не сложилось с той богинькой, - авторитетно произнесла мама, снова показывая на красавицу. – Поэтому привела тебе самую лучшую крестницу. Она справиться с ролью богини света. – Ты только посмотри на нее! Думаю начнем с малого! Я вас тут оставлю, вы поговорите, погуляете. Ты ей мир покажешь, обязательно. Папа уже одобрил!

- Она умерла? – наконец подал голос Бог Тьмы, сохраняя спокойствие.

- А чем тебе эта не нравится? – спокойно пожала плечами мама, а я смотрела на идеальное лицо красавицы, которая вежливо улыбнулась. – Да забудь ты ее. Ушла, так ушла. Нечего так переживать!

- Я хочу в этом убедиться, - дернулся Бог Тьмы, а мое сердце вздрогнуло. Неужели он так спокойно воспринял эту новость?

- Она умерла, сынок. Поверь маме на слово, - равнодушно пожала плечами фея. – Увы... Если бы я знала, что, наверное, попыталась ее бы остановить... Но я же не думала, что у вас все так серьезно!

- Очень жаль, - спокойно произнес Бог Тьмы. – Мама, извини, но меня зовут люди. Им опять от меня что-то нужно. Я же бог?

Он усмехнулся, оттолкнулся от пола, расправляя черные крылья и исчез во тьме купола.

- Ваше Величество, - произнесла красавица и умница мужским голосом. – У меня урок... До конца урока еще полчаса, а я им оставил на растерзание три тыквы! Там все в тыкве!

- Все, можешь идти! – улыбнулась королева фей, глядя на то, как красавица превращается в красавца с розовыми крыльями. – Я еще помню, как впервые нацепили на тебя женское платье!

Фея исчезла, тут же очутившись за моей спиной.

- Как я и говорила, - вздохнула я, глядя на свое потрепанное расставанием платье. – Ничто его не пронимает!

Зеркало скользнуло во тьму, освещая фигуру, стоявшую в темноте.

Бог Тьмы смотрел на свою руку с когтями, словно сжимая что-то невидимое, а потом поднял лицо. В покрасневших глазах стояли слезы.

- Я отпустил... - едва слышно прошептал он, прерывисто дыша. – А она... Она умерла... Умер мой маленький светлячок... Глупый маленький гордый светлячок...

Бог Тьмы опустился на колени, пытаясь обнять что-то невидимое. Его черные крылья расплзлись по полу, а он обнимал что-то невидимое, задыхаясь в абсолютной темноте.

- Зачем я ее отпустил? – слышался тихий рыдающий шепот. Я впервые видела, как мужчина плачет. И тем более впервые видела, как плачет бог...

- Маленькая моя, - едва слышно прошептал он, баюкая что-то маленькое и невидимое. – Почему ты ушла? Вот что мне нужно было сделать, чтобы тебя удержать? Посадить в клетку? Если бы надо было бы, посадил...

Хрипловатые вздохи прерывались шмыганьем моего носа, а я понимала, что меня действительно любят. Просто кто-то слишком гордый, чтобы признаться в этом. Весь в папу. Мне вообще один раз только в любви признались. И то без слов. Женщина, которая требует каждый день признания в любви, не любит ни себя, ни его. Мужчины просто устроены немного по-другому. Когда-то я променяла сопливого принца на суровое чудовище. И ни дня не пожалела.

- Кто-нибудь, - задохнулся Бог Тьмы, а я смотрела на него, сквозь пелену слез. - Верните мне ее... Такую, какая есть... Я больше ничего не попрошу... Только верните ее...

- Ты просто его не знаешь, - улыбнулась фея, пока я растирала слезы. Мне безумно хотелось его обнять, броситься к нему на шею, вцепиться и не отпускать... Если бы не фея, я бы никогда не узнала о том, что тьма умеет плакать и страдать...

- Можно к нему, - взмолилась я, а фея тут же обняла меня, как родную. - Я не могу смотреть, как он страдает... Пустите... Перенесите... Я не знаю как, но я прошу вас...

Она толкнула меня, а я неожиданно для себя очутилась в полной темноте. Может, раньше я бы и испугалась, но сейчас шла, слыша сердцем каждый свой неуверенный шаг. Глаза привыкли к мраку, а бросилась вдоль колонн, понимая, что он где-то рядом... Я люблю его... Люблю... Противное, мерзкое, отвратительное, гордое и сейчас слегка сопливое чудовище.

- Светлячок, - слышалось отчаянный тихий вой. - Мой маленький светлячок...

Я застыла в нерешительности, спрятавшись за колонной. Сердце умоляло меня подойти к нему, но я почему-то боялась.

- Я бы не отпустил тебя... - задыхалась тьма, будучи уверенным, что ее никто не видит.

Или я выдохнула громко, или пошевелилась, но Бог Тьмы застыл.

- Кто здесь? - в его голосе прозвучала сталь. Он встал, глядя величественно и спокойно. - Я спрашиваю! Кто здесь?

После такого хотелось спрятаться за колонну и не вылезать. Это был тот самый мужчина, который считал, что слезы и слабость - это преступление. А свидетелей преступления нужно кончать на месте.

Он сделал несколько шагов, а я притихла мышкой, сползая по колонне. Что-то мне боязно после этого подходить к нему, если честно.

- Я задал вопрос, - в голосе звенела сталь. Никогда бы не поверила, что только что он рыдал, как мальчишка. - Отвечай.

Осторожно, мысленно сжимаясь, я выглянула из-за колонны, в любой момент готовясь дать стрелача. Тактика проверенная, осечек не давала!

Я сделала шаг, видя суровое лицо.

- Я знал, что ты вернешься, - абсолютно спокойно произнес Бог Тьмы, глядя мне в глаза. О том, что он только что переживал не лучший момент своей жизни, напоминали перья на полу.

И вот как теперь? Я надеялась, что меня тут же обнимут, зацелуют, прижмут и больше не отпустят, а тут такое!

- Могу уйти, - обиделась я. Не надо цветов и оркестров, и ящик на красной ковровой дорожке. - Ладно, мне не рады, я пойду.

Я демонстративно развернулась, понимая, что одно дело видеть, как он тихо помирает воробышком в уголке в зеркале, а другое дело явиться пред светлые очи, чтобы услышать лениво брошенное: «Я знал, что ты вернешься!».

В тот момент, когда я уже делала вид, что ухожу, послышался такой гром, что внутри что-то нервно сжалось. Я бросилась к колонне. На мгновение показалось, что сейчас все

завалится. Раскат грома раздался так близко, сотрясая стены, пол и колонну, которая прямо под пальцами дала трещину.

- Паша, - слышался страшный голос, пока я мысленно благословляла судьбу, что меня зовут Женя. Стоп! Паша? Какой Паша?

Из молнии, которая разрасталась, ослепительной вспышкой, проносясь по всему залу вылетел страшный конь, на мгновение застыв в прыжке, а потом с грохотом приземлившись на черные плиты храма. На коне сидело то, от чего хотелось бежать и оглянуться только лет через пять!

В серой дымке, в страшных доспехах, похожих на спрессованные черепашки, в драном плаще восседал рыцарь в шлеме, от которого смерть тихо спряталась бы в кустах, в надежде, что она «не Паша» и на Пашу вообще не похожа!

- Папа! Папофька! - слышался знакомый голосочек, а я увидела, как на могучей руке восседает Сента, хлюпая носом и телепая ногами в маленьких туфельках. В ее руках была волшебная палочка, которой она интенсивно трясла.

- Оберон! - слышался голос феи, которая появилась из-ниоткуда.

- Мама! Фмотли! У меня палкофька! - радовалась Сента, гордо восседая на этом чудовище в доспехах, которое я бы законсервировала до лучших времен.

- Оберон, - фея уперла руки в боки, глядя на чудовище. Видимо, это их папа. - Ты зачем дал ей палочку?

- Папа не виноват! Я наныл! - шмыгнула носом малявочка, повиснув на папиных доспехах. - Мама, я ему не говорила! Он шам догадался!

- Это чужой мир. Мне его не жалко, - произнесло чудовище, скидывая шлем. Ничего себе! Я смотрела на красавца с длинными алыми волосами, прижимающего к себе маленькую девочку. Если это - чудовище, то боюсь представить принца... Он молча слез с коня, направляясь к Богу Тьмы. Следом бросилась крестная фея, повиснув сразу на двоих.

- Я хочу поговорить с сыном, - отрезало чудовище. Нет, ну ради того чудовища можно было отлавливать принцев по одному и расколдовывать в надежде на результат.

Я решила отойти подальше от дружной семьи, знакомство с которой заставляло меня слегка вздрагивать и настораживаться. А не спешит ли сюда какая-нибудь кровожадная бабушка, неся пирожки с печенью, собственного изымания?

- Нисево ты не умеешь! - слышался голосок, а меня схватили за руку. - Муфин соблажнять не умеешь!

Я смотрела на малявочку, которая оттаскивала меня за колонну.

- Лашкаживаю! Шоблажнять муфин нужно так! - Сента посмотрела на меня пристально, и тут же ее лицо стало таким жалобным-жалобным. - Муфина шлазу штанет гелоем, ешли лядом ешт наныл!

Она махнула волшебной палочкой и снесла половину колонны.

- Пусть сами разбираются, - слышался голос чудовища. - Сента! Быстро сюда!

- Папа! - Сента тут же сделала самое жалобное лицо. - Папоська, не лугай...

И тут случилось чудо, от которого я до сих пор не могу отойти. Чудовище тут же изменилось, начиная объяснять, что ничего страшного, что главное, что она цела...

Через мгновение довольный наныл вместе с мамой оказались в железной хватке чудовища. Малявочка взмахнула палочкой и.... Они исчезли. Храм зашатался, а я испуганно дернулась в сторону, от падающей колонны. Ничего себе! Я бежала, содрогаясь от того, как с грохотом складываются стены! Когда мне говорили про половину дворца, случайно, не это имели в виду?

На подол платья упал огромный кусок потолка, прижав его, а я с ужасом металась, пытаюсь его оторвать. Меня дернули, и все прекратилось. Я стояла и всхлипывала, прижимаясь к чужой груди и видя, как меня укрывают крыльями.

- Не бойся, - послышался голос, а меня гладили. - Все хорошо...

- Вот почему ты такой вредный? - я ударила кулачками в его грудь, понимая, что сейчас задую его! - Это тебе за то, что ты такой вредны!

Он смеялся, пока я негодовала.

- Это тебе за то, что ты такой гордый! - я снова ударила кулачком в его грудь.

Бог Тьмы со смехом смотрел на мои попытки победить тьму. Если где-то и есть древнее пророчество про битву света и тьмы, добра и зла, то я честно пытаюсь его осуществить!

- А это тебе за то, что ты - Паша! - возмущенно нахохлилась я, ударив его еще раз. Кто возлагал на меня надежды в этой непримиримой борьбе, пусть положат их на кого-нибудь другого.

- Тише, мой светлячок, тише, - слышался голос, а грохот прекратился. - Все хорошо...

Я подняла на него лицо, вспоминая советы «юной соблазнительницы». По щеке стекла слеза, которую тут же осушили поцелуем. Что? Наныл работает? То есть, если бы я знала об этом раньше, я бы сразу наныл себе на трупы тех, кто разрушал мои храмы?

- Больше никогда не уходи, - шептали мне, с нежностью прижавшись щекой к моей макушке, пока я чувствовала подступающий комок поэтических слез и прозаических соплей. - Слышишь? Никогда... Я... действительно переживал за тебя... И не знал, как переживу то, что тебя больше нет... Ты меня слышишь, светлячок?

Я чувствовала, как меня убаюкивает, а я сонно прижалась к его груди, ощущая нежное поглаживание по обнаженной спине. Так! А где мое платье? Меня вырвали, а платье осталось?

- Без паники, - прошептали мне, нежно потершись носом о мой нос. - Оно тебе еще не скоро пригодиться... Помнится, кто-то обещал мне показать фрикасе...

Я осмотрелась по сторонам. Правда, кто бы это мог быть?

- Давай попробуем угадать, что это? - послышался шепот, а меня дернуло вверх. Мы опустились в знакомой спальне знакомого храма, а меня уложили на кровать, спускаясь коварными поцелуями все ниже и ниже...

- Это фрикасе? - послышался шепот, после того, как я стала понимать, откуда такой ажиотаж вокруг моего мужика. Мои пальцы сминали ткань, а я крыло скользило по моему вздрагивающему животу.

- Нет, - прошептала я, тяжело дыша и все еще пытаюсь прийти в себя. Просто так мужчин вряд ли называют богом разврата!

Я чувствовала, как его язык скользнул по моему запястью, отдаваясь сладкими мурашками.

- Нет, - на всякий случай прошептала я, понимая, что меня поднимают вверх. Мои руки легли на обнаженные плечи, а от взмаха крыльев перехватило дыхание. Поцелуй, от которого кружилась голова, заставляя умирать каждое мгновение, а я не понимала, как вообще это можно делать в воздухе.

- Т-т-тоже... нет, - едва слышно прошептала я, содрогаясь всем телом и прижимаясь к его груди. - Угадывай дальше...

Эпилог

В храме было светло, а мире в пока еще царил яркий, солнечный день. Ничего, скоро он сменится темной и мрачной ночью. Баланс сил в мире был восстановлен. И пока я рассказывала людям о том, что нужно вести себя хорошо, сладкий голос в темноте шептал им, что можно вести себя плохо.

- Вот как тебе не стыдно, - насупилась я, понимая, что за эту ночь опять кого-то ограбили и убили. - Я тут всеми силами борюсь за то, чтобы люди стали лучше!

- А я всеми силами борюсь за то, чтобы людей стало больше! - усмехнулся Бог Тьмы, обнимая меня. В мире наполнился красивый вечер, сверкая бриллиантами звезд. - Может, сегодня день будет короче? И мы сразу перейдем к ночи?

- Вот скажи мне, ты ведь прекрасно знал, что это волосатое нечто на отборе - это я, - я прикоснулась к зеркалу, понимая, что моя смена заканчивается. - Я хочу просто знать, из каких недр твоей извращенной фантазии выползло это волосатое нечто!

- Богиня! - дергало меня зеркало, а меня нежно и коварно отвлекали от дел, сгребая когтистой лапой нежную белую тунику на груди. Драгоценные камни осыпались дождем под ноги, а мои ноги отрывались от пола.

- Почему у меня ни одна туника не живет дольше дня? - сдавалась я, понимая, что эту тунику постигнет та же печальная участь. Когти рвали ткань, а алмазная вышивка барабанила по плитам храма.

- Может, потому что я не хочу, чтобы ты два раза появлялась в одном и том же? Что подумают люди? - соблазнительно шептали мне, пока зеркало тревожно орало, требуя моего срочного внимания.

- А если там храм горит? Мало ли? - шептала я, откидывая голову, а рваные остатки туники стекли по моей груди на пол.

- Если сожгли твой храм, я сожгу их. Они это прекрасно знают, - послышался прерывистый голос, а черный крылья поднимали нас все выше и выше...

- Богиня! - надрывалось зеркало, не отличающее умом и сообразительностью.

- А если... - закусила губу я, плаваясь от наслаждения в его руках. - А если на нас напали ... какие-нибудь ... враги?

- Пусть радуются... Я дарю им еще пятнадцать минут жизни, - слышался шепот, а мою спину царапали сладкие коготки.

- Богиня! - в отчаянии выкрикнуло зеркало, пока меня осторожно ставили на пол, укрывая крыльями. На мне появилась новая туника, расшитая золотом и драгоценностями. Красивая, конечно, но привыкать к ней не стоит...

- Ну наконец-то! - взмолилось зеркало, а за моей спиной послышался шорох крыльев.

- Паша, я тебя прошу! Убери золото из коридора! Я уже вчера наступила на диадему! - попросила я, понимая, что бесполезно.

- Это была ловушка, - послышался голос из тьмы, которая наполнила постепенно на зал, обволакивая колонны. - Только не говори, что тебе не понравилось...

Я вспомнила, как корона упиралась мне в попу и спину, решив не разочаровывать любителя экспериментов.

- Богиня, тут к вам в храм пришли! - радостно сообщило зеркало, идя рябью. Я видела белоснежные колонны вдоль которых двигается целая делегация волосатиков. На всякий случай я протерла глаза, понимая, что не верю своим глазам!

Волосатики двигались кучками и что-то тащили по полу, глаза по сторонам.

- Мы, жители глубокого севера, - произнес главный волосатик женским голосом. -

Пришли почтить великую богиню света! И принесли ей в дар слабосоленого тюленя!

Я поперхнулась, опасливо осмотревшись по сторонам. Волосатики разворачивали свою ношу, вытаскивая целую тушу тюленя.

- Примите наш скромный дар, который мы тащили с самого глубокого севера, - учтиво произнес волосатик, пока жрицы смотрели на них с явным интересом, перешептываясь и переглядываясь. - Мы еще принесли лосося! Простите, что дары наши очень скромны. У нас, на глубоком севере, либо лосось, либо лосось!

- Мы вот о чем просим, - произнес второй волосатик женским голосом, пока остальные водружали тюленя под мою статую. Казалось, что я его случайно раздавила ногой. - Секс у нас ушел... Далеко за ним теперь ходить приходится...

- Последний мужик у нас вымер, - перебил его третий волосатик женским голосом, горестно вздыхая. - И оттепель... Сосульки уже не спасают... Чем мы только не мазались! И жиром, и старой рыбой, и тюленем прошлогодним... Ничего не помогает!

- Ущипните меня, кто-нибудь! - едва слышно прошептала я, понимая, что совпадений не бывает.

- Ай! - простонала я, понимая, что желание сбылось, а золотой рыб получил ладошкой по когтистому плавнику. - Да не за попу!

- В этом году зима слабая, - пояснил еще один волосатик, задирая голову. - Шаманка сказала, что танец не понравился вам, поэтому вы увели секс далеко-далеко... И послала нас сюда! Она сказала, что это вы гневаетесь!

- Мы очень просим вас, - осмотрелся первый волосатик, глядя на меня одними зелеными глазами. - Помогите нам! Мы прошли такой путь, чтобы поговорить с вами! Три раза чуть тюленя не потеряли. Один раз на нас напали разбойники...

- Еле отбились, - с сожалением всхлинула еще одна пушистая красавица. - Разбойники... Мы гнались за ними, но они лучше знали леса... И снега не было. Так бы по снегу выследили... Жалко то как... Красивые были, но шустрые... А мы тюленя покинуть не могли!

Я бы на их месте бросила бы. Его уже покинули удача, жизнь и свежесть...

- Мы никуда не уйдем, пока вы нам мужиков не дадите! - сурово заметила главная волосатая красавица с кокетливыми косичками по периметру.

- Милый, - едва слышно прошептала я, дергая его за перышко. - Это больше по твоей части... Разврат и так далее...

- А мне кажется, что больше по твоей. Они хотят большой и чистой любви! - коварно ущипнули меня за то место, на котором остался отпечаток короны. У меня на предплечье виднеется кругленький профиль какого-то вождя древности. А нет! Уже сошел! А на локте надпись «1 золотой».

Я потерла плечо, тихо выщипывая одно черное перышко. Делая это с явным наслаждением, пока меня скребли коготком.

- Любви хотим! Большой и горячей! Чтобы зимой нас согревала! - шмыгнула носом волосатая красавица. - А то ночи у нас холодные...

- Вы пока оставайтесь в городе, - вздохнула я, прикидывая, кого можно отправить в ссылку на глубокий север. Можно взять февралистов... Те, которые восстание пытались поднять. Или ноябристов... В ноябре тоже прохладно было. Ладно, буду думать.

- Благодарим вас, богиня! - слышались довольные голоса. - Вы тюленя попробуйте! Обязательно!

- Только мы его немного объели! По дороге! - созналась главная красавица, сложив пушистые лапки на груди.

Так! А куда делся мой мужик? Перья есть, а мужика нет! Не хочет этим заниматься. Ладно, сейчас будем зеркало пытаться... Искать желающих отправиться в долгую полярную экспедицию по большой-большой любви.

- Зеркало! – строго произнесла я. – Найди мне тех, кто готов отправиться на север! По большой любви!

Стоило мне обернуться, как в меня что-то врезалось, заставив согнуться пополам и резко выдохнуть.

- Дай сюда! – слышался детский голос. – Это я первая нашла!

- Нет, я!

Меня сносило к зеркалу, а я пыталась управиться с дерущимися детишками.

- Аврора! Байярд! – строго произнесла я, разнимая двойняшек, которые тянули в разные стороны толстую золотую цепочку. Рассвет и Закат. Мне кажется, что имена им очень подходят!

- Это я нашла в маминой комнате! – слышался обиженный голосок Авроры, а она шмыгала носом, пытаясь изобразить наныла. Ее пальчик тыкал в сверкающую безделушку, которая осталась в руках сына.

- Зато я первый схватил! – показал язык Байярд, прячась за меня.

- Давайте мама посмотрит, – спокойно произнесла я, присаживаясь и протягивая руку. Байярд надулся, как хомяк, пряча руку за спиной.

- А он мне корону в постель подложил! – плаксиво сказала Аврора, надувая губы.

- А ты в меня золотом кинула! – тут же парировал Байярд, все еще пряча руку за спиной.

- А когда я лепила куличики из монеток, он все сломал! – топнула ножкой Ава, собрав руки на груди и отвернувшись.

- Прекратите ругаться, – авторитетно произнесла я, вытирая один сопливый нос, а потом второй. – Вы должны жить дружно. Бай, показывай, что там...

- А он мне... – снова начала Ава, а сын раскрыл ладонь, на которой лежал огромный камень на толстой золотой цепочке, а вокруг него красовались висюльки с маленькими камушками. В двадцать четыре карата! Я на мгновение застыла, а совесть заорала: «Ты ведь не прошла одно испытание! Вот такая ты богиня света! Пожадничала! Спрятала камушек! Тебе просто повезло!». Я прикусила совесть, вспоминая, как требовала, чтобы моя старая комната с отбора осталась моей, как в свободное время шарилась по ней в поисках этого камня, как перерывала все, в надежде найти его. Но тщетно! А тут...

Караул!

- Чтобы вам не пришлось его делить, подарите его маме, – нервно улыбнулась я. – Все согласны?

Дети переглянулись, а потом кивнули. Мне на руку легла знакомая пыльная цепочка.

- Это тебе, ма! Мы тебя любим! – повисли на мне двойняшки. – Пошли играть! Я тебе покажу тако-о-ое! Ты видала когда-нибудь доспехи со змеями? Пойдем!

Забыв про ссору, брат схватил за руку сестру, и они умчались рыться в своей «песочнице».

- Наконец-то, – прошептала я, глядя на проклятый камень, который не давал мне спать по ночам, терзая мою совесть. – Я тебя нашла!

- Кого нашла? – поинтересовался голос любимого, а я спрятала камень за спину, пятясь к зеркалу, в котором мелькали картинки лиц и слышались обрывки фраз.

- Тебя, любимый, – ласково произнесла я, отойдя к зеркалу почти вплотную. Осторожно,

чтобы он не заметил, я бросила камень в зеркало.

- Я тоже рад, что тебя нашел, - меня обняли, прижав к себе и снова ковыряя когтем тунику. Все! Теперь совесть чиста!

- Не может быть! - слышался хриловатый мужской голос. - Дети, бегите сюда! Жена! Иди сюда! Я сидел, сидел, а тут упало... Смотрите! Не иначе, как дар богини!

- Яль, - слышался женский голос полный слез. - Ялечка, теперь мы сможем купить еды! Мы спасены! Какое счастье!

Вот теперь я - настоящая богиня света.

Конец!